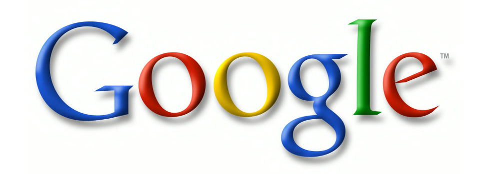

DS135
R9V67
1893:JUL.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Іюль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.
1893.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ.

О ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТАХЪ ПО ИСТОРІИ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Открывая настоящею статьею рядъ *періодическихъ сообщеній по исторіи русскихъ евреевъ*, я считаю нужнымъ предварительно высказать нѣсколько замѣчаній, во-1-хъ, о томъ, какъ обстоитъ теперь дѣло разработки русско-еврейской исторіи, и во-2-хъ—о программѣ и цѣли предлагаемыхъ «сообщеній».

По первому изъ этихъ пунктовъ мнѣ не придется быть многословнымъ. Общее состояніе нашей «исторіографіи» было уже довольно подробно изображено мною года два назадъ въ статьѣ «Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ» [1]. Въ этомъ небольшомъ трактатѣ было, кажется, употреблено достаточное количество доводовъ въ доказательство того, что исторіографія, въ истинномъ смыслѣ слова, у насъ совершенно отсутствуетъ, между тѣмъ какъ она могла-бы широко развиться при доброй волѣ и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ виду крайней сбивчивости понятій о содержаніи, объемѣ и фактическихъ источникахъ русско-еврейской исторіи, сдѣлана была попытка разъяснить всѣ эти пункты съ возможною въ данномъ случаѣ полнотою. Далѣе было указано: что даже первоначальная, подготовительная работа къ исторіографіи русскихъ евреевъ, т. е. простое собираніе матеріаловъ, находится еще въ зачаточномъ періодѣ и вдобавокъ носитъ совершенно случайный, спорадическій характеръ; что на нашихъ глазахъ гибнутъ, гніютъ или варварски истреб-

---

[1] *Восходъ*, 1891 г., кн. IV—IX; вышла въ томъ-же году и отдѣльною книжкою.

ляются цѣлыя массы историческихъ документовъ, въ родѣ старинныхъ кагалныхъ актовыхъ книгъ и манускриптовъ историческаго содержанія; что мы, очевидно, вовсе не дорожимъ реликвіями нашего прошедшаго и не обращаемъ вниманія на обильный историческій матеріалъ, разбросанный въ государственныхъ или частныхъ архивахъ и библіотекахъ, въ народныхъ преданіяхъ, мѣстныхъ обычаяхъ, вещественныхъ памятникахъ и старопечатныхъ книгахъ. Общій выводъ былъ тотъ, что мы, русскіе евреи, имѣемъ многовѣковую *исторію*, т. е. достаточно богатое событіями и внутреннимъ содержаніемъ прошедшее, но еще не имѣемъ *исторіографіи*, которая возсоздала-бы это прошедшее и увѣковѣчила-бы его въ памяти народной...

Все это заставило меня тогда-же высказать свое глубокое убѣжденіе (которое дальнѣйшій специальный опытъ еще болѣе усилилъ), что намъ безотлагательно необходимо приступить къ организаціи подготовительныхъ работъ по исторіи русскихъ евреевъ, привлекая къ дѣлу собиранія матеріаловъ коллективную силу—т. е. сочувствующихъ дѣлу или интересующихся имъ лицъ во всѣхъ мѣстахъ еврейской осѣдлости. Лучшимъ способомъ такой организаціи естественно казалось, съ перваго взгляда, учрежденіе соотвѣтствующаго «Историческаго Общества», съ ученой при немъ «Коммиссіей», планъ дѣятельности которыхъ былъ начертанъ въ названномъ моемъ трактатѣ. Но уже въ тотъ моментъ, когда я проектировалъ такое учрежденіе, я хорошо зналъ, что осуществленіе этого предпріятія сопряжено съ немалыми внѣшними трудностями и подвержено разнымъ случайностямъ, которыя въ лучшемъ случаѣ значительно замедлили-бы предстоящую работу,—а потому было-бы крайне нецѣлесообразно ставить въ зависимость отъ этого именно проекта все дѣло разработки русско-еврейской исторіи. Я вскорѣ пришелъ къ заключенію, что стремясь къ созданію «Историческаго Общества», какъ наилучшаго и испытаннаго способа организаціи подготовительныхъ работъ, мы тѣмъ не менѣе не должны пренебрегать пока и тѣми способами организаціи, которые, будучи не столь совершенны, имѣютъ однако то удобство, что зависятъ всецѣло отъ нашей доброй воли и мо-

гутъ быть употреблены въ дѣло немедлено. Въ этомъ смыслѣ обнародовано было мною въ концѣ 1891 г. *воззваніе* [1], въ которомъ я обращался ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу лицамъ (а въ изъявленіяхъ «сочувствія» недостатка не было) съ предложеніемъ—собирать, каждому въ своемъ мѣстѣ, всякаго рода документы и свѣдѣнія, имѣющіе отношеніе къ исторіи русскихъ евреевъ. Въ виду-же отсутствія особаго центра, куда стекались-бы всѣ подобные матеріалы, я просилъ направлять ихъ, впредь до учрежденія спеціальной «Исторической Коммиссіи», ко мнѣ, причемъ я взялъ на себя обязанность сообщать о собираемыхъ матеріалахъ въ періодическихъ отчетахъ. «Воззваніе» сопровождалось краткою инструкціей для собирателей историческихъ документовъ.

Если сама идея, развитая въ брошюрѣ «Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ», встрѣтила, повидимому, искреннее сочувствіе въ нѣкоторыхъ слояхъ общества и въ нѣсколькихъ органахъ печати, не только еврейской, но и русской [2],—то призывъ къ осуществленію этой идеи, то-есть къ дѣйствительному *участію* въ подготовительныхъ историческихъ работахъ, привелъ къ результатамъ не столь ободрительнаго свойства. Несмотря на то, что воззваніе мое распространялось въ значительномъ количествѣ экземпляровъ (помимо напечатанія его въ «Восходѣ», оно разсылалось въ особыхъ оттискахъ большинству казенныхъ раввиновъ и многимъ частнымъ лицамъ), количество доставляемыхъ мнѣ историческихъ свѣдѣній было сравнительно ничтожно. Казенные раввины, за очень рѣдкими исключеніями, остались вѣрны своему поистинѣ «казенному» отношенію къ общимъ и въ особенности духовнымъ интересамъ еврейства и не сочли нужнымъ даже «отписываться» въ отвѣтъ на адресованное имъ воззваніе: благо, оно не было помѣчено штемпелемъ какого-либо вѣдомства и не представляло собою «дѣла» или «отношенія» за извѣстнымъ №. Отъ

[1] „О совокупной работѣ по собиранію матеріаловъ для исторіи русскихъ евреевъ", *Восходъ*, 1891 г., кн. XI. Появилось и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

[2] Ср. напр. рецензію въ историческомъ журналѣ „Русская Старина", 1892 года, въ мартовской книжкѣ.

частныхъ лицъ получались нѣкоторыя полезныя сообщенія и указанія, но гораздо чаще мои корреспонденты ограничивались изъявленіями сочувствія и обѣщаніями сотрудничества, мало заботясь впослѣдствіи объ исполненіи своихъ обѣщаній. Опытъ вскорѣ убѣдилъ меня, что нельзя многаго ожидать отъ сотрудничества лицъ, составляющихъ обыкновенную провинціальную публику русско-еврейскихъ изданій, т. е. отъ «интеллигентной» или полуобразованной массы, болѣе или менѣе оторванной отъ своихъ народныхъ традицій и не успѣвшей еще усвоить себѣ болѣе широкаго европейскаго міросозорцанія, не научившейся цѣнить надлежащимъ образомъ ни исторіи, ни вообще серьезной литературы. Я полагалъ, что сравнительно вѣрнѣе можно-бы разсчитывать на участіе въ собирательной работѣ лицъ, принадлежащихъ къ болѣе патріархальному кругу и ближе стоящихъ къ традиціямъ прошедшаго, рѣдко читающихъ по-русски, но хорошо знакомыхъ по крайней мѣрѣ съ старо-еврейскою литературою. Въ виду того, что особенно важное значеніе придавалось документамъ изъ «Пинкосовъ», еврейскимъ манускриптамъ и выборкамъ изъ старопечатныхъ раввинскихъ книгъ, я надѣялся найти среди этой патріархальной интеллигенціи нѣкоторый контингентъ сотрудниковъ по этой специальной части нашей собирательной работы. Для этой-то публики написана мною и издана въ прошломъ году брошюра на древне-еврейскомъ языкѣ [1], гдѣ изложены въ общедоступной формѣ принципы еврейскаго историческаго сознанія вообще и способы разработки русско-еврейской исторіи въ частности, перечислены ея главные источники и представлена подробная программа или инструкція для лицъ, желающихъ заниматься собираніемъ матеріаловъ изъ подобныхъ источниковъ. Брошюра разсылалась и понынѣ разсылается безплатно духовнымъ раввинамъ и представителямъ еврейскихъ общинъ «черты осѣдлости», а также частнымъ лицамъ, по востребованію.

Этотъ третій призывъ далъ болѣе существенные результаты, чѣмъ два предыдущихъ. Откликнулись, конечно не «оффиціаль-

---

[1] נחפשה ונחקרה, Одесса, 1892, стр. 24; и 8°. Предварительно напечатана въ сборникѣ „Пардесъ».

ныя» особы, не духовные раввины, обыкновенно раздѣляющіе со своими казенными коллегами полнѣйшее равнодушіе къ общимъ національнымъ интересамъ, а частныя лица, изъ коихъ многія убѣдились изъ моей книжки, или еще ранѣе были убѣждены въ великомъ значеніи собирательной исторической работы. Я сталъ получать изъ разныхъ мѣстъ историческіе документы въ подлинникахъ или въ копіяхъ, выписки изъ мѣстныхъ старыхъ «Пинкосовъ» или свѣдѣнія объ ихъ содержаніи, сообщенія о мѣстныхъ обычаяхъ, преданіяхъ и памятникахъ историческихъ, указанія на мѣстонахожденіе тѣхъ или другихъ источниковъ, отрывки изъ рѣдкихъ старинныхъ книгъ и т. п. Было здѣсь, конечно, немало и лишняго, непригоднаго для историческихъ цѣлей, да и количество годнаго матеріала все еще является очень незначительнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что могла бы дать болѣе живая и усердная работа; но если принять во вниманіе новизну дѣла, недостатокъ подготовленныхъ, спеціальныхъ собирателей и отсутствіе матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для успѣшнаго хода дѣла [1], наконецъ тяжелое смутное настроеніе, господствующее нынѣ въ «чертѣ осѣдлости»,— то придется признать, что для начала и этого достаточно и что есть основаніе ожидать болѣе крупныхъ результатовъ въ будущемъ. Работа по собиранію историческихъ матеріаловъ продолжается и будетъ продолжаться: въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, изъ провинціи сообщаютъ мнѣ о вновь найденныхъ рукописяхъ и малоизвѣстныхъ печатныхъ документахъ, которые имѣютъ быть вскорѣ доставлены мнѣ, и по прежнему продолжаютъ получаться письма съ болѣе или менѣе интересными историческими указаніями.

Я долженъ упомянуть еще о двухъ отрадныхъ явленіяхъ,

---

[1] Наиболѣе чувствительнымъ являлся недостатокъ денежныхъ средствъ на вознагражденіе многихъ переписчиковъ старыхъ документовъ, на пріобрѣтеніе рукописей и печатныхъ источниковъ, на безплатную разсылку моихъ брошюръ и воззваній, на почтовые расходы по перепискѣ etc. Вслѣдствіе доклада моего объ этомъ Комитету Одесскаго отдѣленія «Общества распространенія просвѣщенія между евреями», рѣшено было оказать мнѣ содѣйствіе. О послѣдствіяхъ этого рѣшенія я, по всей вѣроятности, буду имѣть возможность довести до всеобщаго свѣдѣнія осенью текущаго года.

свидѣтельствующихъ о пробужденіи историческаго сознанія въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего смущеннаго и какъ-то растерявшагося общества. Во-первыхъ, въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ на древне-еврейскомъ языкѣ стали, въ послѣдніе два года, появляться отъ времени до времени историческіе документы, присылаемые въ редакціи этихъ изданій изъ разныхъ городовъ еврейской осѣдлости (чего раньше не бывало). Чаще всего такіе документы (выдержки изъ «Пинкосовъ», сообщенія о мѣстныхъ преданіяхъ и обычаяхъ), появляются въ «Гамелицѣ», редакція котораго въ прошломъ году заявила, что, придавая большое значеніе дѣлу собиранія матеріаловъ для исторіи русскихъ евреевъ, она впредь весьма охотно будетъ помѣщать въ своемъ изданіи такого рода матеріалы [1]. Конечно, не совсѣмъ удобно то, что историческіе документы печатаются въ листахъ *ежедневной газеты*, а не въ болѣе солидномъ періодическомъ изданіи; но это обстоятельство вызвано просто тѣмъ, что въ настоящее время у насъ иного типа изданія на древне-еврейскомъ языкѣ нѣтъ, если не считать случайно появляющихся сборниковъ, имѣющихъ болѣе публицистическій, чѣмъ научный характеръ.

Второй изъ упомянутыхъ отрадныхъ симптомовъ заключается въ слѣдующемъ. Вскорѣ по обнародованіи моей статьи «Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ», меня увѣдомили изъ Петербурга, что тамъ организуется нѣчто въ родѣ учено-литературнаго кружка, стремящагося къ осуществленію намѣченныхъ въ этой статьѣ цѣлей. Лѣтомъ 1892 г. я уже получилъ формальное увѣдомленіе о томъ, что при Комитетѣ «Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи» образовалась «Историко-этнографическая коммиссія», главная цѣль которой—собирать и издавать матеріалы для исторіи русскихъ евреевъ. Членами Коммиссіи состоятъ люди съ общимъ высшимъ образованіемъ (большей частью юристы), изъ коихъ нѣкоторые подвизаются и на литературномъ поприщѣ. Дѣятельность такихъ лицъ, въ качествѣ собирателей документовъ изъ русскихъ государственныхъ архивовъ и библіотекъ, а также регестъ изъ печатныхъ

---

[1] *Гамелицъ*, 1892 г., №№ 94, 124, 195—98, 233, 241; 1893 г., №№ 37, 77 и др.

польскихъ и русскихъ источниковъ, была-бы особенно важна; успѣшнымъ результатамъ такой дѣятельности могли бы способствовать какъ общая научная подготовка этихъ лицъ, такъ и то, что живя въ столицѣ, они легко могутъ получать доступъ къ архивамъ разныхъ вѣдомствъ и пользоваться такими книгохранилищами, какъ Императорская Публичная Библіотека или библіотека Академіи наукъ, обогатившаяся недавно огромною коллекціею старо-печатныхъ еврейскихъ книгъ. Члены Коммиссіи, повидимому, поняли свою задачу и взялись прежде всего за выборку документовъ и регестъ по русско-еврейской исторіи, разбросанныхъ въ польскихъ и русскихъ источникахъ, въ родѣ Лѣтописей, «Актовъ» разныхъ археографическихъ коммиссій etc, имѣя намѣреніе привести въ порядокъ и затѣмъ издать весь этотъ матеріалъ въ хронологическомъ сборникѣ [1]. Пока ничего еще не появилось въ печати изъ трудовъ этой коммиссіи, но мы не сомнѣваемся, что вскорѣ она чѣмъ-нибудь заявитъ о своей дѣятельности. Намъ остается только отъ души привѣтствовать это симпатичное маленькое учрежденіе и пожелать ему одного: чтобы его не постигла печальная участь тѣхъ еврейскихъ «комитетовъ» и «коммиссій», которые, по талмудическому выраженію, «уже при жизни могутъ называться мертвыми», которые вялымъ и рутиннымъ отношеніемъ къ своимъ задачамъ умѣютъ только тормозить всякое новое дѣло, убивать въ зародышѣ всякую живую, плодотворную мысль. Пусть юной Коммиссіи послужитъ предостереженіемъ примѣръ этихъ учрежденій; пусть не полагаетъ она своей задачи въ казенномъ «благополучіи», то-есть въ «благонамѣренномъ и аккуратномъ» ничего-недѣланіи, но пусть стремится къ неустанной дѣятельности, поощряемой не внѣшними успѣхами, а сознаніемъ важности своего дѣла и горячею къ нему любовью. Членамъ Коммиссіи не слѣдуетъ забывать, что ихъ скромное учрежденіе является зародышемъ будущаго «Русско-еврейскаго Историческаго Общества» и что ими также отчасти кладется фундаментъ великаго національнаго зданія.

---

[1] Ср. мои указанія по этому пункту, въ брошюрѣ «Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ», стр. 64–65.

Итакъ, есть надежда, что дѣло *собиранія и обнародованія историческихъ матеріаловъ* станетъ на болѣе твердую почву. Но это только первая ступень подготовительныхъ къ исторіографіи работъ. Слѣдующею высшею ступенью является *научная разработка собираемыхъ матеріаловъ*, сортировка и систематизація ихъ, обобщеніе извѣстныхъ группъ фактовъ, установленіе на ихъ основаніи опредѣленныхъ историческихъ тезисовъ, наконецъ болѣе обширныя историческія изслѣдованія, въ формѣ монографій и т. п. Эта ступень уже непосредственно ведетъ къ высшей цѣли всѣхъ нашихъ усилій—къ творческой, цѣльной *исторіографіи*. Но если послѣдняя пока еще представляетъ собою обѣтованную землю, куда мы съумѣемъ вступить только послѣ долголѣтнихъ странствованій и приготовленій, то первыя двѣ отрасли нашихъ работъ—собираніе сырыхъ матеріаловъ и первоначальная разработка ихъ—должны и могутъ теперь-же идти параллельно, дополняя и усиливая другъ друга. Вновь открываемые матеріалы не должны быть кое-какъ свалены въ кучу: ихъ слѣдуетъ правильно располагать, критически провѣрять и комбинировать съ ранѣе накопленнымъ запасомъ документовъ и свѣдѣній, сближая факты однородные и устанавливая ихъ въ опредѣленныхъ группахъ, такъ чтобы каждый вновь открываемый фактъ могъ быть присоединяемъ къ группѣ однородныхъ съ нимъ фактовъ. Когда-же та или другая группа фактовъ достигнетъ той полноты, при которой возможно уже основательное историческое обобщеніе, тогда она можетъ сдѣлаться объектомъ систематическихъ изслѣдованій и монографій. Но повторяю: собираніе историческихъ данныхъ и *первоначальная* ихъ обработка должны непремѣнно идти рука объ руку, ибо только при такомъ взаимодѣйствіи можно внести оживленіе въ нашу работу и заинтересовать ею мыслящую часть общества. Собирая реликвіи прошедшаго, открывая цѣлыя полосы нашей исторіи, мы обязаны дѣлиться этими открытіями съ тѣми, которыхъ все это не можетъ не интересовать. Такимъ образомъ, наши приготовленія къ исторіографіи русскихъ евреевъ станутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и историческою школою для болѣе серьезной части читающей публики, которая постепенно будетъ знакомиться съ явленіями

нашего прошедшаго, по мѣрѣ ихъ открытія и научной разработки.

Этотъ послѣдній пунктъ я считаю особенно важнымъ. Исторія народа — это не простая школьная наука въ родѣ математики или ботаники, а наука жизненная, непосредственно вліяющая на народное міросозерцаніе. Исторія даже не столько наука, сколько *живая учительница*, «учительница жизни», какъ ее прозвали древніе. Уясняя народу его прошедшее, разсказывая народу его біографію, она прямо проникаетъ въ его душу, заставляетъ его познать самого себя; она создаетъ національную философію, больше того—она до извѣстной степени вліяетъ на то, что называется «національнымъ характеромъ». Это наука о народѣ и для народа—и поэтому-то именно она не можетъ быть наукою «кабинетною», замкнутою, цеховою. Если мертвящая цеховая ученость, нерѣдко скрывающая подъ собою духовное убожество и бездарность противна вообще, то она вдвойнѣ противна въ исторіи. Есть много «жрецовъ науки», которые, подобно жрецамъ древнихъ языческихъ капищъ, употребляютъ всѣ усилія, чтобы скрывать отъ «профановъ» добытыя ими знанія и «высшія истины» изъ опасенія, что народъ, усвоивъ себѣ эти истины, не будетъ больше нуждаться въ ихъ услугахъ, или даже убѣдится въ духовной немощи своихъ руководителей. Этотъ кастовый жреческій духъ особенно ненавистенъ въ такой живой области, какъ исторіографія: ей мѣсто не подъ ученымъ колпакомъ, а на форумѣ. Мы разсказываемъ всему народу о его прошломъ, а не только десятку археологовъ и нумизматовъ; мы работаемъ для цѣлей народнаго самопознанія, а не ради собственнаго умственнаго спорта.

Въ этомъ именно духѣ я намѣренъ писать свои «Историческія сообщенія». Я хочу ввести публику (конечно, мыслящую и понимающую) въ лабораторію исторіографіи, дать ей возможность слѣдить за происходящими здѣсь подготовительными работами, результатомъ которыхъ должно быть полное раскрытіе прошлыхъ судебъ русскаго еврейства. Эти судьбы будутъ постепенно раскрываться передъ читателями, можетъ быть, не въ стройномъ порядкѣ (онъ еще пока невозможенъ), пожалуй даже съ нѣкоторой калейдоскопическою пестротою, но во [illegible]

случаѣ запасъ свѣдѣній о прошедшемъ будетъ все болѣе увеличиваться и историческій кругозоръ читателя будетъ постепенно расширяться. Это, конечно, вовсе не означаетъ, что популяризаціи исторіи будетъ принесена въ жертву ея строго-научная разработка: духъ и методы научнаго изслѣдованія, точная критическая провѣрка данныхъ, осторожность обобщенія—все это будетъ строго примѣняться въ той области, въ которую мы теперь вступаемъ съ читателями. Не слѣдуетъ только сочетать понятіе о такомъ научномъ аппаратѣ съ представленіемъ о скукѣ. Я всегда думалъ и продолжаю думать, что скука, которая обыкновенно считается привиллегіей ученыхъ изслѣдованій, вовсе не составляетъ необходимаго ихъ аттрибута и зависитъ чаще отъ темперамента изслѣдователя, чѣмъ отъ самаго предмета изслѣдованія. Нерѣдко такая скука умышленно навязывается изслѣдованію, именно потому, что она считается почему-то бонтонною въ смыслѣ академическомъ и многимъ кажется тождественною съ солидностью и научнымъ глубокомысліемъ... Это опять-таки одна изъ чертъ «ученаго жречества», которое мы считаемъ гибельнымъ для животворящей и просвѣщающей науки.

Познакомивъ читателей съ общимъ духомъ и методомъ предстоящихъ «сообщеній», я долженъ изложить теперь планъ ихъ предметнаго содержанія. Это содержаніе будетъ состоять въ слѣдующемъ:

1) Отчеты о ходѣ и результатахъ нашихъ подготовительныхъ работъ вообще, какъ по собиранію историческихъ матеріаловъ, такъ и по систематизаціи ихъ.

2) Отчеты о неизданныхъ или неизвѣстныхъ документахъ, присылаемыхъ мнѣ другими лицами, причемъ будутъ называемы имена такихъ лицъ.

3) Подлинники или точные переводы важнѣйшихъ или особенно характерныхъ рукописныхъ документовъ съ надлежащимъ освѣщеніемъ.

4) Рецензіи всѣхъ новыхъ книгъ и статей, относящихся прямо или косвенно, вполнѣ или отчасти, къ исторіи русскихъ евреевъ, съ установленіемъ вытекающихъ изъ нихъ положительныхъ данныхъ.

5) Изслѣдованія и небольшія монографіи на основаніи той или другой группы собранныхъ источниковъ. Изслѣдованія значительнаго объема будутъ выдѣляемы въ особыя статьи.

6) Вопросы и отвѣты изслѣдователямъ или вообще любителямъ старины относительно различныхъ темныхъ пунктовъ исторіи, которые могутъ быть разъяснены только путемъ публичнаго опроса.

7) Періодическая регистрація источниковъ русско-еврейской исторіи по группамъ и эпохамъ.

Такова въ общихъ чертахъ программа нашихъ «Историческихъ сообщеній».

Въ ближайшихъ сообщеніяхъ я намѣренъ познакомить читателей съ нѣкоторыми отдѣльными, довольно драматическими эпизодами нашей исторической жизни, поскольку они выясняются изъ накопившихся у меня за послѣдніе два года рукописныхъ документовъ. Вслѣдъ затѣмъ пойдетъ рядъ болѣе систематическихъ сообщеній, согласно прочимъ пунктамъ вышеприведенной програмы.

I.

Ружанскіе мученики (1659).

Трагическое событіе, о которомъ мы будемъ сейчасъ разсказывать, случилось въ Литвѣ въ то жестокое «лихолѣтіе», которое наступило для польскихъ евреевъ съ роковаго 1648 года. Прошло едва десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возставшіе казаки обагрили еврейскою кровью всю Украйну. Литовскихъ евреевъ этотъ «бичъ Божій» коснулся на первыхъ порахъ лишь отчасти: здѣсь въ 1648—1649 г. пострадали отъ казацкаго нашествія сравнительно немногія еврейскія общины, и то лишь тѣ части ихъ, которыя не успѣли укрыться въ болѣе безопасныхъ областяхъ Великой Польши. Но вскорѣ и Литвѣ пришлось извѣдать всѣ ужасы смутнаго времени. Соединенное московско-казацкое войско, ворвавшись въ 1654 г. въ сѣверо-западныя области Польши, производило тамъ страшныя опустошенія. Больше всего пострадали отъ этого нашествія евреи. Здѣсь ихъ

не рѣзали съ такимъ остервенѣніемъ, какъ въ Украйнѣ, но по большой части разоряли и изгоняли изъ городовъ.

Почва для національнаго и религіознаго антагонизма была уже здѣсь готова. Если въ Украйнѣ такой антагонизмъ выросъ на почвѣ *деревни* и проявлялся въ дикой ненависти казака-крестьянина къ еврею-арендатору, какъ сподвижнику пана по эксплоатаціи крестьянскаго труда,—то въ Литвѣ національная междоусобица происходила главнымъ образомъ на почвѣ *городовъ*. Здѣсь мѣщане христіанскаго исповѣданія (преимущественно православнаго и греко-уніатскаго) искони конкурировали съ евреями въ торговлѣ и ремеслахъ и никакъ не желали примириться съ экономическими успѣхами своихъ соперниковъ, съ ихъ независимымъ юридическимъ и общественнымъ положеніемъ, основаннымъ на королевскихъ привиллегіяхъ; они постоянно питали къ евреямъ ненависть, смѣшанную съ завистью. Столкновенія между этими двумя враждебными элементами городскаго населенія Литвы, начавшіяся во второй половинѣ XVI вѣка, особенно участились въ первой половинѣ XVII вѣка [1]. Мѣщане не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы коллективно, въ лицѣ своихъ магистратовъ, вредить и мстить евреямъ или ихъ «кагаламъ». Нерѣдко пускались въ ходъ обвиненія въ убіеніи евреями христіанскихъ дѣтей для мнимыхъ религіозныхъ цѣлей, въ оскорбленіи евхаристіи, и тому подобные гнусные извѣты среднихъ вѣковъ, всегда служившіе удобными средствами для возбужденія черни противъ евреевъ. Единственной защитою послѣднихъ служили королевскія привиллегіи, предоставлявшія имъ возможность жаловаться на обиды и притѣсненія короннымъ судамъ (воеводъ и старостъ) и аппелировать къ королю. Когда-же въ 1654 г. въ Литвѣ, вслѣдствіе московскаго и затѣмъ шведскаго нашествія, наступила анархія, мѣщане многихъ городовъ воспользовались временнымъ хозяйничаньемъ московскихъ и казацкихъ гостей въ странѣ и съ ихъ помощью жестоко мстили евреямъ, устраивали

---

[1] См. рядъ гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ между мѣщанами и евреями въ „Русско-еврейскомъ Архивѣ“ т. 1—2, и въ „Актахъ Виленской Археографической Коммиссіи“, т. V—VI.

имъ ужасные погромы и изгоняли ихъ изъ разныхъ городовъ [1]. Анархія черезъ нѣсколько лѣтъ прекратилась и евреи вернулись въ свои разоренныя гнѣзда; но ненависть къ нимъ мѣщанъ, своевольничавшихъ въ эпоху смуты, была еще сильнѣе прежняго. Отношенія крайне обостряются, столкновенія учащаются; уголовные процессы того времени рѣзче отражаютъ это взаимное озлобленіе [2]. Обвиненія въ «убіеніи христіанскихъ младенцовъ» снова выдвигаются на сцену, какъ вѣрнѣйшее средство возбужденія народнáго фанатизма противъ евреевъ.

Въ это смутное время въ мѣстечкѣ *Ружанахъ*, Слонимскаго повѣта (Гродненской губеріи), произошло событіе, послужившее прологомъ къ кровавой драмѣ [3]. Въ 1657 г., незадолго до Пасхи, въ еврейскомъ кварталѣ Ружанъ (легенда прибавляетъ: въ погребѣ одного еврея) нашли трупъ христіанскаго ребенка, очевидно подброшенный туда изъ мести нѣкоторыми зложелателями евреевъ изъ мѣстныхъ мѣщанъ, какъ это дѣлалось сплошь и рядомъ. На трупѣ оказались, какъ водится, раны и царапины—и въ городѣ распространилась зловѣщая молва, что евреи замучили христіанскаго младенца для своей Пасхи. Чернь заволновалась. Она уже хотѣла броситься на евреевъ и распра-

---

[1] „Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ", т. I, № 38; *Финнъ*: קריה נאמנה стр. 14, 89 и проч.

[2] Ср. Акты Вил. Арх. Коммиссіи, т. V, стр. 26, под. 1661 г.; „Матеріалы" etc. Бершадскаго въ *Евр. Библіотекѣ*, т. VII, №№ 17—19, под. 1659 и 1663 г. (обвиненія евреевъ въ истязаніи и насиліи надъ христіанами).

[3] Документы по этому дѣлу получены мною въ началѣ 1892 г. отъ г. *М. Златкича*, изъ Ростова на Дону, и осенью того же года отъ г. *А. М. Мазурскаго* изъ мѣста происшествія—м. Ружанъ. Первый прислалъ копіи двухъ молитвъ, понынѣ еще читаемыхъ въ ружанскихъ синагогахъ въ память мѣстныхъ мучениковъ (אל מלא רחמים и סליחה על הקדושים). Молитвы эти, чрезвычайно трогательныя, сочинены сыномъ одного изъ мучениковъ и въ своеобразной формѣ разсказываютъ о вызвавшемъ ихъ событіи. Копіи сдѣланы съ подлинныхъ рукописей, бывшихъ въ рукахъ ружанскаго раввина М. Г. Іофе, который приготовилъ къ печати цѣлое сочиненіе о мѣстныхъ мученикахъ, доселѣ однако не обнародованное (нынѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, это сочиненіе находится въ рукахъ г. Л. П. Фридланда въ Петербургѣ. См. המליץ 1892 г. № 31). Изъ м. Ружачъ мнѣ было сверхъ того прислано: краткое изложеніе мѣстной народной легенды о мученикахъ, копія съ надгробной надписи на ихъ могилѣ и нѣкоторыя касающіяся дѣла свѣдѣнія.

виться съ ними по своему, но владѣлецъ мѣстечка, польскій «дюкъ» (магнатъ), не допустилъ толпы до самосуда и объявилъ, что подозрѣваемые евреи будутъ подвергнуты законному слѣдствію и затѣмъ уже судъ разберетъ это дѣло.

Но польское законодательство, какъ извѣстно, не благопріятствовало возбужденію подобныхъ процессовъ. Исходя изъ того взгляда, не разъ высказаннаго и римскими папами, что обвиненіе евреевъ въ «употребленіи христіанской крови» есть гнусная клевета и грубый предразсудокъ, польскіе князья и короли, отъ Болеслава Калишскаго до Стефана Баторія, постоянно подтверждали евреямъ привиллегію, въ силу которой обвиненіе еврея въ «религіозномъ убійствѣ» могло считаться доказаннымъ лишь въ томъ случаѣ, если оно подтверждалось показаніямъ четырехъ (первоначально трехъ) свидѣтелей христіанъ и трехъ евреевъ, неопороченныхъ и достойныхъ довѣрія; если же обвинитель не представитъ такихъ свидѣтелей, то онъ самъ подвргается смертной казни за клевету. Впослѣдствіи (въ 1564 г.) къ этому закону былъ присоединенъ пунктъ, по которому всѣ такія дѣла подлежали королевскому суду [1]. Понятно, что при такихъ строгихъ условіяхъ гнусное обвиненіе не могло пустить корни на почвѣ судебной, ибо обвинитель въ такихъ случаяхъ не имѣлъ никакихъ шансовъ на подтвержденіе своего извѣта узаконеннымъ составомъ свидѣтелей, особливо-же евреевъ, между тѣмъ какъ ему самому грозила смертная казнь въ случаѣ недоказанности обвиненія. Вотъ почему такіе процессы рѣдко доходили до формальнаго разбирательства, или производились въ обходъ упомянутаго органическаго закона. Обыкновенно же дѣло кончалось или ничѣмъ, или народнымъ самосудомъ. Послѣдній именно печальный финалъ имѣло и Ружанское дѣло.

Прошло два съ половиною года съ того момента, какъ возбуждено было обвиненіе. Дѣлалось ли въ это время что либо для выясненія его путемъ слѣдствія и суда—неизвѣстно. Судя

---

[1] *Русско-еврейскій Архивъ*, т. I, № 1; т. II, № 244. Ср. *Акты Вил. Арх. Коммиссіи*, т. V, №№ 465, 510 и 512. Историческій обзоръ этихъ законовъ, а равно процессовъ по обвиненію евреевъ въ употребленіи христіанской крови въ Польшѣ, я намѣренъ дать въ одномъ изъ дальнѣйшихъ сообщеній.

по имѣющимся даннымъ, слѣдствіе не нашло никакихъ уликъ противъ евреевъ. «Дѣло», повидимому, въ судебномъ порядкѣ прекратилось и «предано было забвенію»; но забыли о немъ только евреи: враждебные имъ мѣщане, возбудившіе всю эту сумятицу, хорошо помнили и знали, что̀ имъ надо дѣлать; они выжидали только удобнаго момента, чтобы привести свой ужасный замыселъ въ исполненіе. Такой моментъ насталъ. Въ сентябрѣ 1659 г., когда владѣлецъ мѣстечка былъ въ отсутствіи, злоумышленники назначили свой судъ надъ мѣстными евреями, обвиняя весь кагалъ въ участіи въ убіеніи христіанскаго ребенка, трупъ котораго найденъ былъ за два съ половиною года передъ тѣмъ [1]. Уликъ и свидѣтельскихъ показаній не нужно было. Ихъ, вѣроятно, замѣнили показанія нѣкоторыхъ обвиненныхъ, вынужденныя пыткою. Ненависть и жажда мести продиктовали приговоръ надъ цѣлою общиною. Послѣдней грозила поголовная рѣзня; но самозванные представители правосудія, для соблюденія «законной формы», предложили евреямъ отдать на жертву народной ярости двухъ изъ своей среды, которые будутъ публично казнены за мнимое преступленіе цѣлой общины. Но кто же будетъ жертвою, кто приметъ мученическій вѣнецъ? Такому подвижнику предстояло бы сложить свою голову не только за Бога и вѣру, но и ради спасенія жизни и достоянія цѣлой общины. Положеніе было ужасное, но евреи уже не разъ бывали въ такихъ положеніяхъ: они часто поминали въ своихъ синагогахъ «святыхъ, пролившихъ свою кровь за вѣру» во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Еще незадолго передъ тѣмъ, въ годы казацкаго бунта, сами польскіе евреи выдѣлили изъ своей среды нѣсколько десятковъ тысячъ такихъ «святыхъ». Героизмъ мученичества никогда не переводился въ Израилѣ. Такіе герои оказались и въ забытомъ литовскомъ мѣстечкѣ.

Роковой выборъ палъ на двухъ представителей ружанской еврейской общины: на рабби *Израиля* бенъ-Шалома и р. *Товію* бенъ-Іосифа. Сами ли они вызвались идти на смерть за цѣлую общину, или на нихъ указали «судьи», какъ на лицъ наиболѣе

[1] Такъ разсказывается въ молитвѣ. Легенда же гласитъ, будто чернь въ день еврейскаго праздника Новаго года внезапно напала на молившихся въ синагогѣ евреевъ и грозила перебить ихъ.

подозрѣваемыхъ, — во всякомъ случаѣ они оказались достой-
ными своей геройской роли. Они радостно готовились умерет
ради спасенія жизни сотенъ своихъ братьевъ. Сознаніе вели-
кости такого подвига, мысль объ ореолѣ «святыхъ» на земл
и о свѣтломъ блаженствѣ на небѣ заглушали въ нихъ суетны
страхъ передъ мгновенными физическими страданіями. Казн
(посредствомъ отсѣченія головы) назначена была на втор
день праздника Рошъ-гашана. Это было потрясающее и вмѣст
съ тѣмъ возвышающее душу зрѣлище... Но предоставимъ гово-
рить современнику-очевидцу, сыну одного изъ казненных
Симону бенъ-Израилю. Сочиненная имъ по этому случаю мо-
литвенная элегія является не только историческимъ докумен-
томъ, гдѣ изображены главные моменты кровавой драмы, н
и замѣчательнымъ поэтическимъ произведеніемъ, однимъ из
самыхъ образцовыхъ въ нашей синагогальной поэзіи. Разди-
рающій сердце плачъ и гордое негодованіе, подавленные стон
мученика и грозное «memento!» павшаго героя—все слышит
въ этой восторженной молитвѣ, вылившейся изъ глубины страж-
дущаго сердца:

«О, Владыко міра! Великіе дѣла творилъ ты во дни древні
когда предъ Тобою сокрушались народы; теперь же Ты отвр
тилъ лицо Свое отъ насъ, и мы безгласны и пристыжены.
Боже, какъ много у меня ненавистниковъ, возставшихъ на мен

Въ тотъ годъ, когда *скорбь смутила сердце мое* [1], возстал
на меня кругомъ враги мои, разставили мнѣ сѣти, въ вид
ложнаго извѣта, дабы погубить достояніе мое. О, есть ли бол
подобная моей боли?

Они взяли мертвыя тѣла, [2] сдѣлали на нихъ порѣзы —
злобствуя лукаво, говорили: вотъ іудеи злосчастные пьютъ
сосутъ кровь убіенныхъ и питаются дѣтьми иноплеменников

Три года длилось гнусное дѣло извѣта, и мы подумали, ч
близко избавленіе, ибо прошло много дней и гнѣвъ наших
гонителей утихъ,—но увы! страшный мракъ объялъ насъ!

Наши заклятые враги, необрѣзанные: нечестивый гонител

---

[1] Въ еврейскомъ подлинникѣ буквы подчеркнутыхъ словъ: כאבי נעכר בלב, от-
мѣчены сверху точками, что обозначаетъ, что цифровая сумма этихъ букв
показываетъ годъ событія. И дѣйствительно по счету выходитъ *5417* годъ ев-
рейской эры, соотвѣтствующій *1657* г. обыкновенной.

[2] Непонятно, почему тутъ „тѣла“, во множественномъ числѣ. Соотвѣт-
ствуетъ ли это факту, или это только поэтическая вольность?

злодѣй и невѣжда, а съ нимъ толпа пріятелей, дикихъ и необузданныхъ какъ лѣсные кабаны, пришли вдругъ спустя три года, нагрянули на насъ, подобно сокрушительной бурѣ, и потянули насъ въ свой вражескій судъ.

Собрались они въ недѣлю, что передъ *Рошъ-гашана*, эти злодѣи, превращающіе правосудіе въ отраву, и судили судомъ криводушнымъ и превратнымъ, которому не было подобія, который поразилъ бы слухъ всякаго слышущаго.

Коварный и злой нечестивецъ судилъ только по усмотрѣнію глазъ своихъ, безъ свидѣтелей, судилъ безвинныхъ и безгрѣшныхъ, дабы напоить насъ чашею отравы и пролить чистую кровь. Что же сдѣлалъ праведный?

Толпа злодѣевъ завершила (подтвердила) извращенный судъ, и нашимъ врагамъ, возставшимъ на насъ, сказала: выберите себѣ двухъ іудеевъ, какіе вамъ понравятся,—и они взяли людей, какихъ избрали себѣ.

Превосходная чета попалась въ сѣти: святые рабби *Израиль* и рабби *Товія* выдѣлились изъ среды общества [1]. Эти мужи видѣли сверкающее надъ ихъ головами лезвіе меча, но страхъ не напалъ на нихъ.

Другъ другу подали они руку, эти любезные и прекрасные при жизни своей, и поклялись раздѣлить одну и ту же участь: «Будемъ мужаться, будемъ готовиться съ легкимъ и радостнымъ сердцемъ (къ смерти), будемъ считать себя маленькими мухами!

«Какъ я, такъ и ты принесемъ себя въ жертву Богу нашему, не пощадимъ и не прикроемъ своего тѣла; не велика бѣда, что мы будемъ агнцами (для закланія): вѣдь мы угнѣздимся подъ крыльями Бога»!

Сидя въ заточеніи они другъ другу такъ говорили, стараясь укрѣпить и воодушевить свои сердца; ради возвеличенія имени Божьяго они презрѣли жизнь и устремились къ смерти. О, Боже, какъ дороги Твои приближенные!

«Ты дорогъ мнѣ и уважаемъ мною, братъ и другъ: то же ли чувствуетъ твое сердце, что мое? Крѣпко ли оно, какъ сердце льва и леопарда? Смотри, есть ли во мнѣ печаль»?

И вотъ въ шестой день (въ пятницу) вывели на казнь этихъ святыхъ, чистыхъ, какъ два крыла ковчега, мужей, и приготовили жертвенникъ въ виду обитателей горнихъ (ангеловъ). Гнѣвъ Божій разразился, и нагрянулъ Господь съ бѣдою въ годъ *Воздаянія* [2], въ праздникъ Воспоминанія (день Новаго года).

---

[1] Вслѣдствіе двусмысленности этого выраженія, нельзя рѣшить: сами ли они вызвались идти на смерть, или на нихъ указали другіе. Легенда же прямо рѣшаетъ вопросъ въ первомъ смыслѣ (согласно письму изъ Ружанъ).

[2] Подчеркнутое слово (שילמים) помѣчено въ подлинникѣ точками на всѣхъ

Горечь смерти ждала (мучениковъ) посреди площади. Они исповѣдались, говоря: «Согрѣшили мы предъ Богомъ—и вотъ плодъ нашихъ грѣховъ. Освятимъ же имя Его, какъ Хананія, Мисаилъ и Азарія»! О, не видѣло ничего подобнаго ничье око!

Обратились они къ палачу и просили: «Оставь насъ хоть немного, дай намъ срокъ хоть на одинъ часъ, и мы воздадимъ Богу хвалу и мольбу»! О, Господь созвалъ гостей на торжественный пиръ жертвоприношенія!

Уста нечестивыя, обманчивыя уста тѣхъ, которые гоняются за вѣтромъ и почитаютъ тлѣнные образы, пришли искушать ихъ чуждыми вѣрованіями и манить къ разрушеннымъ водоемамъ...

Тутъ вскричали святые мужи: «Отойдите, нечистые! Развѣ мы отречемся отъ Бога живого и святого, и пойдемъ скитаться по изсохшимъ деревьямъ»?!...

Святой *Израиль* первый простеръ свою шею и, не обращая вниманія на лживыя увѣщанія, закричалъ изо всей силы: «Слушай, Израиль, Богъ нашъ—Богъ единый»! И протянулъ руку палачъ за мечемъ, и показалась рукоять вслѣдъ за острымъ лезвіемъ, и разбился драгоцѣнный сосудъ.

Увидѣлъ эту гибель святой рабби *Товія* и воскликнулъ: «Блаженъ ты, Израиль, блаженъ, ибо ты первый выбылъ изъ паствы благовѣрныхъ и озаришь ихъ головы своимъ сіяніемъ! Я же иду за тобою»!

Воззвалъ онъ также громогласно: «Слушай, Израиль, охраняемый какъ зѣница ока»!... И бросился, чтобы умереть во имя Божіе, и онъ (палачъ) погубилъ его, какъ и перваго.

«О, праведные, жертвы искупленія! — восклицали ангелы, рыдая. Два масличныхъ древа подрублены и разомъ погибли, опрокинуты въ мигъ, безъ страха и трепета»!

Омрачитесь, о небеса, и возопійте предъ Живущимъ въ горнихъ, за кровь чистыхъ душъ, за кровь праведниковъ, ни въ чемъ неповинныхъ, пролитую изъ-за гнусной и лживой клеветы, между тѣмъ какъ у насъ ни о чемъ подобномъ не знаютъ!

Съ тѣхъ поръ какъ начался этотъ извѣтъ, враги наши отнимали у насъ все намъ дорогое, опоражнивали насъ какъ неводъ, силы наши гибли напрасно, достояніе наше пропало, — а (враги) все еще имѣютъ тотъ зловѣщій видъ, что прежде.

Надъ этимъ возгремитъ Господь и подниметъ крики войны, ибо черезчуръ уже злодѣйствуетъ врагъ, избранныхъ во Израилѣ предавая смерти. О, Боже мести, Боже мести, явись!

своихъ буквахъ, что показываетъ дату событія: (5) 420 годъ еврейскаго лѣтоисчисленія, или сентябрь *1659* г. Хр. эры.

Воздай врагамъ, окружающимъ насъ, сторицею! Пусть они получатъ мзду свою въ день расплаты. О, Боже, не отвергай моленій нашихъ!

Отомсти на нашихъ глазахъ за кровь твоихъ рабовъ, пролитую какъ кровь быка. Да не простится землѣ эта кровь! да зачислимся мы въ общину святыхъ!...

Пусть два неразлучныхъ близнеца, мученики рабби Израиль и рабби Товія, будутъ также соединены на небѣ, въ сонмѣ высшихъ духовъ!

Вспомни же о насъ къ добру, Великій Творецъ, вмѣни намъ заслуги этихъ святыхъ, прости насъ, помилуй насъ, ускорь наше избавленіе, внемли намъ, Вѣчный Боже Якова!

Приблизь прорицанія Твоихъ пророковъ: пусть домъ Іосифа превратится въ пламень и зажжетъ Сеиръ и градъ Дингова, благодѣтельствуй граду Сіона, возврати насъ къ Себѣ и вернись къ намъ, о Боже, возсѣдающій на престолѣ милосердія»!

Въ духѣ этой религіозной элегіи («молитва прощенія»: סליחה) написана и другая, болѣе короткая, «поминальная молитва», начинающаяся извѣстнымъ трогательнымъ призывомъ: «О, Боже, полный милосердія»! и т. д. (אל מלא רחמים). Тутъ повторяется вкратцѣ описаніе трагическаго событія и выражаются тѣ же чувства, которыя вылились въ такой страстной формѣ въ приведенной нами элегіи [1]. По этимъ произведеніямъ можно судить о впечатлѣніи, какое произвела на ружанскихъ евреевъ кровавая трагедія, разыгравшаяся на ихъ глазахъ; но тутъ отразилось не только это моментальное настроеніе: тутъ слышится вѣковѣчный стонъ многострадальнаго народа, который, научившись терпѣть, не разучился однако возмущаться. Это— не простая молитва покорности, а восторженный гимнъ героевъ, идущихъ на смерть съ боевымъ призывомъ на устахъ, съ громкимъ протестомъ противъ насилія и кривды, съ страстною вѣрою въ торжество добра надъ зломъ...

Ружанскіе евреи понынѣ еще свято чтутъ память своихъ мучениковъ (קדושים). Ежегодно, во второй день Рошъ-гашана,

[1] Авторъ второй молитвы — тотъ же *Симеонъ*, сынъ Израиля, одного изъ мучениковъ. Его имя и отчество помѣчены въ обѣихъ молитвахъ въ формѣ акростиха. Обѣ молитвы написаны обычною поэтическою прозою, характеризующей литургическія произведенія синагоги. Онѣ начертаны на пергаментѣ, древніе свитки котораго понынѣ хранятся въ одной изъ ружанскихъ синагогъ.

они зажигаютъ въ синагогѣ свѣчу за упокой души святыхъ Израиля и Товіи. Въ высоко-торжественный день Всепрощенія, между дневнымъ и вечернимъ богослуженіемъ, читаются въ мѣстныхъ синагогахъ вышеприведенныя двѣ молитвы, напоминающія ружанцамъ объ ужасахъ былого и о томъ, какъ ихъ предки умѣли славно умирать. Въ народѣ сохранилось преданіе, будто оба великомученика передъ своей казнью благословили всю ружанскую общиву и обѣщали молиться на небѣ предъ Престоломъ Господнимъ о томъ, чтобы въ Ружанахъ никогда больше не возобновлялся кровавый извѣтъ объ убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ. На мѣстномъ клабищѣ понынѣ еще возвышается каменный памятникъ двумъ святымъ, съ надписью о причинѣ и времени ихъ трагической кончины. Въ 1875 г. памятникъ этотъ, пришедшій въ ветхость, ремонтированъ стараніями благочестивыхъ обывателей.

Таковы подробности «Ружанскаго дѣла». Эта исторія, очевидно, нуждается еще въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ, и было бы очень хорошо, если бы оффиціальные архивные источники (напр. виленскаго центральнаго архива) доставили для этого дополнительный матеріалъ. Впрочемъ, неизвѣстно, сохранились ли въ литовскихъ архивахъ какіе нибудь документы о ружанскомъ происшествіи, ибо мы не знаемъ, дошло ли извѣстіе о противузаконномъ самосудѣ до свѣдѣнія подлежащихъ учрежденій и было ли возбуждено по этому поводу дѣло потерпѣвшей общиной. Во всякомъ случаѣ, исторія эта и въ настоящемъ своемъ видѣ достаточно ясна и выразительна, ибо сохранилась не только на бумагѣ, но и въ живой традиціи, которая еще не успѣла поблекнуть, несмотря на свои 234 года.

С. Дубновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ [1].

Еврейскій сепаратизмъ и космополитизмъ.

V.

Долго можно было утверждать, что евреи отечества не признаютъ. Если это по отношенію къ большинству изъ нихъ оправдывалось въ концѣ XVIII столѣтія, то нынѣ, въ концѣ XIX, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, начиная съ Вислы и кончая Миссисипи, они одинаково охотно сливаются съ кореннымъ населеніемъ. Стоитъ ли послѣ этого задаваться еще вопросомъ,—составляютъ ли остатки прежнихъ израильскихъ колѣнъ самостоятельный народъ, или соединятся ли разбросанные по всему земному шару евреи снова въ одинъ государственный организмъ.

Оба вопроса не имѣютъ уже значенія относительно западныхъ евреевъ, которые съ каждымъ днемъ все болѣе становятся французами, нѣмцами, англичанами, американцами. Мысль о возстановленіи еврейскаго государства въ Палестинѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ вызываетъ только улыбку на ихъ устахъ. Они уже не ищутъ отечества; они его уже нашли на берегахъ западныхъ рѣкъ и не имѣютъ никакой охоты замѣнить ихъ пустынными берегами Іордана. Не станемъ же мы спрашивать французскихъ нормановъ, не желаютъ ли они вновь переселиться въ норвежскіе фіорды, ни нашихъ бретонцевъ,—хотятъ ли они снова ѣхать за море, чтобы вновь поселиться въ долинахъ Камбріи.

---

[1] См. „Восходъ“, кн. VI.

Но можно ли сказать то же о восточныхъ евреяхъ, образующихъ сплоченныя колоніи въ Польшѣ, Малороссіи, Румыніи? Тутъ дѣйствительно еврейскій сепаратизмъ часто еще существуетъ: еврейскія общины, повидимому, все еще образуютъ среди христіанскихъ народовъ отдѣльный еврейскій народъ. Тѣмъ не менѣе я полагаю, что по крайней мѣрѣ въ Европѣ восточныхъ евреевъ постигнетъ та же судьба, какъ и нашихъ. И они не замедлятъ слиться съ народами, среди которыхъ живутъ. Даже въ этихъ замкнутыхъ еврейскихъ общинахъ прежній сепаратизмъ таетъ подъ дуновеніемъ западнаго вѣтра. Совершенно какъ прежде у насъ, главнымъ препятствіемъ для ассимиляціи евреевъ является отношенія къ нимъ правительствъ и народовъ. Препятствіе исходитъ менѣе отъ синагоги, менѣе отъ еврея, чѣмъ отъ христіанина. Но даже эти отношенія законовъ и нравовъ, вызывая притѣсненія въ общественной и частной жизни и добровольную или вынужденную эмиграцію, сокращаетъ численность большихъ еврейскихъ общинъ, и уже этотъ фактъ долженъ содѣйствовать націонализаціи одновременно выселяющихся и остающихся евреевъ.

Я уже неоднократно имѣлъ случай указывать, какъ сильно восточные евреи подчиняются возростающему обаянію западныхъ идей. Но не всѣ относятся къ нимъ съ одинаковымъ расположеніемъ. Многіе возстаютъ еще противъ нихъ, и притомъ не одни только хассидимы, нео-каббалисты, самый суевѣрный и фанатичный элементъ еврейской черни. Нѣкоторые раввины опасаются за неприкосновенность своей вѣры, даже за дальнѣйшее существованіе Израиля; ихъ страшитъ не только вліяніе нашихъ идей и нравовъ, но и возможность зараженія еврейства нашимъ скептицизмомъ. Не забудемъ однако, что германскіе и эльзаскіе раввины питали подобныя же опасенія въ концѣ XVIII в. Они съ недовѣріемъ относились къ эмансипаціи, предложенной новаторами; они не всегда прощали преданныхъ своихъ заступниковъ, всѣхъ этихъ Моисеевъ Мендельсоновъ, Домовъ, Беровъ, стремившихся сблизить евреевъ съ христіанами. «Они опасались, что, отрѣшаясь отъ замкнутаго еврейства, опирающагося на религію», евреи утратятъ и вѣру, и

нравы своихъ отцовъ[1]. Можетъ быть они отчасти были правы, эти старые эльзаскіе или силезскіе раввины. События не разъ подтверждали ихъ опасенія. Но тѣмъ не менѣе они должны были уступить духу времени, ибо противъ нихъ былъ неизбѣжный историческій законъ. Германскіе и французскіе евреи отреклись отъ традиціоннаго своего сепаратизма,—а гдѣ теперь раввины, которые сожалѣютъ объ этомъ? Племенныя отличія исчезли. Совершенно тоже явленіе повторилось бы очень скоро въ Польшѣ, Россіи, Румыніи, если бы исключительность старыхъ евреевъ не находила себѣ поддержки въ христіанской исключительности[2].

Мнѣ могутъ возразить: «Вы ошибаетесь; евреямъ трудно отрѣшиться отъ своего національнаго сепаратизма, потому что ихъ національныя аспираціи тѣсно связаны съ ихъ религіею. Въ этомъ и заключается отличительная черта іудаизма». Но мы сами уже отмѣтили, что очень долго національность и религія составляли у евреевъ одно. Онѣ въ теченіи вѣковъ были неразрывны; но то, что вѣка соединили, вѣками же и разъединяется. Іудаизмъ былъ скрученъ изъ двухъ прядей: одна, подвергаясь тренію временъ, порвалась, другая, болѣе крѣпкая, еще держится. Израиль въ этомъ отношеніи переживаетъ еще переходное время. Онъ перестаетъ быть народомъ и превращается въ религію. Это—своего рода процессъ линянія, метаморфоза, которая на западѣ почти окончательно заверши-

---

[1] Ср. чрезвычайно интересный трудъ аббата Лемана: „L'entrée des juifs dans la société française", стр. 408, Paris, 1889.

[2] Въ прошломъ году, какъ сообщаютъ, проявился у насъ снова прежній еврейскій сепаратизмъ въ Бонѣ (Аджирія). Одинъ раввинъ, по имени Стора, предостерегалъ въ публичной рѣчи своихъ единовѣрцевъ противъ воспитанія еврейскихъ дѣтей во французскихъ школахъ. Не знаю, точно ли переданъ этотъ фактъ. Филиппика бонскаго раввина была направлена, кажется, не столько противъ образовательной системы въ нашихъ школахъ, сколько противъ „нейтральнаго образованія", т. е. изгнанія изъ школъ религіознаго элемента. Въ этомъ отношеніи взглядъ раввина раздѣляется нашимъ католическимъ духовенствомъ, и первый подвергся тому же наказанію, какому подвергаются послѣдніе, т. е. власти перестали выдавать ему содержаніе. Но это представляется мнѣ поступкомъ столь же незаконнымъ, какъ по отношенію къ раввину, такъ и по отношенію къ католическому священнику.

лась, а на востокѣ только еще начинается. Долгое время окутанный своею національностью, какъ предохранительнымъ покровомъ, іудаизмъ только на половину освободился отъ нея: въ то время какъ голова и верхняя часть туловища уже обнажены, оконечности еще не свободны.

Еврейская обрядность имѣетъ по преимуществу національный характеръ. Мы выяснили уже причину этого явленія: Талмудъ защищалъ евреевъ противъ поглощенія ихъ христіанами. Стѣны Іерусалима рушились; Израиль оградилъ себя тройною стѣною обрядностей и религіозныхъ уставовъ. Синагога не довольствовалась тѣмъ, что тщательно охраняла въ домѣ Израиля память о бывшей его славѣ и горестяхъ: во время постовъ и праздниковъ вѣра возбуждаетъ въ немъ пламенныя надежды. «Вся наша обрядность,—говорилъ мнѣ одинъ восточный раввинъ:—основана на вѣрѣ о возрожденіи Израиля. Во всѣхъ нашихъ молитвахъ мы, помня обѣщаніе пророковъ, молимъ объ освобожденіи Сіона, о возсоединеніи колѣнъ въ древнемъ ихъ отечествѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что многія тысячи восточныхъ, русскихъ, румынскихъ евреевъ понимаютъ буквально эти божественные обѣты. Развѣ пророкъ Іезекіилъ не видѣлъ, какъ среди полей, наполненныхъ костями человѣческими, эти «сухія кости совокупляхуся, кость къ кости, каяждо къ составу своему... и внидя въ ня духъ жизни, и отжиша, и сташа на ногахъ своихъ»? Они твердо вѣрятъ, что Іегова соберетъ со всѣхъ концовъ міра изгнанниковъ и возвратитъ имъ законное ихъ наслѣдіе. Я встрѣтился какъ-то съ молодымъ ученымъ, малороссомъ, черноокимъ энтузіастомъ, не устававшимъ приводить мнѣ изъ Торы, Пророковъ, Талмуда, Маймонида и синагогіальныхъ молитвъ цитаты, на которыхъ основана эта вѣра евреевъ, и доказывать мнѣ, что настоящій еврей не можетъ имѣть другого отечества, кромѣ Палестины. Онъ перечислилъ мнѣ всѣ авторитеты и, чтобы лучше меня убѣдить, прислалъ мнѣ на другое утро ихъ списокъ на бумагѣ. «Прочтите XXX главу Второзаконія,—говорилъ онъ мнѣ:—...И исцѣлитъ Господь грѣхи твоя, и помилуетъ тя, и паки соберетъ тя отъ всѣхъ языковъ, въ няже разсыпя тя Господь Богъ тамо. е будетъ разсѣяніе твое отъ края небесе, даже до края

небесе, оттуду соберетъ тя Господь Богъ твой, и оттуду возьметъ тя; И введетъ тя Господь Богъ твой оттуду въ землю, юже наслѣдиша отцы твои, и наслѣдиши ю: и благо тебѣ сотворитъ, и умножитъ тя паче отецъ твоихъ».—Можно-ли выразиться яснѣе? И согласно съ этимъ обѣтомъ Торы, правовѣрный еврей повторяетъ ежедневно утромъ передъ чтеніемъ Schema: «Собери насъ, о, Господи, со всѣхъ концовъ свѣта, разбей ярмо выи нашей и возврати насъ съ высоко поднятою головою на нашу родину». Это пожеланіе, какъ мнѣ говорилъ мой молодой энтузіастъ, еврей повторяетъ ежедневно въ Schemona essreh,—молитвѣ, которую всякій еврей долженъ произносить три раза въ день. «Да раздастся, о, Господи, трубный гласъ нашего освобожденія! Водрузи знамя соединенія изгнанниковъ, собери насъ поскорѣе и возврати насъ со всѣхъ концовъ земли въ наше отечество. Благословенъ Господь, собирающій разсѣянныхъ сыновъ Израиля, свой народъ»! «Эти молитвы, къ которымъ я могъ бы присоединить еще много другихъ,—заключилъ съ воодушевленіемъ мой собесѣдникъ,— читаются вотъ ужъ скоро два тысячелѣтія, евреями во всѣхъ частяхъ свѣта, утромъ, днемъ, вечеромъ: они не устаютъ молить Господа о возстановленіи Израиля».

Нельзя сомнѣваться относительно первоначальнаго смысла этихъ молитвъ: остатки колѣнъ дѣйствительно взывали къ Богу о возстановленіи дома Израиля и царства Давида, но евреи тщетно въ теченіи вѣковъ ожидали этого желаннаго событія, и вотъ почему столь многіе изъ нихъ уже перестали придавать ему буквальный смыслъ или отсрочиваютъ его наступленіе, какъ христіане, до конца временъ, до второго пришествія... «Въ будущемъ году въ Іерусалимѣ!» — продолжаютъ говорить другъ другу евреи, празднуя Рошъ-Гашану, еврейскій новый годъ. Въ будущемъ году въ Іерусалимѣ! Это пожеланіе, унаслѣдованное отъ отцовъ, уже мало кѣмъ истолковывается въ буквальномъ смыслѣ. И много ли евреевъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Нью-Іоркѣ желали бы его осуществленія? Гдѣ среди насъ эти евреи, вполголоса повторяющіе за Іегудою Галеви: «На западѣ мое тѣло, но сердце мое на востокѣ — что для меня Испанія, ея синее небо и слава — что они для меня въ сравненіи съ

горстью праха отъ Храма, попраннаго христіанами?» [1]. Іегуда Галеви былъ современникомъ крестоносцевъ, и конечно многіе рыцари и духовныя особы раздѣляли въ то время чувства еврейскаго поэта. То была эпоха, когда столько франковъ изъ всѣхъ странъ западной Европы устремлялись въ Палестину съ крикомъ: «на то воля Божія!» Ибо и для насъ, христіанъ, Іерусалимъ также до нѣкоторой степени отечество. Но времена измѣнились: религіозное увлеченіе Святою Землею кончилось: взоры евреевъ и христіанъ уже не устремлены съ прежнимъ упорствомъ на сіонскіе холмы. Евреи, встрѣчаемые нами на скачкахъ или на биржѣ, повидимому, уже не тоскуютъ по палестинской своей родинѣ. Врядъ ли между евреями встрѣчается больше людей, мечтающихъ о возстановленіи царства Давида, чѣмъ между христіанами религіозныхъ энтузіастовъ, не находящихъ себѣ покоя, пока гробъ Господень не будетъ отвоеванъ у невѣрныхъ. Въ будущемъ году въ Іерусалимѣ! Но походятъ ли французскіе, нѣмецкіе, англійскіе, американскіе евреи, празднующіе Рошъ-Гашану, на людей, готовыхъ все покинуть, чтобы разбить палатки въ долинѣ Кедронъ? Походятъ ли они на людей, которые считаютъ себя временными гостями въ нашихъ городахъ? Не заключаютъ ли они долгосрочныхъ сдѣлокъ? Не покупаютъ ли они земель? Не воздвигаютъ ли они для себя и для своего потомства домовъ, синагогъ, больницъ, школъ, словно они на вѣки хотятъ остаться среди сыновъ Іафета? Гонители евреевъ упрекаютъ ихъ вовсе не въ томъ, что они собираются насъ покинуть, а напротивъ, что имъ слишкомъ нравится у насъ. Старые евреи въ восточной Европѣ, все еще взывающіе о возстановленіи Израиля и скоромъ пришествіи Мессіи, также не ликвидируютъ своего имущества, чтобы переселиться на старую родину. Они очень усердно занимаются дѣлами и въ своихъ житейскихъ заботахъ нисколько не отличаются отъ христіанъ. Быть можетъ они даже болѣе озабочены завтрашнимъ днемъ. Въ самомъ дѣлѣ, евреи, ожидающіе воз-

[1] Я заимствую переводъ этихъ стиховъ у крещенаго англійскаго еврея, ...ящаго и еврейскій текстъ въ книгѣ: „A pilgrimaye in the land of my ... by Rev. Moses Margolionth, т. II, приложеніе.

соединенія колѣнъ, очень напоминаютъ собою все еще существующую въ Англіи секту миленаріевъ, ожидающихъ наступленія пятой монархіи, возвѣщенной Даніиломъ. Я знавалъ нѣкоторыхъ изъ этихъ англо-саксонскихъ мечтателей: ожидая исполненія пророчествъ, они очень исправно занимаются торговыми дѣлами, какъ истые англичане.

Однако далеко не всѣ евреи, живущіе въ восточной части Европы, соблазняются подобною мечтою. Если бы явился ангелъ съ неба и возвѣстилъ имъ, что царство Давида возстановлено и что имъ надо возвратиться на тощія ханаанскія пастбища, они были бы очень непріятно поражены. Одинъ польскій еврей мнѣ говорилъ: «Если снова возникнетъ еврейское царство, то я буду ходатайствовать, чтобы меня назначили консуломъ Палестины въ Варшавѣ». Вѣроятно многіе изъ выродившихся сыновъ Іакова высказались бы въ томъ же смыслѣ: одинъ пожелалъ бы быть консуломъ въ Парижѣ, другой въ Берлинѣ, третій въ Римѣ, четвертый въ Вашингтонѣ. Они предпочли бы подвергнуться всевозможнымъ притѣсненіямъ, но не согласились бы возвратиться на скалистые холмы своихъ предковъ. Для большинства евреевъ на востокѣ Европы истинное возстановленіе Израиля, царство Мессіи-освободителя равносильно концу стѣсненій, прекращенію исключительныхъ законовъ. Для нихъ Іерусалимъ, земной Сіонъ, къ которому они взываютъ въ своихъ традиціонныхъ молитвахъ — свобода, гражданская равноправность. Спросите бѣдствующихъ литовскихъ или бѣлорусскихъ евреевъ, обратитесь къ загнаннымъ румынскимъ или польскимъ евреямъ, они вамъ отвѣтятъ, что желаютъ всегда жить на берегахъ Нѣмана или Прута, если только имъ устроятъ сколько нибудь сносную жизнь. Отечество для нихъ та страна, въ которой умерли и похоронены ихъ отцы, и когда они вынуждены покинуть ее, они уѣзжаютъ словно въ ссылку.

Еслибы ассимиляціи евреевъ препятствовалъ бы только мессіанизмъ, то она потребовала бы не болѣе двухъ трехъ поколѣній. Но, какъ извѣстно, есть страны, въ которыхъ еврей до сихъ поръ не признается гражданиномъ. Какъ въ средніе вѣка и нынѣ ставятся искусственныя преграды ассимиляціи, словно имѣется въ виду навѣки удержать евреевъ въ обособленномъ

состояніи. Поэтому нельзя удивляться, что сто лѣтъ послѣ Мендельсона и декрета учредительнаго собранія встрѣчаются евреи, сомнѣвающіеся въ пользѣ сліянія съ христіанами. Одинъ изъ тѣхъ молодыхъ евреевъ, которые ищутъ у насъ высшаго образованія, потому что имъ отказываютъ въ немъ на родинѣ, высказалъ мнѣ слѣдующія соображенія: «Если намъ заявляютъ, что мы, евреи, вѣчно должны оставаться евреями, то пора спросить себя,—не ложенъ ли тотъ путь, который мы избрали? Намъ говорятъ, что мы къ ассимиляціи не способны, что на насъ будутъ смотрѣть, какъ на обособленный народъ; но въ такомъ случаѣ,—не слѣдуетъ ли и намъ въ свою очередь позаботиться о возстановленіи своей національности? Всякій другой путь намъ заказанъ. Мы стараемся отрѣшиться отъ нашей обособленности, а насъ заставляютъ вернуться къ ней; насъ насильственно возвращаютъ изъ городовъ и христіанскихъ деревень въ покинутыя нами еврейскія общины; намъ закрываютъ доступъ въ гимназіи и университеты, т. е. доступъ къ цивилизаціи. Даже на западѣ, гдѣ исключительные законы давно уже отмѣнены, раздаются шумные голоса, требующіе ихъ возстановленія. Но въ такомъ случаѣ, почему намъ не отвергнуть тѣхъ, кто насъ отвергаетъ, и не усматривать нашего честолюбія въ томъ, чтобы оставаться или снова стать самими собою? Что въ сущности мѣшаетъ Израилю воскреснуть? Наша молодежь отрѣшается отъ вѣры; но чувство національности переживаетъ ее. Западнымъ евреямъ мы можемъ предоставить по прежнему сливаться съ современными народами. Но тамъ, гдѣ насъ много, въ Россіи, Польшѣ, Румыніи, мы могли бы образовать жизненный народъ среди націй, соперничающихъ изъ-за преобладанія на Востокѣ. Мы могли бы даже колонизовать Сирію и Палестину, возстановить еврейское государство, снова обрѣсти, подобно грекамъ, независимый національный центръ, гдѣ намъ дано было бы жить согласно нашимъ нравамъ, законамъ и національному духу. Въ общей сложности быть можетъ вѣрно, что для еврея чужое отечество никогда не будетъ матерью, а лишь мачихою,—a step-faterland, какъ выразился бы англичанинъ».

Мнѣ не разъ приходилось слышать это пожеланіе, вложенное

нѣкогда Джорджемъ Эліотомъ въ уста Мардахаю. Когда появился романъ знаменитой англійской беллетристки, оно вызывало улыбку. Но теперь послѣ того, какъ евреи снова столько выстрадали, нельзя, относиться такъ легко къ ихъ желанію быть независимыми отъ христіанъ и имѣть собственную территорію, собственное отечество [1]. Осуществиться-ли когда-нибудь эта мечта о самостоятельномъ еврейскомъ государствѣ? Я не рѣшусь отвѣтить отрицательно: не смотря на всѣ препятствія, она можетъ осуществиться. Вопросъ заслуживаетъ изученія, и я быть можетъ подвергну его со временемъ разсмотрѣнію. Но даже еслибы евреи снова преобладали численно въ Ханаанѣ, какъ они нынѣ уже преобладаютъ въ Іерусалимѣ, еслибы они учредили на берегахъ Іордана миніатюрную республику или княжество,—это не побудило-бы западныхъ евреевъ вернуться въ старое отечество. Я не могу себѣ представить, чтобы французскіе, англійскіе, нѣмецкіе, итальянскіе евреи направились въ большомъ числѣ въ Яффу или Сенъ-Жанъ-д) Акръ. О нихъ нельзя сказать, какъ о туркахъ, что они расположились лагеремъ въ Европѣ. Къ тому-же Палестина не можетъ ихъ прокормить; даже вся Сирія въ состояніи пріютить лишь ничтожную часть семи или восьми милліоновъ евреевъ, живущихъ на земномъ шарѣ. Но чтобы очистить имъ мѣсто, нельзя-же изгнать христіанъ и мусульманъ. Можно-ли поручить синагогѣ охрану святого гроба? Ни одинъ христіанинъ не рѣшится даже предложить этого.

Еслибы мы предоставили Израилю всѣ свободныя земли въ Сиріи включительно съ пустынею до Ефрата, то тутъ моглибы прокормиться не болѣе трети или четверти евреевъ, живущихъ въ Европѣ. Прежняя Ханаанская земля и прилегающія къ ней мѣстности могутъ пріютить никакъ не болѣе нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Къ тому же новые колонисты явятся искючительно изъ большихъ еврейскихъ общинъ восточной части Европы, ибо нельзя смѣшивать Парижъ съ Бердичевымъ и

---

[1] Кромѣ трудовъ покойнаго Лауренса Олифанта, появилось не мало брошюръ, посвященныхъ этому вопросу; я укажу между прочимъ на трудъ Ишъ-Берлина (Die Jüdische Unabhängigkeit, Bern, 1892).

Вѣну или Берлинъ съ Яссами. Стремится въ страну своихъ предковъ не тотъ неудобный гость, отъ котораго охотно избавились-бы наши столицы,—не подозрительный маклеръ, не безстыжій спекулянтъ, не всесвѣтный авантюристъ, ищущій подозрительныхъ рынковъ, не эксплоататоръ современной гласности, высматривающій продажныхъ писакъ и избирателей. Всѣ эти люди останутся у насъ и, даже еслибы мы возвратили Израилю страну двѣнадцати колѣнъ, то, чтобы ихъ привлечь въ Іерусалимъ, требовалось-бы воздвигнуть на Сіонской горѣ биржу, банки, разные агентства, словомъ, все, что нужно для операцій, которыя они стремятся монополизировать въ своихъ рукахъ. Направляются въ Палестину элементы, наименѣе энергичные, предпріимчивые, честолюбивые, культурные, и, если можно такъ выразиться, наименѣе молодые. Я у нихъ бывалъ, у этихъ іерусалимскихъ евреевъ; я видѣлъ, какъ они въ пятницу рыдаютъ у стѣны храма, моля о возстановленіи Сіона. Это одно изъ самыхъ трогательныхъ зрѣлищъ, какое мнѣ приходилось видѣть: Бида и Верещагинъ вѣрно передали намъ его глубоко-печальный характеръ. Ни старцы, пріѣзжающіе въ Іерусалимъ умереть, чтобы покоиться въ долинѣ Іосафата, ни тщедушные отроки, живущіе тамъ на счетъ благотворительности ихъ богатыхъ западныхъ единовѣрцевъ, не представляютъ собою элементовъ, пригодныхъ для національнаго возрожденія. Евреи живущіе въ Святой Землѣ, напоминаютъ не возраждающійся, а умирающій народъ, человѣческія развалины на каменныхъ развалинахъ; кажется, будто-бы остатки колѣнъ явились умереть на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда красовался домъ Давидовъ [1].

Взоры нашихъ западныхъ евреевъ обращены не на востокъ, не на безплодные холмы Іудеи. Даже обнищалыя, грязныя массы евреевъ, заселяющихъ румынскіе и русскіе города и мѣстечки, стремятся не столько въ Сирію, сколько туда, гдѣ солнце заходитъ. Еврей предпочитаетъ истощеннымъ землямъ и обѣднѣвшимъ народамъ Азіи плодородную американскую

---

[1] Мнѣ хорошо извѣстно, что за послѣдніе годы евреи основали въ Палестинѣ нѣсколько довольно цвѣтущихъ колоній, но это не ослабляетъ значенія вышеизложеннаго соображенія.

почву. Современное великое переселеніе народовъ направляется не въ мѣста, гдѣ сложилась Библія, нѣтъ, это діаметрально противоположное теченіе. Если бы даже Порта не относилась съ недовѣріемъ къ еврейскимъ эмигрантамъ и предоставила имъ свободный доступъ къ ливанскимъ и кармельскимъ горамъ, тѣмъ не менѣе большинство ихъ предпочло-бы наполнять трансатлантическіе пароходы. Новыя страны,—вотъ крикъ еврея, бѣгущаго, побуждаемый нуждою, изъ великаго русскаго гетто. Для него обѣтованная земля не тамъ, между моремъ и Іорданомъ, а въ туманахъ запада, на берегахъ океана. На-дняхъ еще раввины на Гудзонѣ и Миссисипи, празднуя 400—лѣтнюю годовщину открытія Америки, сравнивали Колумба съ новымъ Моисеемъ, посланнымъ Іеговою, чтобы приготовить гонимому на старомъ материкѣ Израилю пристанище въ лучшемъ мірѣ[1]. Новѣйшее эмиграціонное движеніе евреевъ фактически опровергаетъ мечту тѣхъ энтузіастовъ, которые совѣтуютъ евреямъ образовать самостоятельное государство. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ своей азіатской колыбели, большинство сыновъ Іуды съ пренебреженіемъ повертываютъ Азіи спину. Израиль все больше становится западнымъ, европейскимъ, американскимъ народомъ. Чтобы создать изъ него самостоятельный народъ, надо было-бы скучить остатки колѣнъ и сосредоточить ихъ на одной территоріи. Но сыны Іакова не только не собираются со всѣхъ концовъ свѣта, напротивъ они болѣе чѣмъ когда-либо разсѣиваются среди христіанъ: преслѣдованія ихъ всюду разбрасываютъ. И чѣмъ болѣе развивается этотъ процесъ, чѣмъ тоньше становится ихъ слой на поверхности народовъ, тѣмъ меньше они въ состояніи противостоять мѣстнымъ вліяніямъ. Старый сепаратизмъ, пережившій діаспору классической древности не можетъ сохраниться при такихъ условіяхъ. По мѣрѣ

---

[1] На эту тему написаны краснорѣчивыя статьи въ American Herew (сентябрь и октябрь 1892 г.) Если вѣрить авторамъ этихъ статей, то между товарищами Колумба было нѣсколько евреевъ, деньги, необходимыя для вооруженія его флотиліи, даны въ долгъ кастильскимъ евреемъ, а карты, которыми онъ пользовался, составлены португальскимъ евреемъ. Мало того, изъ древнихъ хроникъ видно, что первый узрѣлъ твердую землю еврей Родриго де-Тріано, и что еврей-же Люисъ де-Торесъ первый ступилъ на американскій материкъ.

того, какъ судьба разбрасываетъ евреевъ по всему земному шару, они отрѣшаются отъ религіозной и національной своей исключительности. Это явленіе уже наблюдается почти во всѣхъ свободныхъ странахъ отъ Карпатъ до Скалистыхъ горъ.

VI.

Если для большинства евреевъ Палестина не можетъ стать отечествомъ, которое возвратило-бы имъ независимую національную жизнь, то, можетъ быть, іудаизму суждено продолжать въ этомъ отношеніи свою роль. Даже если бы онъ былъ не болѣе, чѣмъ религіею, онъ всегда сохранитъ ту особенность, что онъ является церковью, члены которой признаютъ себя происходящими отъ одного отца и слѣдовательно братьями по крови. Отсюда у евреевъ солидарность, какая не встрѣчается ни въ одной религіи. Отсюда — стремленіе даже скептиковъ отводить религіозному началу больше значенія, чѣмъ національному, ибо у нихъ религіозныя узы тождественны съ племенными, и всѣ они склонны признавать себя прежде всего евреями, а затѣмъ уже французами, англичанами, нѣмцами. Отсюда, наконецъ, своего рода космополитизмъ, позволяющій очень многимъ изъ нихъ безъ сердечнаго сокрушенія переселяться изъ одной страны въ другую и акклиматизироваться вездѣ, гдѣ они могутъ открыть банкирскую или иную контору. Это объясняется тѣмъ, что у многихъ евреевъ національный сепаратизмъ замѣняется международнымъ космополитизмомъ, который часто идетъ рука объ руку съ прежнимъ сепаратизмомъ, такъ какъ оба они въ сущности основаны на одномъ и томъ же принципѣ. Въ то время, какъ старый правовѣрный еврей, замкнутый въ тѣсномъ кругу своихъ воспоминаній и обрядовъ, не зналъ иного отечества, кромѣ Іерусалима, западный цивилизованный еврей склоненъ смотрѣть на весь міръ, какъ на арену своей предпріимчивости: онъ мало заботится о судьбѣ провинцій и государствъ, въ которыхъ онъ временно живетъ; всѣ его эгоистическіе помыслы направлены на личные интересы, и если у него затѣмъ еще остаются благородныя стремленія, то они сосредоточиваются на интересахъ іудаизма, этого

древняго и обширнаго братства, членомъ котораго еврей себя всегда чувствуетъ, какимъ превращеніямъ онъ-бы не подвергся. Израиль продолжаетъ походить на ртуть, этотъ странный жидкій металлъ, капельки котораго находятся въ вѣчномъ движеніи, разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ, но никогда не соединяются съ окружающею ихъ средою и тотчасъ же сливаются, какъ только гдѣ нибудь встрѣтятся.

Сколько можно сказать по этому поводу! Это все та-же исторія: еврей созданъ прошлымъ, а это прошлое создано нами. Тѣсная солидарность евреевъ, ихъ quasi-космополитизмъ въ значительной степени дѣло нашихъ рукъ. Если бы не униженія и притѣсненія, которымъ мы ихъ подвергали, они не сплотились-бы такъ тѣсно, и узы, связывающія семитовъ, давно-бы ослабѣли или порвались. Общность происхожденія не много значитъ; въ этомъ насъ убѣждаютъ фамильные раздоры, войны династій, связанныхъ узами родства, внутренняя борьба столькихъ націй, соперничество племенъ, разжигавшее такъ часто страстную борьбу между братскими народами. Возьмемъ-ли мы единовѣрныя или единоплеменныя группы населенія, — вездѣ мы увидимъ, что у этого задорнаго животнаго, которое мы называемъ человѣкомъ, солидарность прямо пропорціональна толчкамъ, получаемымъ имъ извнѣ. Если ни одна группа населенія не проявила такой солидарности, какъ сыны Израиля, то потому, что ни одна изъ нихъ не перенесла такого угнетенія.

Какъ вездѣ, такъ и тутъ, настоящее объясняется прошлымъ. Чувство еврейской солидарности, установившееся въ теченіе вѣковъ, благодаря страданіямъ и общимъ опасеніямъ, увѣковѣчивается путемъ атавизма даже тамъ, гдѣ оно не возбуждается искусственно новыми придирками или преслѣдованіями. Оно сохраняется даже у евреевъ, отрѣшившихся отъ традицій своего народа и окончательно слившихся съ кореннымъ населеніемъ. Очень многіе изъ нихъ остаются евреями, хотя совершенно отреклись отъ своей религіи. Арсеній Дармстетеръ, разсказывая, какъ онъ утратилъ вѣру своихъ предковъ, говорилъ одному изъ своихъ друзей: «Тѣмъ не менѣе я не

бросилъ іудаизма—онъ для меня какъ бы другое отечество» [1]. Мнѣ нравятся подобныя чувства. Я не понимаю человѣка, принадлежавшаго къ данной церкви, обязаннаго ей въ молодости самыми высокими стремленіями и сладостными впечатлѣніями и, тѣмъ не менѣе, не сохраняющаго въ сердцѣ къ ней привязанности. Это—признакъ ограниченнаго ума или черствой души. Не всѣ христіане, вѣра которыхъ поколебалась на долгомъ жизненномъ пути, чувствуютъ нерасположеніе къ своей воспитательницѣ. Я знаю такихъ, которые, вопреки головному скептицизму, питаютъ къ ней сердечную привязанность. Это явленіе встрѣчается не у однихъ сыновъ Израиля. И въ этомъ отношеніи наши французскіе протестанты напоминаютъ евреевъ. Кто изъ насъ не знавалъ такихъ протестантовъ, которые отрѣшились отъ догматовъ своей церкви и, тѣмъ не менѣе, остаются протестантами, питая живой интересъ къ своей церкви и единовѣрцамъ? Для нихъ религія—также какъ бы другое отечество; и у нихъ духъ товарищества переживаетъ утрату вѣры. Отчего это чувство встрѣчается во Франціи чаще у протестантовъ, чѣмъ у католиковъ? Оттого, что протестанты долго составляли обособленную группу населенія и также перенесли общія страданія; оттого, что и они, какъ и евреи, составляютъ у насъ меньшинство и что духъ солидарности всюду является характеристическою чертою психологіи малочисленныхъ религіозныхъ группъ; это столько-же оправдывается во Франціи по отношенію къ протестантамъ, какъ въ Пруссіи или Англіи по отношенію къ католикамъ.

Неужели можно допустить ученіе, что истинный патріотъ замыкается въ границахъ своего отечества. Въ такомъ случаѣ пришлось бы сожалѣть о патріотахъ. Неужели, чтобы быть хорошими французами, намъ надо любить только то, что находится въ предѣлахъ отечества, и подрѣзывать крылья нашимъ симпатіямъ, не уноситься мысленно за моря и горы? Неужели намъ пришлось бы исказить девизъ, вырѣзанный на кольцѣ Людовика Св. и, забывъ о мѣстѣ, отведенномъ Богу этимъ королемъ-крестоносцемъ, воскликнуть: «Внѣ Франціи нѣтъ любви!»

---

[1] Journal des Débats отъ 24-го апрѣля 1890, ст. г. Авэ.

Я не знаю, какъ на этотъ вопросъ смотрятъ профессора свѣтскаго патріотизма, но я увѣренъ, что такой патріотизмъ не имѣетъ ничего общаго съ христіанствомъ.

Намъ надо въ этомъ отношеніи остерегаться, потому что упрекъ, который мы дѣлаемъ евреямъ, можетъ быть обращенъ противъ насъ самихъ. Нѣтъ большой церкви, которая не считала-бы для себя честью заслужить его. Католики, лютеране, православные—всѣ сохраняютъ въ глубинѣ души симпатіи къ своимъ братьямъ, живущимъ въ другихъ странахъ. Англійскіе диссиденты или члены господствующей церкви, равно какъ и безчисленныя религіозныя общества, существующія въ Великобританіи, стыдились бы ограничить свою дѣятельность предѣлами тѣснаго отечества или даже громадной Британской имперіи. Какъ бы ни были обширны границы имперіи, занимающей отъ Тихаго Океана до Балтійскаго моря половину нашего материка, онѣ тѣмъ не менѣе слишкомъ тѣсны для симпатій русскаго купца или мужика, распространяющихся на всѣхъ братьевъ по вѣрѣ, гдѣ-бы они ни жили. И неужели нашъ кругозоръ такъ съузился или наши чувства такъ охладѣли, что мы, французы, въ свое время направлявшіе христіанское рыцарство на востокъ, нынѣ ко всему въ семъ обширномъ мірѣ относимся равнодушно?

Къ чему эта клевета? Вопреки всѣмъ урокамъ эгоизма, полученнымъ нами извнѣ, и своекорыстнымъ рѣшеніямъ, провозглашаемымъ иногда во всеуслышаніе, традиціонное французское великодушіе въ насъ не умерло. Если оно кое-гдѣ изсякло, то я знаю, гдѣ оно живетъ. Оно живо въ людяхъ вѣрующихъ и привязанныхъ къ старой церкви. Они могутъ еще обнять сердцемъ нашу маленькую планету. Для этого у нихъ сердце еще достаточно широко. Они также по своему космополиты, хотя изъ числа добрыхъ французовъ они наилучшіе. Не обращайтесь къ нимъ съ рѣчами о необходимости ограничить свою любовь и свое чувство преданности политическими границами Франціи, ибо что-же въ такомъ случаѣ значило-бы быть католикомъ? Бѣдные католики, бѣдные клерикалы! Сколько разъ имъ бросали въ лицо упрекъ, съ какимъ постоянно обращаются къ евреямъ! Сколько разъ во Франціи,

Германіи, Англіи, сѣверной и южной Америкѣ ихъ убѣждали, что они плохіе патріоты, что они подчиняютъ національные интересы чужеземнымъ! Уже при старомъ режимѣ на это постоянно жаловались французскіе патріоты, и таковъ именно смыслъ слова: ультрамонтаны, которымъ стараются заклеймить католиковъ ихъ противники. Для довершенія аналогіи, подобно тому, какъ упрекаютъ римскую іерархію съ ея епископами, священниками и монахами, въ международной организаціи, несовмѣстной будто-бы съ единствомъ государства, развѣ не обвиняютъ и сыновъ Израиля въ другой международной организаціи съ тайными вождями, которая-де также стремится не болѣе не менѣе, какъ къ завоеванію міра и подчиненію себѣ народовъ?

Перев. **Р. Сементковскій.**

(*Окончаніе будетъ*).

МОШКА.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ БЫТА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ

ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV [1].

Погода зимняя прекрасна.
Земля блеститъ и небо ясно,—
Точь въ точь какъ Пушкинъ описалъ.
Свѣтло кругомъ подъ небесами,
Снѣжокъ сверкаетъ подъ санями;
Морозъ къ полудню закрѣпчалъ;
Безъ вѣтра онъ гуляетъ тихо,
Слегка по воздуху скрипитъ,
Закравшись къ пѣшеходу, лихо
Подъ шубой, щиплетъ и шалитъ.
Пойдемте улицей парадной
Она веселой и нарядной,
Толпою сельской вся кипитъ;
Мелькаютъ шубы, капавейки,

---

[1] См. „Восходъ“, кн. VI.

Тулупы, кофты, душегрѣйки,
Кумачъ на солнышкѣ блеститъ.
Мальчишки, дѣвки, бабы, дѣды,
Толпа красавицъ удалыхъ
И парней бойкихъ и лихихъ —
И все поетъ, ведетъ бесѣды,
Смѣется, шутитъ и шалитъ.
Шарманка въ сторонѣ играетъ,
Купецъ товары выхваляетъ,
А тамъ толпа, близь кабака,
Удало рѣжетъ «трепака».
Здѣсь вѣетъ воздухомъ раздольнымъ,
Здѣсь вѣетъ Русью удалой,
Здѣсь пахнетъ нравомъ своевольнымъ,
И русской ширью вѣковой!...
Люблю я васъ, поля родныя,
Моей отчизны дорогой;
Тебя, могучая Россія
Люблю я, пылкою душой;
Душой, что Библія Святая
Учила пламенно любить,
Душой, что доля роковая
Учила долгу вѣрной быть.
Люблю степей просторъ безбрежный,
Твоихъ дѣтей разгулъ мятежный,
Раскаты пѣсенъ удалыхъ
И взоры милыхъ дѣвъ твоихъ!
Мнѣ грудь твоя весна согрѣла,

Мой духъ морозъ твой закалилъ,
И дочь твоя мнѣ пѣсни пѣла,
А сынъ — познаніямъ училъ.
И хоть въ твоемъ родномъ просторѣ
Я мало радостей узналъ;
Узналъ страданіе и горе,
И рокъ суровый испыталъ,
Хоть были дни тяжелой смуты —
Скорбей и слезъ, но скорбь свою
Тебѣ простилъ я въ тѣ минуты,
Затѣмъ, что я тебя люблю,
Затѣмъ, что вѣрю я душой
Въ твое грядущее, Россія,
Въ твои желанія благія,
Въ твой духъ могучій и живой!..
Пойдемъ на площадь для забавы;
Смотрите: вотъ орелъ двуглавый
На низкой башенкѣ стоитъ
И домъ громадный сторожитъ.
Вокругъ него толпа кишитъ.
А вотъ Зевесъ провинціальный,
Урядникъ мѣстный иль квартальный,
Съ осанкой важной, на конѣ,
Толпѣ кричитъ о тишинѣ.
Но все шумитъ, и все гогочетъ,
Кричитъ, и плачетъ и хохочетъ,
Танцуетъ, свищетъ и поетъ:
Сегодня здѣсь «пріемъ» идетъ.

Вдали, унылою толпою
Ко зданью устремивши взоръ,
Въ тревогѣ, тихо межъ собою
Ведутъ евреи долгій споръ.
Межъ ними также Мошка бѣдный.
Онъ весь растрепанный и блѣдный,
Въ пальтишкѣ рваномъ онъ дрожитъ,
На двери смотритъ и молчитъ.
— «Что будетъ? — думалъ онъ уныло —
Сдадутъ? — Нѣтъ, Ице обѣщалъ —
А то снести не хватитъ силы...
А если?.. Нѣтъ, — онъ деньги взялъ!..
Не можетъ быть!..»
Махнувъ рукою,
Онъ вновь мѣшается съ толпою.
Вотъ изъ присутственныхъ дверей
Выходитъ парень разъяренный;
Онъ красенъ, словно ракъ вареный;
Не добръ и блескъ его очей.
Къ нему старуха поспѣшаетъ
И, вся въ тревогѣ, вопрошаетъ:
— Ну?

Парень.

«Спекся!»

Баба.

Охъ, кормилецъ мой!..
Ах-ти, сынокъ, соколикъ ясный,

Меня оставишь сиротой...
Ах-ти, голубчикъ мой прекрасный!»...
  Заголосила... Сынъ рыдаетъ,
Припавъ къ ней буйной головой...
Но вдругъ толкнулъ ее рукой:
«Довольно хныкать-то, родная!
Дай—хоть денекъ послѣдній мой
Пусть молодцомъ я прогуляю.
Эхъ-ма! Ванюха, выступай,
Вотъ такъ! «Комарынску» сыграй:
    Я курилъ, курилъ махорку,
      А теперь курю табакъ,
    Я любилъ, любилъ дѣвчонку,
      А теперь люблю я бабъ!
Эхъ!..
    Разступись народъ честной!..»

    Евреи издали стояли
И лишь плечами пожимали,
Да говорили межъ собой:
«Что значитъ Юрка!—Пляшетъ съ горя!
Потомъ съ семьей въ кабакъ пойдетъ
И всю тоску свою пропьетъ,
А мы?»...
        И съ мукою во взорѣ
Несется Мошка къ двери той,
Откуда сынъ несъ жребій свой.

Мошка.

Ну, что?..

Сынъ.

Зарѣзали!... сгубили!

Мошка.

За что зарѣзали?... Да какъ?

Сынъ.

Да прямо сдали, прямо, такъ...

Мошка.

А Ице что?

Сынъ.

Чтобъ задушили
Его нечистые! Сгубилъ
Лишь онъ!

Мошка.

Онъ?!.

Сынъ.

Да, онъ говорилъ,
Что у меня нѣтъ вовсе льготы
И чтобы сдали безъ заботы...

Мошка.

О, Ице, Ице! Боже мой!..
Бѣги... укройся... нѣтъ... постой...
Сейчасъ онъ выйдетъ... Мы услышимъ...
Потомъ прошеніе напишемъ...

Потомъ... Потомъ... Господь спасетъ...
Но вотъ, постой... вотъ онъ идетъ...

* * *

Сложивши руки за спиной,
Исакъ осанисто ступаетъ
Межъ разступившейся толпой:
Предъ Ицей шапку всѣ ломаютъ
И въ поясъ отдаютъ поклонъ.
Исакъ идетъ. Доволенъ онъ.
И почему-жъ не быть довольнымъ!
Свернулъ онъ шеи своевольнымъ,
Къ кому онъ местію горѣлъ—
Тѣмъ отомстилъ... Ну—сдалъ кривого,
Хромого, хвораго, слѣпого,
За то карманъ отяжелѣлъ.
Доволенъ онъ... Но что такое?
Съ чего Исакъ нашъ поблѣднѣлъ?
Случилось что-то роковое.
Къ нему мой Мошка подлетѣлъ,
За шиворотъ его хватаетъ
И что есть мочи восклицаетъ:
«Постой, постой!... Ты сына спасъ?
Ты спасъ мнѣ сына?... О, проклятье!
Отдай же вексель!... Вотъ онъ, братья,
Вотъ тотъ злодѣй, что губитъ насъ,
Что губитъ нашихъ сыновей!...
Гдѣ вексель?.. Двѣсти вѣдь рублей

Онъ взялъ, чтобы спасти мнѣ сына,
Ты спасъ? А? спасъ?.. Гдѣ сынъ мой нынѣ?
Гдѣ сынъ? гдѣ вексель мой?.. Скорѣй...
Одинъ вѣдь сынъ, а старость близко...
Въ груди хрипитъ... О, лютый звѣрь!
Куда же дѣться намъ теперь?
Куда? Куда?»...
Такъ, весь пылая,
Глазами яростно сверкая,
Исака Мошка потрясалъ;
Исакъ блѣднѣлъ и весь дрожалъ,
Въ отвѣтъ ни слова ни сказалъ.
Но вдругъ онъ силою рванулся,
Къ городовому повернулся
И крикнулъ яростно: «Эй, взять!
Онъ—сумасшедшій!»
— «Эй! Какъ взять-то!—
Вдругъ отозвались мужики,—
Гляди, ты больно тароватъ-то?
Все это, братцы, вѣдь съ тоски!
Чего смотрѣть? Эй, разочтемся!
— «Онъ у меня коровку взялъ!»
— »У насъ онъ хату *описалъ*!»
— «Валяй, а послѣ разберемся!»
Исакъ бѣжать—толпа за нимъ:
«А-ту его! Дуй, братцы, бейте,
Валяйте, съ лихвой отдадимъ,
Катайте, братцы, не жалѣйте!. »

Толпа бѣжитъ... И шумъ, и громъ...
Въ недоумѣніи тупомъ
Стоитъ мой Мошка одинокій
Въ тоскѣ безумной и глубокой
И озирается кругомъ.
Онъ ничего не понимаетъ,
Кто это близь него рыдаетъ?..
Онъ оглянулся... Ихъ узналъ...
Марьяша съ матерью стояли,
Обнявъ другъ дружку и рыдали...
И онъ безъ чувствъ на снѣгъ упалъ...

И. Тагеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЕВРЕИ ВО ФРАНЦІИ

ВЪ ЧЕТЫРНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТИИ.

IX [1].

Какъ на югѣ Франціи, такъ и на сѣверѣ евреи не бы исключительно ростовщиками. Въ Лангедокѣ, гдѣ евреи были бѣдн они выдавались какъ люди науки, доктора, филологи и философ Въ Монпелье у нихъ была школа столь же давняго происхождені какъ и христіанскій университетъ; въ послѣднемъ они допускал къ занятіямъ медициной и получали отъ университета ученыя ст пени. Еврейскіе доктора Лангедока пользовались громадной славо Въ началѣ XIV столѣтія Profatius Judaeus, некрещенный евре былъ ректоромъ христіанскаго университета Монпелье. „Человѣ необыкновеннаго ума", писалъ о немъ Арманъ-де-Вилленевъ, „перв среди профессоровъ нашего времени, о которомъ намъ приходит съ грустью думать, что подобнаго ему уже никогда намъ въ б дущемъ не встрѣтить" [2]. Четыре поколѣнія Авигдоровъ продолжа поддерживать славу, которую онъ оставилъ по себѣ въ родно городѣ. Въ Каркасонѣ великіе хирурги Долланъ Беллонъ, Яко изъ Люнеля и Лео Жозефъ собрали вокругъ себя цѣлую школу уч никовъ. Безье и Норбонъ были не менѣе знамениты. Самъ коро пользовался услугами остававшагося въ еврействѣ врача, по име Hacquin. Не было почти ни одной царствующей особы въ Евро

---

[1] См. „Восходъ", кн. VI.

[2] De Humido radicali. См. Hist. Lett. de France, t. XXVIII, p. 130.

оторая бы не имѣла при себѣ лейбъ-медикомъ еврея-врача: самъ апа, королева неаполитанская, король кастильскій, герцогъ саойскій, герцогъ анжуйскій и множество другихъ менѣе крупныхъ ластителей и магнатовъ, всѣ они лечились у евреевъ. Еврейская едицина пользовалась всеобщимъ господствомъ. Въ то самое время, огда христіане жгли евреевъ на кострахъ, какъ распространиелей моровой язвы, еврей-врачъ Израель Каслари въ трактатѣ контагіозныхъ болѣзняхъ изслѣдовалъ свойства заразы и пыался найти средства противъ губительной болѣзни. Еще въ одинадцатомъ столѣтіи, Roschi описалъ послѣдствія перикордита, злѣчивалъ параличъ пищепровода мѣстными промываніями, наблюалъ случай потери голоса вслѣдствіе опухоли основанія языка и предѣлилъ лѣченіе маларіи [1]. Евреи почти не знали себѣ равыхъ въ діагностикѣ, хирургіи и родовспомогательномъ искусствѣ. Если въ эпоху темнаго суевѣрія они также были суевѣрны; если они вѣрили, что текстъ изъ Талмуда, написанный въ формѣ льва, редставляетъ средство къ легкому разрѣшенію отъ бремени и т. п., о не надо забывать, что такая вѣра въ чудесное и таинтвенное представляла явленіе обычное въ средневѣковой Франціи, , весьма возможно, что присущая имъ доля скептицизма руководила ими въ употребленіи нѣкоторыхъ врачебныхъ средствъ, которыя, поддерживая вѣру въ больныхъ, содѣйствовали успокоеію нервныхъ припадковъ, спазмъ и т. д.

Еврей, будь онъ ученый или неученый, пользовался суевѣрымъ почтеніемъ, какъ человѣкъ, посвященный въ тайны врачебаго искусства. Онъ являлся во мнѣніи толпы чѣмъ то въ родѣ мага или волшебника, который умѣлъ лѣчить отъ всѣхъ болѣзней и могъ предсказывать будущее. Крещенная еврейка, „большая искусница въ некромантіи“, первая предсказала больной матери

[1] *Carmoly*, Histoire des Medicins Juifs, I, p. 43.

Бертрана Дюгэ Саклена, за которой она ухаживала, военную сл
этого героя. Въ каждомъ городѣ еврейскій раввинъ, въ кажд
селеніи простой деревенскій ростовщикъ почитался, въ силу нисп
ланнаго ему свыше дара, искуснымъ лѣкаремъ. „Я отправил
къ еврею,—разсказываетъ Жаннета, бѣдная бѣлошвейка изъ П
рижа,—съ цѣлью занять у него немного денегъ.... И такъ к
голова у меня ужасно болѣла, я попросила, чтобы онъ далъ
какое-нибудь средство противъ боли". А кстати она попрос
его прописать ей зелье противъ несчастной любви [1]. Соборъ
соборомъ запрещали христіанамъ прибѣгать къ еврейскому иск
ству, за исключеніемъ случаевъ послѣдней крайности; а между тѣ
въ Карпентра, въ церковныхъ областяхъ было такъ мало вра
не-евреевъ, что нѣкто Mordecoi Sauves получилъ разрѣшеніе д
жать свою аптеку не только за чертою гетто, но и въ само
Hôtel Dieu [2]. Тщетно король Джонъ воспретилъ заниматься м
дицинской практикой евреямъ, не пріобрѣвшимъ надлежащей учен
степени и не подвергшимся экзамену въ присутствіи сенешал
Beaucaire. Въ глазахъ лангедокскаго крестьянина всякій евр
былъ докторомъ.

Оригинальную картину представляла собою жизнь безчисле
наго множества молодыхъ людей, стекавшихся въ Монпелье д
изученія медицины! Они являлись изъ разныхъ гетто Гасконіи
Прованса; на родинѣ жизнь ихъ на столько отличалась отъ т
которую вели ихъ христіанскіе товарищи-студенты, что казало
ихъ раздѣляли пески Сирійской пустыни. Церковь довершила
конца свою систему обособленія евреевъ; въ каждомъ городѣ евре
скій кварталъ представлялъ собою особый городъ, окруженный ст
ною; ворота запирались и отдѣляли его отъ всего остального мір

---

[1] См. *Douët d'Arcq*, Documents inédits pour le Regne de Charles VI, II, 22
[2] *Loeb*. Op. cit.

X.

Гетто въ большинствѣ случаевъ состояло изъ одной улицы съ воротами на обоихъ ея концахъ; двери и окна домовъ выходили на ту же улицу, такъ какъ не допускалось, чтобы окна еврейскихъ домовъ прямо сообщались съ христіанскою улицею или площадью. Эта улица, съ ея высокими, мрачными домами, была, конечно слишкомъ тѣсна для ея многочисленныхъ обитателей: „car cette engeance pullule extraordinairement, puisque presque tous se marient dans la plus verte jeunesse“ [1]. Въ Карпентра еврейскій кварталъ имѣлъ въ длину восемьдесятъ восемь метровъ и заключалъ болѣе ста пятидесяти рядовъ помѣщеній, населеніе которыхъ временами достигало двѣнадцати тысячъ душъ [2]. Вслѣдствіе роста населенія, евреи принуждены были строить свои дома все выше и выше. Въ Карпентра, въ пятнадцатомъ столѣтіи, дома еврейскаго квартала достигали восьмиэтажной вышины и высились надъ городомъ, словно цитадель,—акрополь нищеты и бѣдствія. Изъ этихъ узкихъ обиталищъ евреи не имѣли права выходить послѣ захода солнца, а также въ дни большихъ церковныхъ праздниковъ и на страстной недѣлѣ, отъ среды до свѣтлаго воскресенья. Въ нѣкоторыхъ гетто не было источниковъ или колодцевъ и населеніе, вслѣдствіе этого, жестоко страдало отъ недостатка воды [3].

Обитатели гетто, одѣтые въ странную одежду, съ высокими остроконечными шапками на головѣ, съ ярко окрашеннымъ кружкомъ, въ видѣ клейма, на груди, составляли замкнутую общину, которая управлялась сама собою подъ высшимъ контролемъ городского мэра или начальника. Въ отношеніи всего, что касалось королевства или республики, они раздѣляли положеніе остальныхъ гражданъ, tanquam veri cives. Но въ частной сферѣ ихъ ре-

---

[1] Статуты Карпентра, приводимые Изидоромъ Лебомъ, op. cit. p. 84.

[2] См. *Loeb*, l. c.

[3] *Isidore Loeb*, loc. cit.

лигіи, воспитанія дѣтей, гражданскаго кодекса и статутовъ евреи Лангедока не были подчинены общимъ законамъ.—Евреи церковныхъ областей пользовались исключительными привиллегіями, и недавно опубликованные de Maulde la Claviere статуты о евреяхъ въ Авиньонѣ заключаютъ много свѣдѣній объ ихъ положеніи. Евреи Авиньона имѣли право пріобрѣтать земли и дома, хотя жить они должны были исключительно внутри гетто. Тамъ они управлялись особымъ совѣтомъ пятнадцати, которые первоначально выбирались всею общиною, а, по истеченіи срока ихъ полномочій, собственною властью назначали своихъ преемниковъ. Этотъ совѣтъ завѣдывалъ благотворительностью, призрѣвалъ бѣдныхъ, заботился о больныхъ и опекалъ сиротъ. Онъ имѣлъ наблюденіе за школами и содѣйствовалъ распространенію ихъ дѣятельности, налагая сборъ на состоятельныхъ родителей, не дававшихъ своимъ дѣтямъ, по крайней мѣрѣ, приличнаго коммерческаго образованія. Совѣтъ взималъ налогъ со всѣхъ учителей гетто; сборъ составлялъ часть дохода, который опредѣлялся по показаніямъ плательщиковъ, подлежавшимъ провѣркамъ со стороны совѣта. Кромѣ того, совѣтъ установилъ спеціальный трибуналъ изъ четырехъ еврейскихъ судей для маловажныхъ дѣлъ, въ которыхъ участвующими лицами были исключительно евреи; но тяжущіеся въ этомъ судѣ пользовались правомъ апелляціи въ общіе суды Авиньона [1].

Въ названномъ гетто жители раздѣлялись на три класса, какъ и за чертой его въ остальныхъ городахъ; евреи не дѣлились, какъ христіане, на рыцарей (дворянъ), горожанъ (буржуа) и простонародье. Единственнымъ признакомъ для подраздѣленія евреевъ на классы служили размѣры ихъ имущества и выплачиваемой ими подоходной подати. Совѣтъ опредѣлялъ, на основаніи ихъ дохода, въ какой разрядъ или классъ каждое семейство должно быть за-

---

[1] *R. de Maulde.* Les Juifs dans les Etats Français du Pape. Rev. des Et. Juives. vol. IV.

числено. Каждый разрядъ имѣлъ особыя отличія, обязанности и права; такъ, напримѣръ, только родители, принадлежащіе къ первымъ двумъ разрядамъ, могли быть облагаемы сборомъ за нерадѣніе о воспитаніи дѣтей.

Истинное воспитаніе молодежи, отцовъ, какъ и дѣтей, происходило въ синагогѣ; тамъ тщательно изучали и комментировали Талмудъ. Убогая, тѣсная школа имѣетъ пустынный видъ: въ ней нѣтъ ни стула, ни скамьи, вдоль стѣнъ кругомъ расположены, сидя на полу, диспутанты, увлеченные работою и не замѣчающіе грязи и неудобства. Они ушли въ глубь этого сокровеннаго міра, въ которомъ создали для себя убѣжище отъ неприглядной дѣйствительности, духоты и смрада скученнаго гетто. Какой лучезарный свѣтъ мысли сіяетъ на ихъ оживленныхъ лицахъ! Какъ каждый анализируетъ, прерываетъ противника, резюмируетъ, разсуждаетъ, укорительно возражаетъ и какъ слушаетъ! Передъ вами, положительно, своего рода судилище. Какимъ вопросомъ задаются эти люди? Они рѣшаютъ: справедливо ли Іегова поступилъ, потопивъ египтянъ при ихъ переходѣ через Чермное море?

Аргументы слѣдуютъ за аргументами, излагаются тонкія, неуловимыя метафизическія разсужденія. Эти раввины, которые умѣютъ, когда нужно, умирать мучениками вмѣстѣ съ дѣтьми на кострахъ, передъ лицомъ народа; эти молодые священнослужители и ученые, готовые, вмѣстѣ съ Исаакомъ Когеномъ изъ Труа, воскликнуть: „Я—Когенъ. Я готовъ принести въ жертву свое тѣло и взойти на костеръ!"—удивительно, всѣ эти евреи, всегда готовые воспринять вѣнецъ мученичества, оказываются совсѣмъ незлобленными людьми. Мы можемъ сколько угодно посѣщать синагогу и врядъ ли когда либо замѣтить въ ней малѣйшее отраженіе преслѣдованій „отверженнаго племени". Всѣ диспутанты окончательно ушли въ свой духовный міръ. Слушайте, что говоритъ въ возбужденіи этотъ рабби, старающійся найти отвѣтъ на вопросъ Гагады: „Когда сыны Израиля перешли море и громадныя вол-

ны поглотили Фараоновы полчища, ангелы небесные, отъ радости, огласили небеса громкимъ пѣснопѣніемъ. И Богъ сказалъ: „Отчего ликуете вы? Развѣ не всѣ дѣти земли равныя мнѣ дѣти?—Стыдъ вашему пѣснопѣнію и стыдъ вашему торжеству, когда мои сыны гибнутъ въ безднахъ морскихъ“!

Талмудъ имѣлъ важное значеніе въ жизни обитателей гетто. Онъ былъ не только книгою философіи или благочестія; онъ служилъ какъ бы хранителемъ духовной жизни народа; онъ былъ настоящимъ зеркаломъ цивилизаціи Вавилона и Іудеи и въ то же самое время—волшебною фантасмагоріей всѣхъ пылкихъ мечтаній, басенъ, легендъ, клочковъ болѣе или менѣе точной науки, наивныхъ грезъ, смѣлыхъ теорій, созданныхъ Странствующимъ Жидомъ въ его безконечныхъ скитаніяхъ. Талмудъ былъ энциклопедіей, составленной изъ разныхъ отраслей знанія: агрикультуры, ботаники, своеобразной естественной исторіи, странной географіи, геометріи, астрономіи, изложенной вверхъ дномъ, физіологіи, медицины, магіи и науки о свойствахъ нечистой силы. Каждое поколѣніе іудейства вносило въ этотъ сводъ все, что накоплялось въ сокровищницѣ его творческой фантазіи. Даже Библія не приходила въ столь близкое соприкосновеніе съ повседневной жизнью гетто, какъ Талмудъ и Мишна. Библія была вѣчною, неприкосновенною, неизмѣнною. Талмудъ—ежедневнымъ спутникомъ, живымъ, одушевленнымъ, всегда современнымъ, располагающимъ сотнями средствъ и указаній для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей жизни. Рѣдкій рабби—болѣе или менѣе солидной учености—не стремился внести въ эту книгу свою глоссу или же перевести и объяснить комментарій къ ней. Рѣдкій рабби не предпочелъ бы добровольную смерть отреченію отъ Талмуда, какъ это сдѣлалъ рабби Исаакъ Шатленъ (Chastellain). „Этотъ мужъ предавался ученымъ занятіямъ день и ночь, вѣчно работалъ надъ изученіемъ Торы. Онъ былъ надѣленъ всѣми земными благами, владѣлъ многими домами и богатой казной“. Не взирая на все это, онъ до-

бровольно принялъ мученическую смерть на кострѣ въ Труа, вмѣстѣ со своею женою, невѣсткою и двумя сыновьями [1]. Гонимая нація удовлетворяется въ годину бѣдствій больше своими комментаріями, чѣмъ своими священными книгами. Отцы церкви для первыхъ христіанъ, Sad-der для парсовъ, Талмудъ для евреевъ, были болѣе близкими руководителями, чѣмъ книга, за которую они страдали. Въ гетто Талмудъ являлся преддверіемъ во всегда открытый міръ идеала. Христіане, сжигая евреевъ, не наносили іудаизму никакого ущерба, потому что мученичество очищаетъ и внушаетъ смѣлость на всякое дѣло Но, захватывая каждый экземпляръ Талмуда, который ими обнаруживался путемъ обмана и насилія, и сжигая духовный хлѣбъ благочестиваго народа на публичной площади, они совершали непоправимую неправду, потому что, лишая идеала, они понижали духовный и нравственный уровень обитателей гетто.

---

[1] См. l'Auto da fe de Troyes. Arsène Darmesteter, Reliques Scientifiques, p. 239:

„En place est amené Rab Isaac Châtelain
Qui pour Dieu laissa rentes et maisons tout à plains,
Il se rend au Seigneur. Riche était de tout bien,
Bon auteur de Tosphoth et bon auteur de Plains.

Lorsque la noble femme vit brûler son mari,
Le départ lui fit mal; elle en jeta grand cri:
„Je mourroi de la mort dont mourrût mon ami"
Elle était grosse; aussi grand peine elle souffrit.

Les deux fils sont brullés, un petit et un grand.
Le plus jeune s'effraie du feu qui lors s'eprend:
„Haro! Je brûle entier!" et l'ainé lui apprend:
„Au Paradis tu vas aller: j'ai suis garant".

La bru qui fut si belle, on vint pour la prêcher:
„Pour te tenir bien chère nous t'offrons ecuyer".
Elle, aussitôt contre eux commença à cracher:
„Je ne laisserai Dieu; vous pouvez m'ecorcher".

XI.

Евреи умѣли стойко встрѣчать горе и муки. Немногіе изъ нихъ робѣли передъ костромъ. Ихъ продолжительное благоденствіе въ правленіе Карла V явилось болѣе опаснымъ испытаніемъ ихъ стойкости. Пока евреи были окружены ненавистью и мракомъ, они безропотно жили двоякою жизнію гетто, говоря по древне-еврейски внутри его стѣнъ и по французски—внѣ, называясь однимъ именемъ среди своихъ соплеменниковъ, другимъ—среди христіанъ; внѣ гетто они были чужіе, пришельцы; ихъ настоящее отечество находилось внутри почернѣвшихъ стѣнъ тѣсной синагоги. Но тѣ, которые, благодаря своему искусству и знанію въ медицинѣ, или же значенію, которое имъ давало богатство, допускались въ христіанское общество и пріобрѣтали среди христіанъ друзей,—тѣ научались также любить страну, въ которой они жили. Однако, пока они оставались вѣрными своей религіи, они никогда не могли занять положеніе, равное христіанамъ; на нихъ не лежало долга передъ ихъ новой родиной; они не принимали участія въ ея жизни; они и ихъ дѣти должны были оставаться вѣчными странниками. Въ 1374 году, когда не грозили никакія преслѣдованія, многіе изъ богатыхъ евреевъ перешли въ лоно церкви и слились съ разными знатными семействами герцогства [1]. По буквѣ закона, имущество обращеннаго еврея конфисковалось въ пользу короны, а онъ освобождался отъ спеціальнаго подушнаго налога. Но на практикѣ неофитъ рѣдко оказывался въ проигрышѣ отъ религіозной сдѣлки. Онъ выбиралъ себѣ въ крестные кого нибудь изъ знатныхъ господъ, имя котораго на него переходило и который устраивалъ такъ, что корона оставляла за нимъ, въ видѣ дара, его имущество, которымъ онъ владѣлъ до крещенія. Такъ мы постоянно читаемъ: „Jean Marquand,

---

[1] *Gollut* t. VIII, ch. XXVI, page 791; цит. *I. Morrey*. Les Juifs en Franche-Comté, p. 35.

naguerès Juif", или „Louis de Harcourt, naguerès Juif"— называвшійся въ еврействѣ Іосифомъ или Везуля, обратился въ христіанство, вслѣдствіе чего всѣ его земли, товары, долги и наслѣдственныя права конфискуются въ пользу короны. Но имѣя сожалѣніе къ названному Louis de Harcourt, въ виду того, что ради Христа онъ согласился лишиться всего своего состоянія, и не желая, чтобы онъ былъ доведенъ до необходимости выпрашивать свой хлѣбъ милостыней, мы всемилостиво жалуемъ ему всѣ вышесказанныя земли, долги, товары, наслѣдство и всѣ права на имущества, которыя для него могутъ открыться" [1]. Грамоты такого содержанія довольно часто встрѣчаются въ документахъ четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій.

Приведемъ случай Луи изъ Ниццы (Louis de Nice), провансальскаго еврея, отличавшагося большимъ искусствомъ въ медицинѣ. Онъ явился ко двору въ Шамбери, гдѣ принцы савойскіе гордились обращеніемъ въ христіанство евреевъ, цыганъ, магометанъ,— всѣ являлись добычей, попадавшей въ ихъ сѣти. Въ теченіе четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій они призывали въ свои альпійскіе города многихъ богатыхъ еврейскихъ врачей, новообращенныхъ въ христіанскую вѣру. Въ 1355 году, нѣкто Полмеріусъ, придворный докторъ, былъ однимъ изъ пятидесятя богачей герцогской столицы; а среди лейбъ-медиковъ, въ періодъ отъ 1355—1430 годовъ, Дюфуръ и Рабю насчитали не менѣе пятнадцати несомнѣнныхъ евреевъ; вѣроятно, число послѣднихъ было гораздо больше, потому что трудно обнаружить крещенаго еврея подъ принятымъ имъ христіанскимъ именемъ. Не малое число этихъ мужей науки сохраняли свою первоначальную вѣру, къ громадному ущербу для самихъ себя. Они пользовались меньшимъ расположеніемъ государя, и гонораръ ихъ былъ ниже. Такъ, при родахъ Bonne de Berri, въ 1383 году, крещеный докторъ получаетъ

---

[1] *Douët d'Arcy*, Documents, t. i, p. 26, за 1382 годъ.

тридцзть золотыхъ флориновъ, а магистръ Исаакъ и магистр Яковъ всего треть этого вознагражденія.

Велико было благосостояніе ловкаго прозелита. Такъ Луи крестный сынъ герцога Савойскаго, получилъ сейчасъ же посл своего крещенія ежегодную пенсію въ 60 фунтовъ, съ титуломъ „приближеннаго" высочайшаго двора и рекомендательныя письма ко всѣмъ государямъ Европы, въ которыхъ его рекомендуютъ „со свитой и слугами, двумя лошадьми, багажомъ и драгоцѣнностями" и просятъ принять съ почетомъ, освободить отъ пошлинъ и налоговъ и продавать ему недорого все, что ему понадобится. Въ 1450 году мы встрѣчаемъ нашего неофита „съ нѣкотораго времени" близъ Мутье въ качествѣ директора и владѣльца соляныхъ озеръ. Герцогъ даритъ ему два большихъ котла, цѣною въ пять тысячъ пятьдесятъ золотыхъ флориновъ, „чтобы поощрить его къ постоянному усовершенствованію". Въ томъ же году онъ получаетъ домъ на базарной площади, между церковью и консисторіей (presbytery), цѣною въ двѣсти золотыхъ флориновъ. Въ 1451 году онъ становится придворнымъ докторомъ и награждается вторымъ домомъ, въ 1452—герцогскимъ хирургомъ, и имѣнія его освобождаются отъ налоговъ. Въ 1454 г. онъ возводится въ степень профессора и доктора искусствъ и медицины. Въ этомъ же году онъ женится на дамѣ высокаго происхожденія—госпожѣ Аннѣ. Мы встрѣчаемъ его еще процвѣтающимъ въ 1466 году, когда онъ составляетъ реестръ книгъ евреевъ Шомбери, обвиняемыхъ въ колдовствѣ, дѣтоубійствѣ, чародѣйствѣ и другихъ преступленіяхъ [1].

Крещенные евреи были обыкновенно неумолимыми врагами своихъ соплеменниковъ. Мѣняли-ли они свою вѣру изъ искренняго убѣжденія или изъ-за мотивовъ корыстнаго свойства—карьеры и

---

[1] См. Notes et Documents *Dufour et Robut* о Louis de Nice, въ Memoire de la Societé Sovoisienne d'Histoire et d'Archéologie, t. XV.

успѣха въ жизни,—главный результатъ ихъ ренегатства выражался въ чрезвычайной жестокости къ религіи, которой они измѣнили. Крещенный еврей Павелъ де Сонта Марія побудилъ St. Vincent Ferrer'а къ великому гоненію 1412 года, которое привело къ насильному крещенію многихъ тысячъ евреевъ въ Испаніи. Въ 1414 году два крещенныхъ еврея посѣщали гетто Савои для «вывѣдыванія и искорененія богохульствъ и проклятій Талмуда». Въ 1430 г. другой неофитъ получаетъ для этой-же цѣли 100 фунтовъ. У евреевъ не было болѣе страшныхъ враговъ, чѣмъ ихъ собственные, отпавшіе отъ нихъ сыны. Уже во Франціи, въ 1378 году, явилась необходимость въ изданіи закона противъ „доносовъ и обвиненій, взводимыхъ крещенными евреями на своихъ бывшихъ единовѣрцевъ; ибо, въ виду того, что они въ еврействѣ болѣе не находятъ никакого интереса, названные крещенные евреи вѣчно обвиняютъ остальныхъ своихъ соплеменниковъ передъ судами нашего королевства, причиняя этимъ много стѣсненій, вреда и несправедливостей сказаннымъ евреямъ и еврейкамъ, оставшимся въ своей прежней вѣрѣ“ [1]. Французскимъ судьямъ было предписано оставлять безъ разсмотрѣнія доносы крещенныхъ евреевъ.

Эти выкресты представляли собою, можно сказать, три разновидности. Во-первыхъ, среди нихъ находится контингентъ людей науки, философовъ-скептиковъ въ вопросахъ религіи, для которыхъ всѣ религіи были одинаковы; они переходили въ христіанство ради личной выгоды и въ виду того, что это являлось единственнымъ средствомъ обезпечить для дѣтей будущность, прочную осѣдлость и положеніе въ ихъ новомъ отечествѣ. По такимъ же причинамъ не мало крещенныхъ евреевъ занимаютъ въ наше время каѳедры многихъ университетовъ Германіи. Во-вторыхъ, среди нихъ попадались истинно обращенные, и, наконецъ,—ловкіе прозелиты, жившіе на счетъ своего крещенія и эксплоатировавшіе легковѣрность хри-

---

[1] Ordonnances des Rois de France, VI, p. 340; 9-го августа 1378 г.

стіанъ. Изъ такихъ можно указать на Charlot le Convers, который еще въ ранней молодости былъ крещенъ въ Испаніи, и послѣ того, какъ высосалъ всѣ соки милости и расположенія своего крестнаго гидальго, удалился во Францію, гдѣ въ 1390 году вторично былъ съ шумомъ и блескомъ окрещенъ, пріобрѣвъ въ лицѣ французскаго короля второго крестнаго отца. „И въ это самое время названный Шарлò употреблялъ еврейскую пищу и знался съ парижскими евреями, продолжая вести совершенно тотъ же образъ жизни, что и до своего крещенія“ [1].

Регистры Шатлè рисуютъ намъ маленькую комическую идиллію, въ которой фигурируетъ типъ болѣе низкаго неофита. Упомянутый выше Charlot le Convers однажды проводилъ ночь послѣ ужина въ игрѣ съ нѣкимъ Луи изъ Турена—иначе Луи Выкрестомъ—въ домѣ Клеманса Гокнè, находившемся въ еврейскомъ кварталѣ. Разговоръ у нихъ зашелъ о порученіи, которое должно было быть исполнено при дворѣ въ Мелунѣ (Melun).

— Не пойти-ли мнѣ?—говоритъ Луи.

— Нѣтъ, — говоритъ Шарло;—что можетъ такой, какъ ты, тамъ сдѣлать? Ты не знакомъ при дворѣ! кто станетъ тебя слушать?

— Я не знакомъ!—восклицаетъ Луи.—Напротивъ, я очень хорошо знакомъ. Я привыкъ говорить публично, и меня они тамъ гораздо скорѣе станутъ слушать, чѣмъ тебя, мой другъ. Не забывай, что я крестникъ монсиньора де Турень?

— Ты столько же значишь противъ меня, какъ монсиньоръ де Турень—противъ короля, моего крестнаго отца!

— Что! — Монсиньоръ де Турень такого же благороднаго происхожденія, какъ и его величество!

— Ложь. Монсиньоръ де Турень—ничтожество, хамъ и больше ничего; онъ-бы подохъ съ голода, если-бы король милостиво не бросалъ ему кусокъ хлѣба.

---

[1] Régistres du Châtelet, t. II, p. 25, за 1391 г.

И друзья стали браниться по поводу достоинствъ каждаго изъ своихъ крестныхъ отцовъ.

XII.

Выкресты, подобные сейчасъ приведеннымъ, весьма мало содѣйствовали смягченію злобы и ненависти, которыя народъ питалъ къ еврейскимъ ростовщикамъ. Населеніе ненавидѣло всѣхъ тѣхъ, кто наживалъ деньги отъ бѣдняковъ. Къ угнетателямъ-христіанамъ относились, пожалуй, не болѣе нѣжно, чѣмъ къ евреямъ. Послѣ смерти Карла Мудраго, 1 марта 1381 года, ремесленники и чернь Парижа, перебивъ сборщиковъ податей и ограбивъ ихъ кассы и сундуки, ворвались въ городскую думу, взломали тюрьмы Шатле, изорвали въ куски бумаги и административный архивъ, разорили квартиры чиновниковъ, казначейства, и, лишь тогда вспомнивъ объ еврейскомъ кварталѣ, разграбили его, умертвивъ въ немъ многихъ евреевъ и еврекъ [1]. Тщетно регентъ пытался защитить гетто; тщетно повелѣлъ онъ, чтобы съ евреевъ-закладчиковъ не взыскивали за залоги, разграбленные бунтовщиками. Евреи во Франціи уже болѣе не пользовались правосудіемъ и безопасностью впродолженіе послѣднихъ лѣтъ четырнадцатаго столѣтія. Съ этого времени рука всякаго на нихъ подымалась. Сохранившіеся книги и документы архивовъ той эпохи носятъ слѣды долгихъ гоненій.

Въ 1383 году, въ пятницу послѣ св. Викентія, четыре молодыхъ клирика изъ Санъ-Флорентина, подъ предводительствомъ нѣкоего Николая, подкарауливаютъ на большой дорогѣ компанію путешественниковъ-евреевъ. „Предполагая, что эти евреи отправлялись заграницу королевства по своимъ надобностямъ“, названные молодцы, захвативши съ собою оружіе, направились къ постоялому двору въ предмѣстьѣ, гдѣ путешественники остановились,

[1] Ordonnances, t. VI, p. 685.

напали на нихъ, увлекли ихъ за городскую стѣну и ограбили, отнявъ у нихъ четыре фунта серебра, золотое кольцо съ замочкомъ и серебрянную печать, — что, повидимому, составляло все ихъ богатство. Разочарованные столь незначительной добычей, наши четыре клирика раздѣлались съ еврейскими путешественниками, „но только однѣми руками",—бросили ихъ въ грязь и грозили имъ еще большими истязаніями, объявивъ, что ихъ отпустятъ лишь тогда, когда они дадутъ за себя выкупъ въ двѣнадцать фунтовъ. Евреи, однако, не уплатили или, вѣроятно, не могли уплатить требуемаго съ нихъ выкупа и успѣли убѣжать въ городъ Труа, куда лежалъ ихъ путь съ самаго начала; туда же случайно направился магистръ Николай „мирно, безъ злого умысла" — „paisiblement sans penser nul mal ni vilenie". Однако, евреи имѣли смѣлость подать на него жалобу въ судъ Труа, обвиняя его въ разбоѣ и нападеніи на проѣзжей дорогѣ. Николай, испугавшись вызова въ судъ и опасаясь кары закона, бѣжалъ изъ города и подалъ всеподданнѣйшую просьбу королю о помилованіи, которое, разумѣется, имъ было получено [1].

Нѣсколько времени спустя вышелъ другой случай. Старая женщина-еврейка, въ моментъ изгнанія, принуждена была, не смотря на свой преклонный возрастъ, оставить свой домъ въ Мелунѣ и направиться къ границѣ. Она намѣревалась присоединиться къ нѣкоторымъ изъ своихъ земляковъ въ Севѣ. Но она не знала дороги; можетъ быть, она не умѣла ѣздить верхомъ. Она наняла проводника, нѣкоего Гюйо Руссо изъ Перта, и, нагрузивъ лошадь всѣми своими цѣнными вещами, умѣстилась за нимъ на сѣдлѣ. Имъ надо было проѣзжать черезъ лѣсъ; когда они углубились въ густую чащу, Гюйо Руссо вдругъ оборачивается, убиваетъ старушку и похищаетъ ея имущество. „И я не думалъ", объяснялъ онъ впослѣдствіи, „что я совершаю великій грѣхъ, какъ это было

[1] Documents Inédits de Donet d'Arcq, t. I, p. 43.

бы, если бы она была христіанка; кромѣ того, я вспомнилъ, что жиды отняли у меня почти все, что я имѣлъ на бѣломъ свѣтѣ". Гюйо Руссо также получилъ помилованіе [1].

Подобные случаи ясно показываютъ, куда въ то время дулъ вѣтеръ. 17 августа 1394 года все еврейское населеніе Франціи снова удалилось въ изгнаніе. Всѣ стойкіе и почтенные мужи и жены, которые устояли противъ великаго искушенія и сохранили вѣру въ Бога своихъ отцовъ, навсегда были утрачены страною, столь негостепріимно пріютившею ихъ на короткое время. Но Charlot le Convers, Луи-де-Турень, Луи-де-Гаркуръ, Pierre de Thouars, Amédée de Chambéry, со всѣми своими присными, остались во Франціи, потому что они признавались уже французами...

Мэри Робинсонъ.

---

[1] Menagier de Paris, t. I, p. 68; примѣчаніе, Lettre de Rémission.

ЛЮБОВЬ КЪ РОДИНѢ.

I.

(Изъ народныхъ преданій).

Предсталъ равъ Аббѣ свѣтлый духъ
И съ ласкою живой
Сказалъ: „Старикъ, взгляни вокругъ:
Весь міръ передъ тобой.
Какихъ ты хочешь въ жизни благъ:
Порфиры и вѣнца?
Чтобъ предъ тобой склонился врагъ?
Богатства безъ конца?"...
Но, передъ властью неземной
Склонивъ главу свою,
Отвѣтилъ старецъ:
„—Объ одной
Я милости молю:
Въ горахъ Евфремовыхъ, гдѣ бьютъ
Ключи струей живой,
Есть бѣдный, милый мнѣ пріютъ—
Въ дубравѣ подъ горой:
Шалашъ и тѣнь деревъ кругомъ,—

Тамъ родина моя.
И тамъ, гдѣ льется серебромъ
Холодная струя
И, упоительно-свѣтла,
Въ палящій зноемъ день,
Едва колеблясь и дрожа,
Трехъ пальмъ ложится тѣнь,—
Сказавъ, идя въ далекій путь,
„Прости“ всему кругомъ,
Хочу могильнымъ сномъ уснуть,
Послѣднимъ, сладкимъ сномъ“...

II.

(Изъ „Мидрашъ Рабба“).

Равъ Танхумъ, владѣлецъ роскошныхъ садовъ,
Красы всей Саронской долины,
Услышалъ бесѣду двухъ старыхъ рабовъ
Подъ тѣнью цвѣтущей маслины:
—„Тутъ всѣмъ хорошо—говорили они—
И трудъ здѣсь, и рабство не въ тягость, а все-же
Родной уголокъ нашъ и прошлые дни
Всего намъ на свѣтѣ дороже.
Все ноетъ душа и все просится вдаль“...

И, трогая зà-сердце больно,
Такая въ словахъ ихъ звучала печаль,

тридцэть золотыхъ флориновъ, а магистръ Исаакъ и магистръ Яковъ всего треть этого вознагражденія.

Велико было благосостояніе ловкаго прозелита. Такъ Луи, крестный сынъ герцога Савойскаго, получилъ сейчасъ же послѣ своего крещенія ежегодную пенсію въ 60 фунтовъ, съ титуломъ „приближеннаго“ высочайшаго двора и рекомендательныя письма ко всѣмъ государямъ Европы, въ которыхъ его рекомендуютъ „со свитой и слугами, двумя лошадьми, багажомъ и драгоцѣнностями“ и просятъ принять съ почетомъ, освободить отъ пошлинъ и налоговъ и продавать ему недорого все, что ему понадобится. Въ 1450 году мы встрѣчаемъ нашего неофита „съ нѣкотораго времени“ близъ Мутье въ качествѣ директора и владѣльца соляныхъ озеръ. Герцогъ даритъ ему два большихъ котла, цѣною въ пять тысячъ пятьдесятъ золотыхъ флориновъ, „чтобы поощрить его къ постоянному усовершенствованію“. Въ томъ же году онъ получаетъ домъ на базарной площади, между церковью и консисторіей (presbytery), цѣною въ двѣсти золотыхъ флориновъ. Въ 1451 году онъ становится придворнымъ докторомъ и награждается вторымъ домомъ, въ 1452—герцогскимъ хирургомъ, и имѣнія его освобождаются отъ налоговъ. Въ 1454 г. онъ возводится въ степень профессора и доктора искусствъ и медицины. Въ этомъ же году онъ женится на дамѣ высокаго происхожденія—госпожѣ Аннѣ. Мы встрѣчаемъ его еще процвѣтающимъ въ 1466 году, когда онъ составляетъ реестръ книгъ евреевъ Шомбери, обвиняемыхъ въ колдовствѣ, дѣтоубійствѣ, чародѣйствѣ и другихъ преступленіяхъ [1].

Крещенные евреи были обыкновенно неумолимыми врагами своихъ соплеменниковъ. Мѣняли-ли они свою вѣру изъ искренняго убѣжденія или изъ-за мотивовъ корыстнаго свойства—карьеры и

---

[1] См. Notes et Documents *Dufour et Robut* o Louis de Nice, въ Memoire de la Societé Sovoisienne d'Histoire et d'Archéologie, t. XV.

успѣха въ жизни,—главный результатъ ихъ ренегатства выражался въ чрезвычайной жестокости къ религіи, которой они измѣнили. Крещенный еврей Павелъ де Сонта Марія побудилъ St. Vincent Ferrer'а къ великому гоненію 1412 года, которое привело къ насильному крещенію многихъ тысячъ евреевъ въ Испаніи. Въ 1414 году два крещенныхъ еврея посѣщали гетто Савои для «вывѣдыванія и искорененія богохульствъ и проклятій Талмуда». Въ 1430 г. другой неофитъ получаетъ для этой-же цѣли 100 фунтовъ. У евреевъ не было болѣе страшныхъ враговъ, чѣмъ ихъ собственные, отпавшіе отъ нихъ сыны. Уже во Франціи, въ 1378 году, явилась необходимость въ изданіи закона противъ „доносовъ и обвиненій, взводимыхъ крещенными евреями на своихъ бывшихъ единовѣрцевъ; ибо, въ виду того, что они въ еврействѣ болѣе не находятъ никакого интереса, названные крещенные евреи вѣчно обвиняютъ остальныхъ своихъ соплеменниковъ передъ судами нашего королевства, причиняя этимъ много стѣсненій, вреда и несправедливостей сказаннымъ евреямъ и еврейкамъ, оставшимся въ своей прежней вѣрѣ“ [1]. Французскимъ судьямъ было предписано оставлять безъ разсмотрѣнія доносы крещенныхъ евреевъ.

Эти выкресты представляли собою, можно сказать, три разновидности. Во-первыхъ, среди нихъ находится контингентъ людей науки, философовъ-скептиковъ въ вопросахъ религіи, для которыхъ всѣ религіи были одинаковы; они переходили въ христіанство ради личной выгоды и въ виду того, что это являлось единственнымъ средствомъ обезпечить для дѣтей будущность, прочную осѣдлость и положеніе въ ихъ новомъ отечествѣ. По такимъ же причинамъ не мало крещенныхъ евреевъ занимаютъ въ наше время каѳедры многихъ университетовъ Германіи. Во-вторыхъ, среди нихъ попадались истинно обращенные, и, наконецъ,—ловкіе прозелиты, жившіе на счетъ своего крещенія и эксплоатировавшіе легковѣрность хри-

---

[1] Ordonnances des Rois de France, VI, p. 340; 9-го августа 1378 г.

стіанъ. Изъ такихъ можно указать на Charlot le Convers, который еще въ ранней молодости былъ крещенъ въ Испаніи, и послѣ того, какъ высосалъ всѣ соки милости и расположенія своего крестнаго гидальго, удалился во Францію, гдѣ въ 1390 году вторично былъ съ шумомъ и блескомъ окрещенъ, пріобрѣвъ въ лицѣ французскаго короля второго крестнаго отца. „И въ это самое время названный Шарлò употреблялъ еврейскую пищу и знался съ парижскими евреями, продолжая вести совершенно тотъ же образъ жизни, что и до своего крещенія“ [1].

Регистры Шатлѐ рисуютъ намъ маленькую комическую идиллію, въ которой фигурируетъ типъ болѣе низкаго неофита. Упомянутый выше Charlot le Convers однажды проводилъ ночь послѣ ужина въ игрѣ съ нѣкимъ Луи изъ Турена—иначе Луи Выкрестомъ—въ домѣ Клеманса Гокнѐ, находившемся въ еврейскомъ кварталѣ. Разговоръ у нихъ зашелъ о порученіи, которое должно было быть исполнено при дворѣ въ Мелунѣ (Melun).

— Не пойти-ли мнѣ?—говоритъ Луи.

— Нѣтъ, — говоритъ Шарло;—что можетъ такой, какъ ты, тамъ сдѣлать? Ты не знакомъ при дворѣ! кто станетъ тебя слушать?

— Я не знакомъ!—восклицаетъ Луи.—Напротивъ, я очень хорошо знакомъ. Я привыкъ говорить публично, и меня они тамъ гораздо скорѣе станутъ слушать, чѣмъ тебя, мой другъ. Не забывай, что я крестникъ монсиньора де Турень?

— Ты столько же значишь противъ меня, какъ монсиньоръ де Турень—противъ короля, моего крестнаго отца!

— Что! — Монсиньоръ де Турень такого же благороднаго происхожденія, какъ и его величество!

— Ложь. Монсиньоръ де Турень—ничтожество, хамъ и больше ничего; онъ-бы подохъ съ голода, если-бы король милостиво не бросалъ ему кусокъ хлѣба.

---

[1] Régistres du Châtelet, t. II, p. 25, за 1391 г.

И друзья стали браниться по поводу достоинствъ каждаго изъ своихъ крестныхъ отцовъ.

XII.

Выкресты, подобные сейчасъ приведеннымъ, весьма мало содѣйствовали смягченію злобы и ненависти, которыя народъ питалъ къ еврейскимъ ростовщикамъ. Населеніе ненавидѣло всѣхъ тѣхъ, кто наживалъ деньги отъ бѣдняковъ. Къ угнетателямъ-христіанамъ относились, пожалуй, не болѣе нѣжно, чѣмъ къ евреямъ. Послѣ смерти Карла Мудраго, 1 марта 1381 года, ремесленники и чернь Парижа, перебивъ сборщиковъ податей и ограбивъ ихъ кассы и сундуки, ворвались въ городскую думу, взломали тюрьмы Шатле, изорвали въ куски бумаги и административный архивъ, разорили квартиры чиновниковъ, казначейства, и, лишь тогда вспомнивъ объ еврейскомъ кварталѣ, разграбили его, умертвивъ въ немъ многихъ евреевъ и еврескъ [1]. Тщетно регентъ пытался защитить гетто; тщетно повелѣлъ онъ, чтобы съ евреевъ-закладчиковъ не взыскивали за залоги, разграбленные бунтовщиками. Евреи во Франціи уже болѣе не пользовались правосудіемъ и безопасностью впродолженіе послѣднихъ лѣтъ четырнадцатаго столѣтія. Съ этого времени рука всякаго на нихъ подымалась. Сохранившіеся книги и документы архивовъ той эпохи носятъ слѣды долгихъ гоненій.

Въ 1383 году, въ пятницу послѣ св. Викентія, четыре молодыхъ клирика изъ Санъ-Флорентина, подъ предводительствомъ нѣкоего Николая, подкарауливаютъ на большой дорогѣ компанію путешественниковъ-евреевъ. „Предполагая, что эти евреи отправлялись заграницу королевства по своимъ надобностямъ“, названные молодцы, захвативши съ собою оружіе, направились къ постоялому двору въ предмѣстьѣ, гдѣ путешественники остановились,

[1] Ordonnances, t. VI, p. 685.

напали на нихъ, увлекли ихъ за городскую стѣну и ограбили, отнявъ у нихъ четыре фунта серебра, золотое кольцо съ замочкомъ и серебрянную печать, — что, повидимому, составляло все ихъ богатство. Разочарованные столь незначительной добычей, наши четыре клирика раздѣлались съ еврейскими путешественниками, „но только однѣми руками",—бросили ихъ въ грязь и грозили имъ еще большими истязаніями, объявивъ, что ихъ отпустятъ лишь тогда, когда они дадутъ за себя выкупъ въ двѣнадцать фунтовъ. Евреи, однако, не уплатили или, вѣроятно, не могли уплатить требуемаго съ нихъ выкупа и успѣли убѣжать въ городъ Труа, куда лежалъ ихъ путь съ самаго начала; туда же случайно направился магистръ Николай „мирно, безъ злого умысла" — „paisiblement sans penser nul mal ni vilenie". Однако, евреи имѣли смѣлость подать на него жалобу въ судъ Труа, обвиняя его въ разбоѣ и нападеніи на проѣзжей дорогѣ. Николай, испугавшись вызова въ судъ и опасаясь кары закона, бѣжалъ изъ города и подалъ всеподданнѣйшую просьбу королю о помилованіи, которое, разумѣется, имъ было получено [1].

Нѣсколько времени спустя вышелъ другой случай. Старая женщина-еврейка, въ моментъ изгнанія, принуждена была, не смотря на свой преклонный возрастъ, оставить свой домъ въ Мелунѣ и направиться къ границѣ. Она намѣревалась присоединиться къ нѣкоторымъ изъ своихъ земляковъ въ Сенѣ. Но она не знала дороги; можетъ быть, она не умѣла ѣздить верхомъ. Она наняла проводника, нѣкоего Гюйо Руссо изъ Перта, и, нагрузивъ лошадь всѣми своими цѣнными вещами, умѣстилась за нимъ на сѣдлѣ. Имъ надо было проѣзжать черезъ лѣсъ; когда они углубились въ густую чащу, Гюйо Руссо вдругъ оборачивается, убиваетъ старушку и похищаетъ ея имущество. „И я не думалъ", объяснялъ онъ впослѣдствіи, „что я совершаю великій грѣхъ, какъ это было

[1] Documents Inédits de Donet d'Arcq, t. I, p. 43.

бы, если бы она была христіанка; кромѣ того, я вспомнилъ, что жиды отняли у меня почти все, что я имѣлъ на бѣломъ свѣтѣ". Гюйо Руссо также получилъ помилованіе[1].

Подобные случаи ясно показываютъ, куда въ то время дулъ вѣтеръ. 17 августа 1394 года все еврейское населеніе Франціи снова удалилось въ изгнаніе. Всѣ стойкіе и почтенные мужи и жены, которые устояли противъ великаго искушенія и сохранили вѣру въ Бога своихъ отцовъ, навсегда были утрачены страною, столь негостепріимно пріютившею ихъ на короткое время. Но Charlot le Convers, Луи-де-Турень, Луи-де-Гаркуръ, Pierre de Thouars, Amédée de Chambéry, со всѣми своими присными, остались во Франціи, потому что они признавались уже французами...

Мэри Робинсонъ.

Menagier de Paris, t. I, p. 68; примѣчаніе, Lettre de Rémission.

ЛЮБОВЬ КЪ РОДИНѢ.

I.

(Изъ народныхъ преданій).

Предсталъ равъ Аббѣ свѣтлый духъ
И съ ласкою живой
Сказалъ: „Старикъ, взгляни вокругъ:
Весь міръ передъ тобой.
Какихъ ты хочешь въ жизни благъ:
Порфиры и вѣнца?
Чтобъ предъ тобой склонился врагъ?
Богатства безъ конца?"...
Но, передъ властью неземной
Склонивъ главу свою,
Отвѣтилъ старецъ:
„—Объ одной
Я милости молю:
Въ горахъ Евфремовыхъ, гдѣ бьютъ
Ключи струей живой,
Есть бѣдный, милый мнѣ пріютъ—
Въ дубравѣ подъ горой:
Шалашъ и тѣнь деревъ кругомъ,—

Тамъ родина моя.
И тамъ, гдѣ льется серебромъ
Холодная струя
И, упоительно-свѣтла,
Въ палящій зноемъ день,
Едва колеблясь и дрожа,
Трехъ пальмъ ложится тѣнь,—
Сказавъ, идя въ далекій путь,
„Прости“ всему кругомъ,
Хочу могильнымъ сномъ уснуть,
Послѣднимъ, сладкимъ сномъ“...

II.

(Изъ „Мидрашъ Рабба“).

Равъ Танхумъ, владѣлецъ роскошныхъ садовъ,
Красы всей Саронской долины,
Услышалъ бесѣду двухъ старыхъ рабовъ
Подъ тѣнью цвѣтущей маслины:
—„Тутъ всѣмъ хорошо—говорили они—
И трудъ здѣсь, и рабство не въ тягость, а все-же
Родной уголокъ нашъ и прошлые дни
Всего намъ на свѣтѣ дороже.
Все ноетъ душа и все просится вдаль“...

И, трогая зà-сердце больно,
Такая въ словахъ ихъ звучала печаль,

Что гордый равъ Танхумъ невольно
Приблизился къ нимъ и съ привѣтомъ спросилъ:
—„Откуда-жъ вы родомъ, что здѣсь, въ благовонныхъ
Садахъ моихъ, край вашъ родной вамъ такъ милъ?“

—„Мы выросли оба въ Долинѣ Могилъ,
Вблизи Пустыря-Прокаженныхъ“.

С. Фругъ.

ОБВИНЕНІЕ ВЪ УПОТРЕБЛЕНІИ КРОВИ.

СЪ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Въ первый день Рождества 1233 года, въ предмѣстіи города Фульды, въ Прирейнской Германіи, произошелъ пожаръ въ домѣ одного мельника. Самъ хозяинъ со своей женой ушелъ въ церковь, оставивъ дома пятерыхъ малолѣтнихъ сыновей. Какъ на виновниковъ смерти этихъ несчастныхъ дѣтей народъ тотчасъ указалъ на двухъ евреевъ, которымъ будто понадобилась кровь, какъ цѣлебное средство. Евреи были схвачены, сознались въ убійствѣ (понимай: сознались подъ пыткой) и назвали своими собщниками многихъ другихъ своихъ единовѣрцевъ. Черезъ нѣсколько дней, именно 28 декабря 34 еврея были казнены находившимися въ то время въ Фульдѣ крестоносцами. Въ такихъ вотъ словахъ описываетъ лѣтописецъ памятное въ исторіи евреевъ Рождество 1235 года. Изъ Фульды движеніе противъ евреевъ распространилось далѣе, и ихъ стали обвинять въ употребленіи крови ради другихъ цѣлей—*религіозныхъ*. Сотнями гибли невинныя жертвы. Одни, менѣе мужественные, не выносили пытокъ, сознавались въ совершенномъ ими будто ритуальномъ убійствѣ и этимъ ложнымъ сознаніемъ давали новую опору народному обвиненію; другіе, болѣе стойкіе, мученически умирали, не сознаваясь въ возводимомъ на нихъ мнимомъ преступленіи.

Съ того времени прошло болѣе 600 лѣтъ. Казалось-бы, что это страшное обвиненіе, эта колоссальная средневѣковая ложь уже давно должна была безвозвратно исчезнуть при свѣтѣ европейской цивилизаціи и культуры... Но, къ несчастью цѣлаго народа, къ стыду всего культурнаго человѣчества,—Blutlüge (какъ выразительно окрестили нѣмцы обвиненіе евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ) до сихъ поръ еще

держится. Вспомнимъ хотя-бы процессъ Бушгофа, происходившій не далѣе, какъ въ прошломъ году, въ той же Прирейнской Германіи.

Не мало силъ и трудовъ положили евреи и лучшіе люди изъ христіанъ, чтобы искоренить роковую въ исторіи евреевъ сказку о крови. Уже германскій императоръ Фридрихъ II, этотъ высокообразованный государь, выдѣлявшійся въ мрачную средневѣковую эпоху своимъ свѣтлымъ умомъ и гуманностью, осудилъ событіе конца 1235 г. въ золотой буллѣ, обнародованной имъ въ іюлѣ слѣдующаго года. Послѣ Фридриха II еще не разъ свѣтскіе государи, папы и христіанскіе ученые клеймили это обвиненіе, называли его гнусною ложью, приказывали, убѣждали, молили христіанъ не возводить такой клеветы на неповинныхъ людей. Въ самое послѣднее время Германія, родина этой сказки, дала намъ нѣсколько теологовъ—протестантовъ и католиковъ,—во всеоружіи знанія и убѣжденія выступившихъ противъ этого нелѣпаго обвиненія и его сторонниковъ, когда послѣдніе вздумали защищать—теперь!—правдивость сознанія, вынужденнаго пытками у мучениковъ Фульды. Дастаточно назвать здѣсь профессоровъ Франца Делича и Германа Штрака. Перваго изъ нихъ—Франца Делича—нѣтъ уже въ живыхъ, но Германъ Штракъ до сихъ поръ еще неутомимо борется съ лицемѣрными защитниками Blutlüge. Уже въ 1882 г. этотъ ученый выступаетъ въ «Evangelishe Kirchen-Zeitung» со статьей, гдѣ онъ разсматриваетъ такъ назыв. «вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови» (Blutbeschuldigung). Въ продолженіе послѣдующихъ десяти лѣтъ онъ продолжалъ свои изслѣдованія по этому вопросу, и въ результатѣ этихъ многолѣтнихъ трудовъ явилось сочиненіе, озаглавленное довольно своеобразно. «Кровь, какъ предметъ суевѣрія у христіанъ и у евреевъ» [1]. Черезъ годъ (прошлою осенью) Герм. Штракъ выпустилъ эту книгу уже 4-мъ изданіемъ, значительно расширивъ ея содержаніе, подъ другимъ нѣсколько длиннымъ заглавіемъ: «Кровь, какъ предметъ общечеловѣческаго суевѣрія, убійство ради потребности въ крови и убійство съ религіозною цѣлью. Отвѣтъ на вызовъ «Osservatore Catolico» [2]. Книга эта представляетъ вы-

---

[1] Der Blutaberglaube bei Christen und Juden.
[2] Der Blutaberglaube in der Menscheit, Blutmorde, Blutritus zugleich eine-

сокопоучительный интересъ и является виднымъ вкладомъ въ довольно богатую литературу трактуемаго ею предмета. Вотъ почему намъ показалось небезъинтереснымъ подѣлиться съ читателями «Восхода» ея содержаніемъ и нѣкоторыми мыслями по поводу послѣдняго.

I.

Прежде всего нѣсколько словъ о системѣ и характерѣ новаго сочиненія проф. Штрака. Книга его дѣлится на двѣ части, разсматривающія какъ-бы два различныхъ вопроса. Первая часть посвящена вопросу о крови вообще, какъ предмету суевѣрія у различныхъ народовъ и носитъ главнымъ образомъ описательный характеръ, представляя собою, такъ сказать, введеніе въ спеціальную часть книги. Отдѣлъ этотъ является чрезвычайно интереснымъ историко-культурнымъ, этнографическимъ этюдомъ, съ множествомъ примѣровъ изъ жизни древнѣйшихъ и современныхъ народовъ. Вторая часть разсматриваетъ съ историко-догматической стороны вопросъ, собственно, объ употребленіи евреями христіанской крови. Характеръ изложенія въ ней уже другой: спокойный, описательный тонъ переходитъ въ полемическій, и рядомъ съ объективнымъ изложеніемъ фактовъ и научно-обоснованной аргументаціей, — то и дѣло прорывается чувство глубокаго возмущенія противъ людей, выѣзжающихъ на народныхъ предразсудкахъ и злоупотребляющихъ легковѣріемъ малообразованнаго читателя...

Разсмотримъ сначала первую—общую часть. Здѣсь фигурируетъ все человѣчество, всѣ народы: предъ вами выясняется, какую видную роль играетъ употребленіе крови въ народныхъ повѣріяхъ человѣчества. Поклонники романа Эмиля Золя «Человѣкъ-звѣрь» найдутъ въ этомъ изложеніи много фактовъ для подтвержденія идеи великаго французскаго натуралиста. Поставивъ вопросъ объ употребленіи крови на такую широкую почву, берлинскій профессоръ какъ-бы говоритъ: «Смотрите, христіане, вы взводите на невинныхъ людей клевету; оглянитесь лучше кругомъ себя и посмотрите, что дѣлается у *васъ*». Такая широкая постановка вопроса объ употребленіи крови человѣчествомъ вообще служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ ключемъ къ разрѣшенію загадки—откуда взялась мно-

---

Antwort auf Herausforderung des „Osservatore Catolico", München 1892 г. (Смыслъ заглавія впослѣдствіи выяснится).

говѣковая клевета на евреевъ? и отчего она такъ долго держится? Особенность этой части книги та, что авторъ отъ себя совсѣмъ почти не говоритъ. Онъ только приводитъ факты, предоставляя читателямъ самимъ разобраться въ нихъ и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы. Такого рода пріемъ изложенія представляетъ нѣкоторыя неудобства: фактовъ приводится много, теоретическаго освѣщенія ихъ нѣтъ, и читатель, недостаточно знакомый съ предметомъ, излагаемымъ у автора, можетъ, пожалуй, не совсѣмъ ясно усвоить себѣ истинный смыслъ этихъ фактовъ и долженъ будетъ искать объясненія въ другихъ сочиненіяхъ. Другой недостатокъ перваго отдѣла — не совсѣмъ точная систематизація матеріала, что можно объяснить исторіей составленія книги: она, какъ мы сказали, является въ сущности сборникомъ различныхъ статей, печатанныхъ авторомъ въ разное время. Но, если исключить эти второстепенные пробѣлы, то мы должны признать, что авторъ многое сдѣлалъ для выясненія исторіи «навѣта крови» (такъ называютъ евреи обвиненіе въ употребленіи ими христіанской крови ради ритуальныхъ цѣлей — «*алилатъ дамъ*»).

Съ незапамятныхъ временъ человѣчество изыскиваетъ, съ одной стороны, средства къ уничтоженію всего того, что причиняетъ ему страданія, съ другой стороны — средства, которыя могутъ доставить ему удовольствіе, наслажденіе. Самыя сильныя страданія приноситъ человѣку, какъ извѣстно, болѣзнь. Замѣтивъ, что особенно важнымъ факторомъ физической жизни является кровь, что при болѣе или менѣе сильныхъ кровоизліяніяхъ человѣкъ или заболѣваетъ или умираетъ, люди уже въ древнѣйшую эпоху приписывали ей особенно-таинственную силу и стали пользоваться ею для исцѣленія своихъ болѣзней; этимъ какъ бы было положено начало современной гематотерапіи. Конечно, не одна только кровь служила такимъ врачебнымъ средствомъ: на ряду съ ней фигурировали и другія снадобья, но самую высшую цѣлительную силу, въ глазахъ некультурнаго человѣка, имѣла кровь животныхъ, его собственная кровь и кровь другихъ людей. Но не только въ случаѣ болѣзней онъ прибѣгалъ къ ней. Этому чудодѣйственному цѣлительному бальзаму приписывались и другія благотворныя свойства: онъ могъ скрѣпить дружбу двухъ людей, заколдовать любимаго человѣка, принести счастіе въ торговлѣ, очистить грѣховную душу и примирить съ нею разгнѣванное

Божество. И вѣра въ такого рода чудодѣйственную силу не есть одинъ только *историческій* фактъ; и *теперь* еще невѣжественная народная масса признаетъ ее. Эти вѣрованія доселѣ продолжаютъ жить, представляя большую опасность для общественнаго строя, какъ источникъ всевозможныхъ преступленій, и потому заслуживали бы самаго внимательнаго изученія со стороны криминалиста.

Въ разсматриваемомъ нами сочиненіи авторъ даетъ цѣлый рядъ относящихся къ этой области фактовъ, которые онъ называетъ общимъ именемъ *Blutaberglaube* [1]. Къ нимъ примыкаютъ другіе факты, какъ бы вытекающіе изъ первыхъ, имѣя своимъ источникомъ религіозныя воззрѣнія народа. Они относятся у автора къ категоріи случаевъ, названныхъ имъ *Blutritus* [2]. Blutaberglaube не нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ: сюда входитъ также вѣра въ волшебное дѣйствіе разныхъ выдѣленій человѣческаго тѣла (слюна, потъ и т. д.), различныхъ органовъ животныхъ, вѣра въ чудодѣйственную силу человѣческаго трупа и т. п. Разсмотрѣніе фактовъ, относящихся къ той и другой категоріи, можетъ многое разъяснить въ вопросѣ о томъ, какъ возникла страшная сказка о евреяхъ и почему она такъ долго держится?

Начнемъ съ того, какую роль играла и играетъ кровь человѣка, какъ символическое выраженіе вѣрности въ дружбѣ и въ сохраненіи мира.

Для скрѣпленія клятвы двухъ договаривающихся сторонъ, для олицетворенія вѣчной ненарушимой преданности, люди установили между собою особые обряды, чтобы въ нихъ осязательно былъ видѣнъ священный характеръ совершающагося дѣйствія. Самымъ рельефнымъ выраженіемъ союза двухъ людей въ глазахъ некультурнаго общества служитъ такой актъ, при которомъ обѣ стороны или пьютъ изъ одной чаши свою кровь, смѣшанную съ виномъ, или же ранятъ себя и затѣмъ высасываютъ другъ у другъ нѣсколько капель кровь. Живучесть этого доходящаго до глубокой древности обычая засвидѣтельствована Сассомъ, написавшимъ біографію французскаго короля Генриха III. Въ одномъ мѣстѣ этой біографіи, гдѣ

---

[1] Кровь какъ предметъ суевѣрія.

[2] Употребленіе крови для ритуальныхъ цѣлей.

описывается, между прочимъ, встрѣча Генриха съ тридцатитысячнымъ польскимъ отрядомъ (когда Генрихъ, будучи еще французскимъ принцемъ, былъ выбранъ на польскій престолъ), находится указаніе на слѣдующій фактъ:

«Одинъ изъ польскихъ вельможъ, — повѣствуетъ Сассъ — выступилъ впередъ и привѣтствовалъ короля какимъ-то особеннымъ, поразившимъ короля способомъ. Приблизившись къ государю, вельможа вынулъ изъ ноженъ саблю, ранилъ себѣ руку и, набравъ крови, сказалъ: «Ваше Величество, горе тому изъ насъ, кто не хочетъ пролить всю свою кровь ради васъ; потому-то я долженъ беречь ее на служеніе вамъ!..» и при этихъ словахъ онъ выпилъ кровь». Въ настоящее время у южныхъ славянъ враги, примиряясь между собой, скрѣпляютъ свою клятву особымъ обрядомъ, напоминающимъ обычаи древнихъ скиѳовъ, описанные Геродотомъ.

Еще важнѣе въ народной жизни значеніе крови, какъ *цѣлебнаго* и вообще *чудодѣйственнаго средства*. Въ качествѣ таковаго, она представляетъ тѣмъ большій интересъ, что именно въ виду такого значенія потребность въ ней толкала и толкаетъ невѣжественныхъ людей на преступленія, поражающія насъ нерѣдко своей необычайной жестокостью.

Уже въ глубокой древности, кровь представлялась суевѣрному человѣку обладающей какой-то особой, чудной, таинственной силой; она являлась въ его глазахъ символомъ, олицетвореніемъ жизни. Поэтому, думалъ онъ, стоитъ только дать больному большее или меньшее количество этого универсальнаго цѣлительнаго бальзама, и больной выздоровѣетъ, возвратится къ жизни.

Такъ въ египетскомъ лечебникѣ Папируса, составленномъ въ XVI в. до Р. Х., между другими врачебными средствами указывается и кровь, но только кровь животныхъ. Плиній Старшій въ своей Естественной Исторіи говоритъ, что эпилептики считаютъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для своего исцѣленія питіе еще теплой струящейся крови ранянаго человѣка. Точно такъ же лѣчились эти больные и черезъ 1,500 лѣтъ. Доказательствомъ можетъ служить рядъ лѣчебниковъ, изданныхъ въ XVII в., нерѣдко при томъ, извѣстными врачами своего времени (проф. Пауллини, читавшимъ лекціи въ Пизѣ, проф. Кошвицемъ и др.). Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи лѣчебникъ, изданный въ 1699 г. во

Франкфуртѣ-на-Майнѣ однимъ любителемъ медицины и названный имъ *Haus-Apotheke*. Неизвѣстный авторъ, перечисляя въ стихахъ 24 снадобья, содержащіяся въ самомъ организмѣ человѣка (желчь, слюна и т. д.), въ числѣ ихъ видное мѣсто отводитъ крови человѣка воообще, и менструальной въ частности. Наставленія этой «Hausapotheke» оказываютъ свое вліяніе и въ настоящее время. Въ книгѣ проф. Штрака собранъ богатый фактическій матеріалъ народныхъ суевѣрій преимущественно изъ разныхъ частей Германіи (Пруссія, Баденъ, Баварія), Австріи; всюду, оказывается, народъ держится еще взглядовъ, высказанныхъ въ такихъ старинныхъ лечебникахъ. Всякаго рода болѣзни, наружныя и внутреннія, серьезныя и несерьезныя (напр. эпилепсія, проказа и рядомъ съ ними веснушки, легкая простуда), поддаются, по народнымъ воззрѣніямъ, излеченію посредствомъ крови человѣка. При этомъ подробно указывается, какъ получить ее, въ какомъ видѣ употреблять (во влажномъ или высушенномъ и т. п.).

Особую цѣлебную силу имѣетъ въ глазахъ народа, наравнѣ съ кровью живаго человѣка, кровь человѣка, умершаго неестественною смертью: самоубійцы, казненнаго преступника. Смерть искупляетъ грѣхъ несчастнаго, придаетъ ему какъ бы нѣкоторый ореолъ святости, и все, что принадлежитъ этому мертвецу, особенно сама кровь его, представляется народной массѣ сильно дѣйствующимъ средствомъ при многихъ болѣзняхъ, главнымъ образомъ, при эпилепсіи. Замѣчательно, что и лица изъ высшаго класса сравнительно недавно поддерживали это дикое вѣрованіе. Такъ въ 1755 г. саксонскій министръ, графъ фонъ-Бюль, позволилъ нѣкоему Видемару, страдавшему эпилепсіей, выпить для своего исцѣленія кровь казненнаго въ Дрезденѣ преступника. Даже въ настоящемъ вѣкѣ *публично* совершается такое варварское лѣченіе. Карлъ Леманнъ въ своей хроникѣ вольнаго города Шнееберга разсказываетъ, что онъ собственными глазами видѣлъ, какъ многіе изъ присутствовавшихъ при казни одного убійцы, выпили цѣлый горшокъ его крови, и какъ потомъ они быстро пустились бѣжать въ поле, погоняемые ударами бича.

Но наивысшая цѣлебная сила,—вѣритъ невѣжественный человѣкъ,—принадлежитъ крови невиннаго существа—крови малолѣтнихъ дѣтей, невинныхъ дѣвушекъ; такое чудовищное суевѣріе влекло за собой нерѣдко преступленія противъ жен-

ской чести—растлѣніе, изнасилованіе, даже—убійство несчастныхъ дѣвушекъ, для сокрытія слѣдовъ первыхъ двухъ преступленій. Проф. Генихъ, въ своемъ трудѣ о дѣтскихъ болѣзняхъ, прямо указываетъ, что «знаетъ цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ пали жертвой разврата, невѣжества, или, точнѣе, жертвой суевѣрія, дѣти въ возрастѣ отъ 4 до 10 лѣтъ» [1].

Самая страшная болѣзнь, свирѣпствовавшая прежде довольно часто въ Европѣ, болѣзнь заживо хоронившая человѣка—проказа, считалась излѣчимой только при помощи крови невиннаго существа. Самое древнее сказаніе объ этомъ суевѣріи мы находимъ въ Библіи, гдѣ разсказывается (Исходъ, 2,23), что заболѣвшій проказой царь Египетскій купался ежедневно два раза въ крови еврейскихъ дѣтей. Затѣмъ существуетъ цѣлый рядъ средневѣковыхъ легендъ (про «Святую чашу», про Ричарда Львиное сердце), гдѣ также упоминается то самое цѣлебное средство, которое примѣнялъ ветхозавѣтный чудовищный фараонъ. Такъ легенда про англійскаго короля Ричарда Львиное сердце говоритъ, что врачъ посовѣтовалъ ему для исцѣленія себя отъ проказы принять ванну изъ крови новорожденнаго ребенка. Здѣсь даже указывается, что врачъ этотъ былъ еврей. Относительно послѣдняго обстоятельства проф. Штракъ справедливо замѣчаетъ, что «если и признать историческую достовѣрность этого сказанія, то и тогда нужно будетъ сказать, что врачъ дѣйствовалъ здѣсь не какъ еврей, а какъ лицо, зараженное предразсудками *своего времени*» (XII в.). Довольно ясно и краснорѣчиво выражено это раздѣлявшееся даже врачами вѣрованіе въ исцѣляющее дѣйствіе невиной крови въ слѣдующемъ мѣстѣ повѣсти о «Бѣдномъ Генрихѣ» (Der arme Heinrich, von Hartmann von der Aue): «*источникомъ жизни*,—сказано тутъ,—который можетъ уничтожить тѣ болѣзни (т. е. неизлѣчимыя проказу и слѣпоту), нужно считать прежде всего чистую кровь дѣвственницы или ребенка» [2].

Мы уже упоминали, что понятіе Blutaberglaube, не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, т. е. не нужно думать, что та громадная масса народныхъ суевѣрій, которую, напр., нашъ авторъ окрестилъ этимъ названіемъ, имѣетъ своимъ

---

[1] Strack, S. 50.
[2] Ibidem, s. 21.

объектомъ лишь кровь. Нѣтъ, въ составъ этого понятія въ его широкомъ значеніи входитъ цѣлый рядъ другихъ вѣрованій; между прочимъ вѣрованія въ цѣлительную силу человѣческаго трупа.

Трупъ въ глазахъ всего человѣчества является,—по объясненію Штрака,—символомъ разрушенія, своего рода буддійскимъ Сивой, и вотъ, желая избавиться отъ своей болѣзни, желая уничтожить ее, суевѣрный человѣкъ прикладываетъ къ больному мѣсту какой-нибудь органъ человѣческаго трупа, даже просто предметъ, соприкасавшійся съ трупомъ. Съ другой стороны, самое благоговѣніе, внушаемое великимъ, таинственнымъ актомъ смерти вѣроятно также способствовало появленію этого суевѣрія.

Особенно цѣлительной представляется народу рука мертваго человѣка, и въ частности указательный палецъ правой руки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народная медицина еще точнѣе указываетъ, какой именно трупъ особенно полезенъ больному человѣку. Въ извѣстныхъ случаяхъ больной не долженъ огра- ничиваться однимъ лишь прикосновеніемъ къ мертвецу: по при- мѣру своихъ братьевъ, жителей Огненной Земли, онъ долже[нъ] пожирать кости и сердце умершаго человѣка. Потребность в такомъ чудовищномъ лѣкарствѣ служила часто мотивомъ ра ныхъ преступленій, иногда столь же чудовищныхъ. Кра труповъ, разрытіе могилъ, убійство — вотъ что является результатѣ такого отвратительнаго суевѣрія. Приведемъ ряда многихъ другихъ случаевъ случай, происшедшій два тому назадъ въ Галиціи. Нѣкій Марутъ, занимавшійся харствомъ, обвинялся въ похищеніи двухъ дѣтскихъ тру съ *еврейскаго* кладбища въ Рацвадовѣ. Подсудимый пока на судѣ, что существуетъ двоякаго рода тифъ: одинъ— толическій», который можно удалить прочтеніемъ «Отче на другой тифъ—«жидовскій»; послѣдній можно прогнать т съѣденіемъ жидовскихъ костей [1]». Существованіе под рода вѣрованій даетъ поводъ къ появленію разнаго ро былицъ, удивительно напоминающихъ «навѣтъ крови» напр. въ Штиріи, гдѣ народъ особенно вѣритъ въ цѣ силу дѣтскихъ труповъ, существуетъ повѣрье, что чле толическаго ордена, живущіе въ Грацѣ, получили пра

[1] Ibidem, стр. 47.

изъ своей больницы больного для приготовленія изъ него лѣкарствъ, и вотъ они ежегодно берутъ на Пасхѣ молодого парня, который находится у нихъ на излѣченіи, вѣшаютъ его за ноги и щекочутъ, пока онъ не умретъ; затѣмъ трупъ поступаетъ къ монахамъ, которые варятъ трупъ на огнѣ и приготовляютъ изъ него лѣкарства для своей аптеки. Ниже мы увидимъ, что подобныя же сказки распространены и въ другихъ частяхъ свѣта—въ Азіи, въ Африкѣ, и страдаютъ отъ этихъ сказокъ тѣ же католическіе монахи, которые во многомъ содѣйствовали распространенію страшной сказки о крови. Такова великая роль человѣческой крови и человѣческаго трупа въ области народной медицины.

Не менѣе важное значеніе имѣютъ, по представленіямъ некультурнаго человѣка, эти всеисцѣляющіе медикаменты и въ другихъ областяхъ народной жизни. Здѣсь мы опять сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ крайне любопытныхъ фактовъ.

Нужно-ли одержимому бѣсомъ изгнать его, нужно-ли найти цѣнный кладъ, желаетъ-ли купецъ имѣть удачу въ торговлѣ, хочетъ-ли, наконецъ, женщина понравиться своему возлюбленному, снискать его любовь или отомстить ему, если онъ отвергнетъ ее,—во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, говоритъ народъ, необходимо прибѣгнуть къ чудотворной силѣ крови и трупа, къ этимъ символамъ жизни и смерти. Церковь долго и упорно боролась съ этимъ гибельнымъ предразсудкомъ; не одинъ такъ называемый «чинъ исповѣданія [1]» грозилъ строгими наказаніями тому, кто давалъ свою кровь выпить другому лицу съ тѣмъ, чтобы опутать его своими любовными чарами. Такъ чинъ исповѣданія, извѣстный подъ именемъ Парижскаго, содержитъ слѣдующее постановленіе: «Кто напоитъ другого своей кровью или сѣменемъ ради снисканія его любви или ради другихъ цѣлей, долженъ нести покаяніе въ продолженіе 3-хъ лѣтъ [2]». Но какъ безуспѣшна была эта борьба, видно уже изъ того, что сама представительница католическаго духовенства, настоятельница одного женскаго монастыря, *Гильдегардъ*, жившая въ XII в., совѣ-

---

[1] Въ католической церкви его названіе—poenitentiale.

[2] Poenitentiale Parisiense: Qui sanguinem suum aut semen causa amoris vel alterius rei bibere aliquem vel aliquam fecerit, tribus poeniteat annis.

туетъ во время битвы носить въ видѣ амулета рубашку, покрытую менструальною кровью дѣвственницы.

Свойственное вообще женщинѣ стремленіе къ кокетству, появившись на почвѣ интересующаго насъ суевѣрія, послужило 300 лѣтъ тому назадъ мотивомъ къ совершенію страшныхъ, безпримѣрныхъ по своей жестокости преступленій. Такъ, въ 1610 г. была осуждена на вѣчное заключеніе жена венгерскаго бургомистра графа Надасди, *Елизавета Батори*, за цѣлый рядъ совершенныхъ ею убійствъ своихъ служанокъ, а сообщники ея были казнены. Положительно не вѣрится, чтобы могло когда либо народиться такое чудовище. А между тѣмъ это—безспорный историческій фактъ, что венгерская графиня въ началѣ XVII в. убила при помощи своей челяди въ особо устроенныхъ подвалахъ около 650 дѣвушекъ, служившихъ въ ея домѣ, ради того, чтобы... поддержать свою красоту ваннами, наполненными кровью несчастныхъ страдалицъ. У Штрака приводится также нѣсколько другихъ любопытныхъ процессовъ, вызванныхъ существующимъ и по настоящее время въ народѣ повѣрьемъ, что одержимый бѣсомъ долженъ для изгнанія его прибѣгнуть къ человѣческой крови и человѣческому трупу. И замѣчательно при томъ, что народъ прибѣгаетъ здѣсь иногда къ убійству тѣхъ самыхъ людей, противъ которыхъ нерѣдко возбуждалось обвиненіе въ употребленіи крови.

Такъ въ 1784 году были казнены въ Гамбургѣ двѣ женщины—старуха со своею дочерью, которыя убили еврея съ тѣмъ, чтобы съ помощью его крови и отдѣльныхъ частей его трупа прогнать бѣса. Приведемъ еще одинъ характерный случай, описанный бѣлградскимъ корреспондентомъ «Vossische Zeitung» и происшедшій въ апрѣлѣ прошлаго года. Артиллерійскій солдатъ Василій Радуловичъ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ убійствѣ своего сотоварища по службѣ, Ильи Константиновича. Какъ выяснилось на судебномъ слѣдствіи, преступленіе было совершено по настоятельной просьбѣ самого убитаго. Еще незадолго до своей смерти покойный разсказывалъ своимъ товарищамъ, что нѣсколько ночей подъ-рядъ онъ видитъ какой-то необычайный сонъ. Ему снится, что за крѣпостью лежитъ богатѣйшій кладъ, но отыскать его онъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если хоть на нѣкоторое время пожертвуетъ жизнью. Вѣря въ правдивость преслѣдовавшаго его

сновидѣнія, Константиновичъ рѣшилъ сдѣлать то, что ночью слышалось ему. Онъ уговорилъ Василія Радуловича, своего близкаго друга, отправиться съ нимъ въ то мѣсто, гдѣ долженъ былъ лежать, по его мнѣнію, кладъ. Тамъ Радуловичъ, исполняя въ точности желаніе своего друга, зарѣзалъ его ножомъ и, отрѣзавъ ему горло и сердце, окропилъ кровью несчастнаго указанное послѣднимъ мѣсто нахожденіе клада. Затѣмъ убійца, слѣдуя указаніямъ покойнаго, сталъ рыть это мѣсто, искать желѣзную лопату и водку, которыя, какъ говорилъ убитый, должны были тамъ находиться и обладали особой чудодѣйственной силой: стоило только дважды дотронуться до его трупа этой лопатой, положить на свое мѣсто отрѣзанные органы, окропить раны этой водкой, и Константиновичъ воскреснетъ и съумѣетъ отыскать драгоцѣнный кладъ. Но ни лопаты, ни водки не оказалось, мертвое тѣло не ожило, и убійца, оставивъ своего звѣрски изуродованнаго товарища, отправился въ казармы, гдѣ и былъ арестованъ.

Нашъ краткій очеркъ существовавшихъ и существующихъ въ народѣ вѣрованій въ чудодѣйственную силу крови и труповъ былъ бы неполонъ, если-бъ мы не упомянули о томъ, что это варварское суевѣріе, такъ сказать, специализировалось и получило особый профессіональный характеръ.

Среди *преступниковъ* особенно рѣзко проявляется то общераспространенное стремленіе къ обособленію, въ силу котораго каждая профессія, каждый классъ людей вырабатываетъ *свои* обычаи, свою честь, иногда даже свой особый языкъ. У профессіональныхъ преступниковъ, въ силу особыхъ условій ихъ спеціальности, есть чуть не цѣлый жаргонъ. Они же ищутъ особой имъ однимъ только нужной чудодѣйственной силы отъ тѣхъ самыхъ волшебныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ, какъ мы видѣли выше, суевѣрная женщина для снисканія симпатій своего возлюбленнаго. Здѣсь, т. е. въ преступной средѣ, это суевѣріе по своей жестокости принимаетъ еще болѣе чудовищные размѣры и представляетъ еще бóльшую опасность для общественнаго порядка. Главнымъ образомъ, объектомъ преступленій, вызванныхъ такого рода варварскими вѣрованіями, являются беременныя женщины. Человѣкъ-звѣрь убиваетъ ихъ, вынимаетъ зачатый плодъ, который, въ его глазахъ, обладаетъ такой таинственной, сверхъестественной силой,

что можетъ обезопасить его при совершеніи имъ преступленія, скрыть его слѣды, отвести глаза правосудію и даже, можетъ... успокоить его совѣсть, которая, конечно, бываетъ и у самого закоренѣлаго злодѣя.

Въ Пруссіи, Швеціи, Норвегіи и многихъ другихъ странахъ, воръ, идущій на кражу, приготовляетъ себѣ свѣчу изъ пальца недоношеннаго ребенка или изъ внутренностей его. Эту свѣчу, говорятъ въ Помераніи, можно затушить только молокомъ и, пока она горитъ, никто въ домѣ не можетъ проснуться [1].

На Украйнѣ существуетъ повѣрье, что рука, отрѣзанная отъ трупа пятилѣтняго ребенка, открываетъ всѣ замки!

Не приводя всѣхъ примѣровъ дикихъ преступленій, собранныхъ проф. Штракомъ изъ исторіи послѣднихъ трехъ вѣковъ, остановимся на случаѣ, происшедшемъ только нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Въ февралѣ 1888 г. рабочій *Блиферних*тъ предсталъ предъ Ольденбургскимъ судомъ присяжныхъ по обвиненію въ убійствѣ двухъ малолѣтнихъ дѣвочекъ. На судѣ свидѣтели показали слѣдующее: подсудимый вѣрилъ, что, если онъ съѣстъ кусокъ мяса *молодой* невинной *дѣвушки*, то ему можно будетъ дѣлать на свѣтѣ все рѣшительно, не подвергаясь никакой отвѣтственности предъ судомъ и предъ самимъ собой. И вотъ злодѣй убилъ двухъ дѣвочекъ, шестилѣтнюю и семилѣтнюю, перерѣзалъ имъ горло, распоролъ ихъ внутренности и, вырѣзавъ изъ трупа кусокъ мяса, съѣлъ его.

Нельзя безъ содраганія читать тѣ страницы книги проф. Штрака, въ которыхъ авторъ безъискусственнымъ, лѣтописнымъ слогомъ повѣтствуетъ о дикомъ канибальствѣ современныхъ европейцевъ. Такъ и хочется скорѣе перейти къ слѣдующимъ страницамъ, чтобы тамъ, быть можетъ, найти что-нибудь болѣе освѣжающее, гдѣ не слышалось бы уже запаха крови и трупа. Но напрасная надежда: и дальше все идетъ въ томъ же духѣ, совершаются дикія преступленія — только уже не ради исцѣленія болѣзней, очарованія любовника, а ради другихъ цѣлей: во имя спасенія своей души, ради умилостивленія Божества. Приводимые проф. Штракомъ въ этихъ заключительныхъ главахъ первой части факты принадлежатъ

---

[1] Ibidem, 41.

къ области патологической и къ области дикаго религіознаго изувѣрства, если только можно отдѣлить послѣднее отъ перваго. Факты эти довольно извѣстны и заимствованы, главнымъ образомъ, у отца современной уголовно-антропологической школы, Ломброзо; кое-что взято и у нашихъ писателей, изучавшихъ русскій расколъ и разныя его противообщественныя секты, хлыстовъ, скопцовъ, спасовцевъ и др. Между прочимъ, въ книгѣ проф. Штрака приведено знаменитое дѣло принадлежавшаго къ Спасову толку Куртина, который, желая подражать патріарху нашему Аврааму, принесъ въ жертву Господу своего семилѣтняго сына Григорія [1].

Любопытно то, что авторъ въ той самой главѣ, гдѣ говорится о ритуальныхъ убійствахъ, совершаемыхъ раскольниками, гдѣ указывается на человѣческія жертвоприношенія, господствовавшія во всемъ древнемъ мірѣ [2], не исчезнувшія даже и въ средніе вѣка, (хотя и подъ другой формой—замуравливанія дѣтей при возведеніи построекъ),—любопытно—говоримъ мы,—что авторъ въ этой самой главѣ полемизируетъ съ Даумеромъ, написавшимъ сочиненіе подъ заглавіемъ, «Тайны христіанскихъ древностей» [3], гдѣ этотъ собратъ Ролинга старается доказать, что характерной чертой христіанства съ самаго начала его развитія вплотъ до конца среднихъ вѣковъ было принесеніе людей въ жертву, пожираніе ихъ и употребленіе ихъ крови. Возражая Даумеру, проф. Штракъ, между прочимъ говоритъ: обвиненія христіанъ въ употребленіи крови исходили въ первые вѣка послѣ Р. Х. со стороны язычниковъ, которые *обычаи, господствующіе у нихъ, приписывали отчасти другимъ людямъ, исповѣдывавшимъ другую религію.* Но есть серьезныя основанія думать, что гностики, эти послѣдователи различныхъ сектъ, враждебныхъ истинному христіанству, дѣйствительно употребляли кровь, и вотъ язычники, смѣшивая гностиковъ съ истинными христіанами, приписывали послѣднимъ тѣ изувѣрскіе обычаи, которые они видѣли у первыхъ. Изъ сочиненія Карла Шмидта приводится

---

[1] Глубоко трагическое описаніе этого дѣла, всей сцены прощанія отца—изувѣра съ его любимымъ ребенкомъ, предсмертныя слова послѣдняго: „Богъ тебя проститъ батюшка“—все это можно прочесть у г. Пругавина въ его статьяхъ, печатавшихся въ „Русской Мысли“ въ 1885 г.

[2] Авторъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что у евреевъ было строго воспрещено подобнаго рода жертвоприношенія.

[3] „Daumer, Geheimnisse des christlichen Alterthuns“.

затѣмъ длинная выписка, подробно доказывающая, что гностики, дѣйствительно, пили кровь при своихъ религіозныхъ священнодѣйствіяхъ.

Таковы неприглядные факты, почерпнутые авторомъ изъ жизни и воззрѣній христіанской Европы. Но подводя имъ итоги въ концѣ первой части своего труда, авторъ, не смущаясь, ставитъ вопросъ: «кто осмѣлится за всѣ эти мерзости обвинять именно христіанскую религію?»

Сдѣлаемъ съ своей стороны нѣкоторые выводы изъ этой мрачной повѣсти народныхъ суевѣрій.

Страшна картина народнаго невѣжества, которую авторъ нарисовалъ намъ. Эта картина, даже не выражаясь фигурально, залита человѣческою кровью, человѣческими трупами. Мы видѣли какъ глубоко вкоренились въ народѣ преданія языческой старины, какъ до сихъ поръ эти преданія служатъ причиной цѣлаго ряда безчеловѣчныхъ преступленій; мы видѣли, что объектомъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, бываютъ младенцы, дѣти. Слѣдовательно, матеріала для возведенія обвиненія въ убійствѣ малолѣтнихъ дѣтей бываетъ достаточно, что и является, можно сказать, объективнымъ элементомъ «навѣта крови». Такъ какъ эти преступленія совершаются для особаго рода цѣлей, и именно для цѣлей суевѣрныхъ, то естественно, что, подобно древнему римлянину, тотъ самый суевѣрный человѣкъ, который вѣритъ въ существованіе бѣса, въ возможность изгнанія его кровью, будетъ обвинять въ совершеніи злодѣянія не своихъ единовѣрныхъ ему сосѣдей, зараженныхъ подобными же предразсудками, но людей иной религіи, къ которымъ онъ былъ пріученъ относиться враждебно съ самаго дѣтства.

Вотъ и другой—субъективный элементъ «навѣта».

Замѣчательно при томъ, что нерѣдко жертвою преступленій являются сами евреи, и ихъ же потомъ обвиняютъ въ совершеніи этихъ преступленій.

Происходитъ безпримѣрное по своимъ кровавымъ послѣдствіямъ qui pro quo:

Объектъ преступленій представляется субъектомъ его.

Перейдемъ теперь ко второй части.

Д. Х—нъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XVII [1].

Съ тѣхъ поръ какъ Анна уѣхала, Лоренцъ сталъ сокращать свои дѣла и подъ конецъ рѣшилъ совсѣмъ ихъ ликвидировать. Во первыхъ не для кого было ему собственно работать и обогащаться, такъ какъ Бейла пристроена, а отъ Анны онъ заслужитъ этимъ хотя бы молчаливое одобреніе — и это было высшимъ удовольствіемъ для Лоренца. Онъ теперь любилъ ее еще больше, еще нѣжнѣе, чѣмъ когда либо, и мысль увидѣть ее хоть на одинъ часъ, хоть на одну минуту никогда не оставляла его. Но кромѣ желанія угодить Аннѣ, въ рѣшеніи ликвидировать свои дѣла большую роль играла его личная антипатія къ новымъ людямъ и новымъ способамъ и пріемамъ, какіе они вносили въ торговый міръ. Какъ выходецъ изъ Межеполя онъ сохранилъ въ своей душѣ всѣ качества межепольца и возмущался, когда онъ не находилъ ихъ въ другихъ.

Въ одно утро, когда Ригель былъ занятъ разборкой только что полученной корреспонденціи, къ нему зашелъ Лоренцъ. Въ послѣднее время старикъ часто навѣщалъ его, въ тайной надеждѣ, не услышитъ ли онъ чего-нибудь объ Аннѣ. Ригель

---

[1] См. „Восходъ", кн. V.

зналъ уже этотъ молчаливый взглядъ и скрытое напряженіе въ лицѣ своего тестя. Но онъ ничего не могъ ему сообщить.

— Есть что-нибудь новое?

— Ничего,—по обыкновенію отвѣтилъ Ригель.

— Опять крахъ...

— Гдѣ?—поинтересовался Ригель.

— Въ новомъ банкѣ...

— Когда же это случилось? Въ газетахъ ничего не было.

— Ну, гдѣ же... Это стало извѣстно только ночью послѣ ревизіи.

— Вы тоже были тамъ?

— Да, въ качествѣ члена ревизіонной комиссіи...

— Однако, эти крахи стали учащаться...

— И не мудрено... Всѣ точно опьянѣли отъ блеска золота.

— Золото всегда имѣло это свойство...

— Ну, нѣтъ... Все оттого, что мы мѣры не знаемъ.

— А когда и гдѣ мы ее знали?—улыбнулся Ригель.

— Раньше мы ее знали.

— Почему же мы теперь вдругъ ее утратили.

— Ужъ это тебѣ должно быть лучше извѣстно.

Ригель пожалъ плечами.

— Что же вы думаете, что новыя вѣянія такъ повліяли на насъ.

— Ты знаешь, что я никогда не былъ противъ нововведеній, если онѣ разумны и не противны началамъ истинной религіи.

— Но развѣ вы въ нововведеніяхъ, которыя принесла намъ новая эра, усматриваете и такія, которыя вредятъ намъ?

— О, очень много.

— Напримѣръ.

— А хоть бы и то, что наше подрастающее поколѣніе отъ насъ отворачивается.

Ригель бросилъ пристальный взглядъ на серьезное лицо старика. Это было самое слабое мѣсто во всемъ его направле-

ніи, и кто попадалъ въ это мѣсто, причинялъ ему жестокую боль. Лучше чѣмъ кто либо онъ зналъ и чувствовалъ какъ почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ, какъ вліяніе, которымъ раньше пользовался его органъ, все болѣе и болѣе блѣднѣетъ и исчезаетъ, и какъ его ученики и послѣдователи постепенно его оставляютъ. Отчего? Это была тайна, въ которую онъ боялся заглянуть съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ послѣднее письмо отъ Іосифа и узналъ его стремленія и цѣли.

— Этотъ вопросъ меня самого занимаетъ, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— И ты не находишь на него отвѣта?

— Признаться... Впрочемъ, я думаю, что все тутъ зависитъ отъ увлеченія новымъ и непривычнымъ. Но увлеченіе уляжется и все войдетъ въ свою норму. Подумайте, вѣдь сколько времени мы сидѣли взаперти въ четырехъ стѣнахъ, безъ свѣта и чистаго воздуха. Мы по неволѣ рвемся теперь на просторъ. Но пусть нашъ домъ провентиляруется, пусть туда проникнутъ свѣтъ и воздухъ, и мы снова въ него войдемъ.

Лоренцъ грустно покачалъ головой.

— А гдѣ нашъ домъ?

Ригель только взглянулъ на старика и промолчалъ. Онъ зналъ взглядъ на этотъ счетъ своего тестя и не хотѣлъ вступать въ споръ, который завелъ бы ихъ слишкомъ далеко. Но послѣ короткой паузы, и какъ бы припомнивъ что-то, онъ сказалъ.

— Васъ, вѣроятно, дурно настроила передовая статья въ «Утреннемъ Сіяніи».

— Не отрицаю...

Ригель засмѣялся.

— Къ счастью выходки этой газеты встрѣчаютъ презрѣніе во всѣхъ лагеряхъ. Я лично даже пороха не хочу тратить. Повѣрьте, — продолжалъ онъ, воодушевляясь,—мы те-

перь вступили на такой путь, съ котораго никто насъ не собьетъ, развѣ мы сами свернемъ.

— Мнѣ кажется,—возразилъ Лоренцъ,—что ты слишкомъ довѣрчиво смотришь на все. Не скажу, чтобы выходки «Утренняго Сіянія» меня особенно безпокоили, но не забудь, что мы сами лѣземъ въ огонь.

— Я этого не вижу.

— А я вижу. Ну, хотя бы наши послѣднія дѣла... Вездѣ крахи, да крахи...

— Но кто же этому виноватъ... Не мы же.

— Наши застрѣльщики. Мы увлекаемся больше другихъ. Мы на виду у всѣхъ и впереди всѣхъ...

— Это уже въ нашемъ характерѣ. Намъ подавай или отвлеченное божество или золотого тельца. Мы никогда середины не знаемъ.

— Въ этомъ то наша гибель. Мы теперь покланяемся золотому тельцу.

Ригель вдругъ вспомнилъ о Іосифѣ, и на лицѣ его появилась едва замѣтная улыбка.

— Ну, не совсѣмъ такъ...

— Я закрываю контору,—сказалъ, какъ бы отвѣчая своимъ собственнымъ мыслямъ, Лоренцъ.

— Какъ, окончательно?

— Окончательно.

— Ну, вотъ видите. А вы еще говорите, что мы покланяемся золотому тельцу.

— Это совсѣмъ другое, — какъ то загадочно проговорилъ Лоренцъ и поднялся со своего мѣста. Но, взглянувъ въ окно, онъ воскликнулъ:

— Кажется г-жа Межепольская къ вамъ подъѣхала.

Ригель подбѣжалъ къ окну, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли это она. Хая никогда не пріѣзжала къ нимъ такъ рано, и это его крайне удивило. Но не успѣлъ онъ выглянуть на улицу, какъ въ комнату вбѣжала Хая. Она имѣла

возбужденный, взволнованный видъ и въ ея все еще красивыхъ глазахъ сверкалъ радостный блескъ. Въ это мгновеніе она напоминала прежнюю красавицу, дышавшую здоровьемъ и нѣгой. Ригель смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и восхищеніемъ, а въ сердцѣ Лоренца проснулось предчувствіе чего то хорошаго, радостнаго.

— Вы привезли намъ хорошія вѣсти, — сказалъ онъ, подойдя къ ней и взявъ ее за руку.

— О, еще какія!—Хая задыхалась отъ радостнаго волненія, и голосъ ея прерывался. Она вынула изъ кармана телеграмму и протянула ее Ригелю. Ригель громко прочелъ: «Я и Анна на дняхъ пріѣдемъ».

Нѣсколько мгновеній всѣ молча стояли другъ противъ друга въ радостномъ оцѣпенѣніи. Наконецъ Хая не выдержала и зарыдала. Это были рыданія, долго таившіяся въ груди тоскующей матери.

XVIII.

Время шло быстро. Сентябрь близился къ концу. Дачи начали пустѣть, и ихъ обитатели мало по малу переселялись въ городъ. Погода сразу испортилась и дождливые дни потянулись одинъ за другимъ. Надъ заливомъ стоялъ густой сѣрый туманъ, въ воздухѣ было холодно, по небу мчались клочковатыя тучки. Солнца совсѣмъ не было видно. Но ни Анна, ни Делевскій ничего этого не замѣчали. Въ ихъ юныхъ сердцахъ яркимъ пламенемъ горѣлъ огонь страсти, и этотъ огонь замѣнялъ имъ и голубое небо, и свѣтъ солнца, и яркіе дни. Когда дождь мѣшалъ имъ сидѣть на балконѣ и любоваться спокойной поверхностью безбрежнаго залива, они удалялись въ комнату и принимались за работу или за чтеніе. Но чаще всего они разговаривали и даже спорили. У нихъ было столько плановъ впереди, столько надеждъ на будущее! Они только теперь собирались жить и дѣйствовать. Любовь подкрѣпляла ихъ, и ихъ внутреннее настроеніе окрашивало все въ

Іосифъ привезъ ее послѣ случившейся съ ней роковой катастрофы. Уходъ Зинаиды Павловны и Вѣрюши отличался той безшумной заботливостью и тихимъ участіемъ, въ которыхъ теперь такъ нуждалась больная. Пока она находилась въ безсознательномъ состояніи, Іосифъ не отходилъ отъ ея постели, но когда она пришла въ себя и стала узнавать окружающихъ, Іосифъ уступилъ свое мѣсто Зинаидѣ Павловнѣ и Вѣрюшѣ, а самъ заходилъ въ комнату Анны только тогда, когда особенныя обстоятельства этого требовали. Но и тогда онъ старался по возможности оставаться тутъ не долго, боясь, чтобы его присутствіе не вызвало въ Аннѣ тяжелыхъ для нея воспоминаній. Событія послѣднихъ трехъ лѣтъ, которыя онъ провелъ вдали отъ столицы, скитаясь то тамъ, то здѣсь, оставили глубокій слѣдъ на Іосифѣ и заставили его смотрѣть на вещи не такъ, какъ онъ смотрѣлъ раньше. Опытъ и знакомство съ жизнью умудрили его и открыли глаза на многое. Онъ уже теперь былъ не тотъ впечатлительный и нервный юноша, который своей пылкой фантазіей обнималъ весь міръ и разрѣшалъ самыя неразрѣшимыя дилеммы. Фантазія уступила мѣсто размышленію, призрачность — дѣйствительнымъ фактамъ. Онъ теперь зналъ, чего онъ хочетъ и чего нужно добиваться. Свой опытъ и знанія, пріобрѣтенные такимъ долгимъ трудомъ и столькими жертвами, онъ привезъ въ столицу, чтобы подѣлиться ими съ тѣми, которые хотя и стремились къ одинаковой съ нимъ цѣли, но для достиженія ея выбрали другіе пути и другія средства. Главной цѣлью Іосифа было привлечь на свою сторону Делевскаго и Анну. Но онъ пріѣхалъ уже слишкомъ поздно для того, чтобы удержать Анну отъ рокового шага. Онъ поспѣлъ уже только какъ разъ въ ту минуту, когда жизнь и будущность Анны зависѣла исключительно отъ его присутствія духа. Все это вспомнилось Іосифу теперь, когда онъ, весь взволнованный, вошелъ въ комнату Анны.

Послѣдняя выразила желаніе его видѣть и просила Зинаиду Павловну передать ему объ этомъ. Іосифу не трудно

было догадаться, о чемъ Анна хочетъ съ нимъ говорить, но это тѣмъ болѣе его безпокоило, что только вчера ночью онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ Делевскаго въ одной изъ малодоступныхъ больницъ. Что онъ скажетъ Аннѣ? Скроетъ ли онъ отъ нея, или поставитъ ее лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ? Онъ даже не имѣлъ времени посовѣтоваться объ этомъ съ Лопаевымъ и Зинаидой Павловной, такъ какъ Анна, узнавъ о его приходѣ, настойчиво требовала, чтобы онъ тотчасъ же явился къ ней. Анна встрѣтила его холоднымъ, нѣмымъ взглядомъ, отъ котораго онъ весь содрогнулся. Онъ только теперь замѣтилъ, какая сильная перемѣна произошла въ этой, столь недавно еще цвѣтущей здоровьемъ, дѣвушкѣ. Блѣдное лицо съ выдающимися скулами, какъ бы застыло, и ни одинъ мускулъ въ немъ не двигался, глаза углубились и въ нихъ не искрилась больше та жизнь, которую онъ привыкъ въ нихъ видѣть; вся фигура, раньше стройная и пластичная, теперь осунулась и придавала Аннѣ болѣзненный, удрученный видъ. Несмотря на это, она казалась еще красивѣе, чѣмъ прежде, и отпечатокъ страданія, лежавшій на ея лицѣ, придавалъ ей особенное обаяніе.

Нѣсколько мгновеній Анна въ упоръ смотрѣла на Іосифа, какъ бы желая проникнуть въ его душу. Затѣмъ она сказала:

— Іосифъ, я хочу знать всю правду.

Слова эти, произнесенныя тѣмъ рѣшительнымъ и недопускающимъ никакихъ колебаній тономъ, который всегда такъ импонировалъ въ Аннѣ,—магически подѣйствовали на Іосифа. Онъ теперь былъ увѣренъ, что она выслушаетъ его спокойно и найдетъ въ себѣ силу подавить тѣ чувства, которыя вызоветъ его сообщеніе. Тѣмъ не менѣе онъ не находилъ въ себѣ мужества сказать ей то, что ему нужно было сказать, и онъ въ какомъ то смущеніи стоялъ передъ ней какъ виноватый... Тогда Анна приблизилась къ нему и глухимъ, измѣнившимся голосомъ проговорила:

— Неужели нельзя было ничего сдѣлать?

— Нѣтъ.

— А теперь?

Іосифъ не отвѣчалъ и отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе.

— Онъ умеръ!—вырвалось у Анны, и лицо ея еще больше поблѣднѣло, а глаза, сухіе и горящіе, впились въ Іосифа и, казалось, спрашивали: возможно ли? Но этотъ глухой взрывъ отчаянія, съ такой силой охватившій Анну, угасъ раньше, чѣмъ Іосифъ успѣлъ опомниться и обдумать, какой отвѣтъ дать ей. Она стояла предъ нимъ съ прежнимъ нѣмымъ и холоднымъ выраженіемъ и только во взглядѣ оставалась какая то затаенная искра, которая могла каждую минуту вспыхнуть и превратиться въ пожаръ.

— Когда онъ умеръ?—спокойно проговорила она.

— Вчера.

— Вы были тамъ?

— Нѣтъ еще.

— Я хочу его видѣть. Мы пойдемъ вмѣстѣ.

Іосифъ въ недоумѣніи взглянулъ на нее.

— Но это невозможно.

— Я хочу пойти туда.

— Но подумайте, что вы говорите. Неужели вы не понимаете, что это сопряжено для васъ съ величайшей опасностью.

— Тѣмъ лучше, тихо и какъ бы про себя проговорила Анна.

— Послушайте Анна, вы всегда отличались благоразуміемъ. Подумайте, что вы хотите сдѣлать. Это роковой шагъ.

— Послѣдній, который мнѣ остается сдѣлать.

— Вы ошибаетесь — съ горячностью воскликнулъ Іосифъ.—Вы еще далеко не совершили всего, чтобы имѣть право сложить оружіе и успокоиться. Есть другіе пути, другія средства.

— Не говорите, не говорите—съ нервнымъ жестомъ прервала его Анна.—Я хочу сдѣлать то, что я считаю въ данную

ладъ съ своими собственными чувствами обнаружился, когда они переѣхали въ городъ и обыденная жизнь вступила въ свои права. Сомнѣнія, разъ закравшіяся въ ея душу, не исчезали. Среди самыхъ усиленныхъ занятій ее неотступно преслѣдовалъ одинъ и тотъ же вопросъ: Возможно-ли, чтобы она отдала себя человѣку, котораго она не любитъ. Она разошлась съ Іосифомъ потому, что ей казалось, что ея чувство къ нему неполно, что гдѣ-то въ глубинѣ ея сердца есть свободный уголокъ... А теперь... Но въ то же время въ ея воображеніи возникали другія картины, ничего общаго не имѣвшія съ ея личными чувствами, съ ея личной жизнью и ея мелкими интересами. Развѣ она живетъ для себя, для своей личности, развѣ ея отношенія къ Делевскому возникли на почвѣ грубаго эгоизма? Развѣ они не дали другъ другу торжественнаго обѣщанія жить для другихъ, жертвовать собой ради торжества своихъ идей?.. И подъ вліяніемъ этихъ мыслей и представленій въ ея сердцѣ снова вспыхивала жажда дѣятельности и подвиговъ.

XIX.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

— Не бойся, не бойся, это я,—словно сквозь сонъ слышала Анна чей то знакомый голосъ.

И когда она открыла глаза, то увидѣла себя въ свѣтлой просторной комнатѣ, и около нея хлопотала Зинаида Павловна; тутъ же стоялъ Іосифъ. Она уловила его мягкій, кроткій взглядъ, и на мгновеніе по лицу ея разлилась легкая краска.

Но въ ту же минуту вѣки ея страшно отяжелѣли и закрылись, въ ушахъ раздался сильный звонъ, сердце постепенно стало замирать, мысли спутались и все вокругъ нея завертѣлось быстро-быстро, до одурѣнія.

Анна медленно поправлялась. Пережитыя ею потрясенія повлекли за собою тяжелую и опасную болѣзнь. Она все еще лежала въ той самой комнатѣ, въ квартирѣ Лопаевыхъ, куда

Іосифъ привезъ ее послѣ случившейся съ ней роковой катастрофы. Уходъ Зинаиды Павловны и Вѣрюши отличался той безшумной заботливостью и тихимъ участіемъ, въ которыхъ теперь такъ нуждалась больная. Пока она находилась въ безсознательномъ состояніи, Іосифъ не отходилъ отъ ея постели, но когда она пришла въ себя и стала узнавать окружающихъ, Іосифъ уступилъ свое мѣсто Зинаидѣ Павловнѣ и Вѣрюшѣ, а самъ заходилъ въ комнату Анны только тогда, когда особенныя обстоятельства этого требовали. Но и тогда онъ старался по возможности оставаться тутъ не долго, боясь, чтобы его присутствіе не вызвало въ Аннѣ тяжелыхъ для нея воспоминаній. Событія послѣднихъ трехъ лѣтъ, которыя онъ провелъ вдали отъ столицы, скитаясь то тамъ, то здѣсь, оставили глубокій слѣдъ на Іосифѣ и заставили его смотрѣть на вещи не такъ, какъ онъ смотрѣлъ раньше. Опытъ и знакомство съ жизнью умудрили его и открыли глаза на многое. Онъ уже теперь былъ не тотъ впечатлительный и нервный юноша, который своей пылкой фантазіей обнималъ весь міръ и разрѣшалъ самыя неразрѣшимыя дилеммы. Фантазія уступила мѣсто размышленію, призрачность — дѣйствительнымъ фактамъ. Онъ теперь зналъ, чего онъ хочетъ и чего нужно добиваться. Свой опытъ и знанія, пріобрѣтенные такимъ долгимъ трудомъ и столькими жертвами, онъ привезъ въ столицу, чтобы подѣлиться ими съ тѣми, которые хотя и стремились къ одинаковой съ нимъ цѣли, но для достиженія ея выбрали другіе пути и другія средства. Главной цѣлью Іосифа было привлечь на свою сторону Делевскаго и Анну. Но онъ пріѣхалъ уже слишкомъ поздно для того, чтобы удержать Анну отъ рокового шага. Онъ поспѣлъ уже только какъ разъ въ ту минуту, когда жизнь и будущность Анны зависѣла исключительно отъ его присутствія духа. Все это вспомнилось Іосифу теперь, когда онъ, весь взволнованный, вошелъ въ комнату Анны.

Послѣдняя выразила желаніе его видѣть и просила Зинаиду Павловну передать ему объ этомъ. Іосифу не трудно

предложить этотъ вопросъ Іосифу, но послѣдній имѣлъ такой усталый видъ, казался такимъ грустнымъ и задумчивымъ, что было бы преступленіемъ приставать къ нему. А можетъ быть такъ нужно? можетъ быть, тамъ, у нихъ, всѣ такъ поступаютъ? За нѣсколько лѣтъ разлуки съ Іосифомъ, Хая привыкла къ смиренію. Всѣ поступки Іосифа казались ей необходимыми, неизбѣжными... Если Іосифъ такъ поступаетъ, значитъ, такъ нужно... Стремленія и порывы Іосифа, хотя мало доступные для нея, все же вызывали въ ней невольное сочувствіе. Іосифъ стремится къ добру. Какъ же она можетъ на него сердиться? Къ тому же то, что сдѣлалъ Іосифъ, то теперь дѣлаютъ десятки и сотни юношей.

Хая всегда съ жадностью прислушивалась къ разсужденіямъ наѣзжавшихъ въ К** на каникулы студентовъ и ступентокъ, которые уже теперь не составляли рѣдкости какъ прежде; она ловила каждый новый фактъ или слухъ и потомъ дѣлала свои выводы и сравненія. Жизнь на ея глазахъ ушла такъ далеко, нравы такъ рѣзко измѣнились, а стремленія стали совсѣмъ другія. Прежде, когда она себя сравнивала съ межепольскими женщинами, она поражалась разницей, происшедшей во всемъ между ними и ею. Но пропасть, образовавшаяся между нею и ея Іосифомъ, была настолько глубока, что не поддавалась измѣренію. Она и негодовала, и удивлялась, и благоговѣла предъ этимъ новымъ, ей непонятнымъ, такъ быстро надвинувшимся откуда то, точно дождевая туча въ знойный безоблачный день.

Но какъ она ни старалась смириться и успокоиться на томъ, «что такъ нужно», все же она не могла допустить такихъ отношеній между ея сыномъ и его женой. Не смотря на всѣ метаморфозы, Хая въ душѣ оставалась истой межепольской женщиной и то, что она вчера подмѣтила, не вязалось съ ея представленіемъ о семейномъ счастьи, семейномъ очагѣ. Нѣтъ, такъ нельзя, такъ нельзя—мысленно повторяла она про-

себя, и какъ только забрежжило утро, она встала съ твердымъ намѣреніемъ переговорить съ Іосифомъ.

Іосифъ еще спалъ. Фрида тоже еще нѣжилась въ своей теплой постели. Съ тѣхъ поръ, какъ Фрида кончила гимназію, Хая ей разрѣшила вставать попозже. Фридѣ это такъ понравилось, что она часто злоупотребляла даннымъ ей разрѣшеніемъ. Въ утренніе часы такъ сладко спится. Сквозь сонъ являются такія чудныя грезы. Чаще всего Фрида воображала себя въ столицѣ, въ кругу студентовъ и студентокъ, въ громадной-громадной аудиторіи, въ которой громко раздается рѣчь любимаго профессора. Студенты, внѣ себя отъ восторга, кричатъ, хлопаютъ, а она больше всѣхъ, потому что этотъ профессоръ ей такъ дорогъ, она такъ его любитъ... Это Іосифъ... Вы развѣ не видите, что это Іосифъ,—кричитъ она своимъ товарищамъ. И тѣ ей вѣрятъ и тоже кричатъ, что это Іосифъ, и еще больше хлопаютъ. Но вдругъ откуда-то является Анна, блѣдная-преблѣдная, и уводитъ Іосифа. Аудиторія пустѣетъ, отовсюду спускается мракъ и ее охватываетъ ужасъ.

Фрида проснулась съ крикомъ. Сердце у нея сильно билось, глаза смотрѣли съ удивленіемъ и страхомъ. Никогда еще ея утреннія грезы не кончались такъ мрачно. Когда она окончательно очнуласъ и убѣдилась, что это былъ не больше какъ сонъ, она улыбнулась и взглянула въ окно, чрезъ которое въ комнату врывался мягкій утренній свѣтъ. Какія нелѣпости придутъ въ голову. Это оттого, что она вчера такъ много думала о Іосифѣ. Его грустный, задумчивый видъ вызвалъ слезы у нея на глазахъ. Она воображала Іосифа счастливымъ, довольнымъ, а Анну сіяющею красотой. И что она увидѣла? Гдѣ же эта вольная, свободная жизнь, о которой ей такъ много толковали? Неужели все такъ кончается? Веселая улыбка сбѣжала съ юнаго лица Фриды, и она снова закрыла глаза въ надеждѣ прогнать мрачныя мысли и снова вызвать хоть одну изъ тѣхъ нѣжныхъ грезъ, уносящихъ ее въ міръ, въ которомъ лучи солнца сплетались съ цвѣтами радуги. Вдругъ от-

ворилась дверь и въ комнату вошла Хая. Фрида въ испугѣ открыла глаза и вскочила съ постели.

— Я заспалась... вѣроятно уже очень поздно...

— Нѣтъ, нѣтъ, Фридочка, еще не поздно, — ласково сказала Хая.—Я такъ зашла къ тебѣ. Іосифъ еще спитъ.

Хая усѣлась на краю узкой желѣзной кровати и съ нѣжностью взглянула на Фриду. Ей нравилась и рѣдкая красота Фриды, и нѣжный пушокъ на ея упругой бархатной кожѣ, и волна мягкихъ волосъ, и этотъ свѣтлый, жизнерадостный взглядъ большихъ лучистыхъ глазъ, въ которыхъ порой пробѣгали задумчивыя тѣни. Глядя на Фриду, Хая припоминала свою молодость и ей становилось на душѣ и легче и свѣтлѣе. Она пришла, очевидно, съ намѣреніемъ кое-что сказать Фридѣ, но почему-то не рѣшалась. Посидѣвъ нѣкоторое время молча, она встала, сказавъ:

— Пора бы и встать.

— Сію минуту, мамочка.

— А Іосифъ еще спитъ... — Чрезъ минуту она, какъ бы вскользь, прибавила:—Ну, какъ ты нашла Іосифа?

Фрида вся зардѣлась, и красивыя глаза ея овлажились слезами.

— О, мамочка, я его такъ люблю.

Лицо Хаи озарилось радостной улыбкой.

— Не находишь-ли ты, что онъ поблѣднѣлъ?

— Это только кажется. Онъ просто усталъ съ дороги.

— И я такъ думаю. Онъ у насъ скоро поправится. А вотъ Анна...

— Іосифъ говоритъ, что она была больна.

— Да, да...—И, какъ бы отвѣчая на собственныя мысли, Хая прибавила: — Вотъ потому-то ей и слѣдовало прямо заѣхать къ намъ. Какъ ни просторно у Лоренца, все же въ нашемъ домѣ лучше. Удивляюсь Іосифу.

Фриду этотъ вопросъ занималъ не меньше, чѣмъ Хаю.

— Это, вѣроятно, они устроили нарочно, чтобы не оби-

дѣть ни васъ, ни Лоренцовъ,—сказала, послѣ минутнаго раздумья, Фрида.

Хаѣ это объясненіе пришлось по душѣ и она крѣпко ухватилась за него.

— Ты у меня умница,—сказала она, положивъ руку на голову Фридѣ.—А все-таки я думаю поговорить съ Іосифомъ.

Фрида не успѣла отвѣтить, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ Іосифа. Хая вся вздрогнула и выбѣжала изъ комнаты, а Фрида стала быстро одѣваться.

Іосифъ былъ совсѣмъ одѣтъ, какъ будто онъ собирался уходить. Онъ имѣлъ разстроенный видъ и холодно поздоровался съ матерью. Онъ объяснилъ ей, что получилъ записку отъ Анны съ просьбой немедленно пріѣхать къ ней.

— Не заболѣла-ли она?

— Возможно, она такъ устала съ дороги.

Іосифъ самъ не зналъ, чѣмъ объяснить желаніе Анны видѣть его такъ рано, и мысленно дѣлалъ разныя предположенія.

Такъ какъ онъ очень спѣшилъ, то Хая рѣшила отложить объясненіе съ нимъ до его возвращенія и только просила, чтобы онъ скорѣе вернулся или далъ ей знать, что случилось съ Анной. Іосифъ обѣщалъ исполнить ея просьбу и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Но въ корридорѣ его ожидала Фрида. Она слышала весь разговоръ между Іосифомъ и Хаей и мысленно рѣшила предложить Іосифу свои услуги. Она подбѣжала къ нему и взяла его за руку.

— Іосифъ, не позволишь-ли мнѣ сопровождать тебя?

— Куда?—удивился Іосифъ.

— Туда, куда ты идешь...

— Я иду къ Аннѣ... къ женѣ, — поправился онъ и почему-то покраснѣлъ и смутился. Ему показалось, что большіе ясные глаза Фриды видятъ насквозь его душу и ему стало стыдно за свою ложь.

Фрида продолжала смотрѣть на него умоляющимъ в[illegible] домъ.

— Позволь мнѣ, Іосифъ, можетъ быть, что нибудь нужно будетъ.

Іосифъ пришелъ въ себя и ласково улыбнулся Фридѣ.

— Какой ты еще ребенокъ,—мягко проговорилъ онъ.— Оставайся пока дома, а когда нужно будетъ, я за тобой пришлю.

И онъ выбѣжалъ на улицу, даже не взглянувъ на Фриду, которая долго не двигалась съ мѣста, смущенная равнодушіемъ и холодностью Іосифа.

Анна ждала Іосифа въ пріемной. Какъ только онъ пришелъ, она взяла его за руку и молча увела въ свою комнату.

— Васъ, вѣроятно, напугала моя записка. Я это вижу по вашему лицу,—спокойнымъ и даже слегка шутливымъ тономъ сказала она.

Іосифъ молча глядѣлъ на Анну. Онъ никогда не видалъ ее такой. Она точно вся преобразилась, стала выше, прямѣе, черты лица приняли какое то безмятежное выраженіе, а глаза искрились таинственнымъ свѣтомъ. Она была чудно хороша, но это была красота сфинкса, недоступная пониманію человѣка.

— Такъ вы на меня не сердитесь,—тѣмъ же ровнымъ и спокойнымъ голосомъ проговорила она.

— Нѣтъ, нисколько. Но въ чемъ дѣло?

— Развѣ необходимо какое нибудь дѣло? Я просто такъ хотѣла васъ видѣть. Нѣтъ... нѣтъ, — поспѣшно поправилась она, видя недоумѣніе и тревогу на лицѣ Іосифа.—Я должна вамъ кое что сообщить. Только обѣщайте выслушать меня спокойно и, если возможно, исполнить мою просьбу.

— Вы говорите такими загадками, Анна, что невольно меня пугаете,—сказалъ въ волненіи Іосифъ.

— О, нисколько... сейчасъ я вамъ все объясню. Только вы все таки дайте мнѣ обѣщаніе исполнить мою просьбу.

— Не могу, Анна... Я долженъ знать въ чемъ дѣло. Вы знаете, что моя судьба крѣпко связана съ вашей.

— Вотъ этого то я и не признаю. Іосифъ, вы свободный

человѣкъ, у васъ по отношенію ко мнѣ нѣтъ никакихъ не только оффиціальныхъ, но и нравственныхъ обязанностей. Поэтому нелѣпо вамъ связывать свою судьбу съ моею. Вы еще такъ нужны для другихъ. для общественной дѣятельности. Къ тому же, еслибы даже мы оба этого захотѣли, это невозможно.

— Почему?—воскликнулъ Іосифъ.

— Не будемъ объ этомъ говорить... Вы во всякомъ случаѣ не виноваты.

— И вы не виноваты, Анна.

— Можетъ быть. Но дѣло теперь не въ этомъ. Вы должны отсюда уѣхать, Іосифъ.

— Я!

— Да, и если можно сейчасъ...

— Я васъ не понимаю, Анна. Ради Бога, говорите прямо и откровенно... Не скрывайте отъ меня ничего, Анна.

— Я и не думаю скрывать,—тихо улыбаясь, проговорила Анна.. — Повѣрьте я хлопочу не изъ личнаго эгоизма. Я только хочу убѣдить васъ...

— Чтобы я васъ здѣсь оставилъ...

— Да...

— Но почему же такая поспѣшность...

— Но вы не знаете въ чемъ дѣло... Этотъ человѣкъ здѣсь. Я его видѣла сегодня. Онъ цѣлый часъ наблюдалъ за нашимъ домомъ,—разпрашивалъ прислугу.

— Ага,—вырвалось у Іосифа... Но онъ тутъ же овладѣлъ собой и спокойно сказалъ:

— Вы правы, Анна. Поэтому намъ бы не слѣдовало терять времени и немедленно же удалиться отсюда. Довѣрьтесь мнѣ, какъ тогда...

— Нѣтъ это невозможно. Я рѣшила иначе.

— Какже?

— Чтобы вы немедленно уѣхали.

— А вы, чтобы остались.

— У меня цѣлый планъ.

— Хорошо, такъ сообщите его мнѣ.

Онъ приблизился къ ней и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза. Но взглядъ этихъ глазъ поразилъ его и заставилъ его содрогнуться.

— Анна, что вы затѣваете,—воскликнулъ онъ, охваченный невыразимымъ ужасомъ.

Она стояла предъ нимъ тихая, сосредоточенная, съ выраженіемъ человѣка, безповоротно отрѣшившагося отъ своего настоящаго и мысленно ушедшаго въ невѣдомое, но свѣтлое будущее. Ни тѣни земного, ни слѣда душевныхъ страстей. Невольное оцѣпенѣніе овладѣло Іосифомъ.

Взглядъ Анны парализовалъ его и какъ бы заставлялъ его подчиниться ея волѣ. Вдругъ лицо ея освѣтилось, глаза вспыхнули страстнымъ огнемъ, и не успѣлъ Іосифъ сдѣлать движенія, какъ она опустилась предъ нимъ на колѣни.

— Прости меня, прости, Іосифъ. Я люблю тебя... Всегда тебя любила. Не думай обо мнѣ скверно. Я стремилась къ истинѣ, какъ и ты... Но если я заблудилась...

Въ это мгновеніе на улицѣ раздался какой то глухой шумъ. Анна вскочила и подбѣжала къ окну.

— Уходи Іосифъ, умоляю тебя... Именемъ моей любви къ тебѣ умоляю тебя...

— Вмѣстѣ съ тобой... И, схвативъ Анну за руку, Іосифъ повлекъ ее за собой къ внутреннимъ дверямъ. Но вдругъ Анна, какъ пластъ, опустилась на полъ. Іосифъ въ ужасѣ выпустилъ ея похолодѣвшіе пальцы и нагнулся къ ней. Его поразилъ неподвижный, какъ бы застывшій взглядъ ея за мгновеніе предъ тѣмъ умоляющихъ глазъ. Что это такое? Въ недоумѣніи онъ оглянулся. Предъ нимъ стоялъ человѣкъ, на котораго намекала Анна, а за его спиной виднѣлось еще нѣсколько незнакомыхъ ему лицъ. Во всемъ домѣ стоялъ какой то странный шумъ.

— Умерла... какъ жаль... ну нечего дѣлать.

Смерть, неужели это смерть, мелькнуло въ умѣ Іосифа, и онъ снова нагнулся къ самому лицу Анны, какъ бы желая постигнуть тайну совершившагося. На этотъ разъ видъ Анны не показался ему страшнымъ. Напротивъ, что то тихое, всепрощающее скользило по этимъ блѣднымъ, похолодѣвшимъ чертамъ, и чѣмъ больше онъ смотрѣлъ на нее, тѣмъ легче постигалъ онъ ту тайну, которая вначалѣ его такъ поразила, и тѣмъ легче становилось у него на душѣ. Такъ прошло нѣсколько секундъ, пока онъ не почувствовалъ на своемъ плечѣ чье то прикосновеніе. Онъ быстро обернулся и взглядъ его упалъ на незнакомаго ему господина.

— Прошу васъ слѣдовать за мной.

Іосифъ безпрекословно повиновался.

С. Ярошевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СВЯТОЙ ГОСПОДИНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ЭПОХИ ФРАНКИСТОВЪ.

Фердинанда Дифенбаха.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(*Окончаніе* [1]).

XVIII.

Тайны Бѣлаго дворца.

Первые дни послѣ смерти Франка, въ которые своды стараго Изенбергскаго замка оглашались еврейскими и польскими плачевными пѣснями, Ева провела въ своей комнатѣ въ полномъ уединеніи. Вѣрующіе желали видѣть ее, чтобы присягнуть ей на вѣрность, такъ какъ они считали ее теперь главой и пророчицей общины, но она никого не допускала къ себѣ.

Одинъ только старый, слѣпой камердинеръ Франка, Иванъ, оглашавшій всѣ покои своими громкими причитаньями и требовавшій, чтобы его свели къ пророчицѣ, былъ, наконецъ, допущенъ къ ней.

— Слава тебѣ, госпожа, слава тебѣ, Эмуна! — промолвилъ онъ входя, и упалъ къ ногамъ Евы.

— Встань,—сказала она.—Скажи, что тебѣ нужно отъ меня?

— Не покидай насъ, госпожа,—отвѣчалъ Иванъ.—Ты велика и могущественна. Ты наша защитница и пророчица. Что мы значимъ безъ тебя!

---

[1] См. „Восходъ“, кн. VI.

— Прежде чѣмъ говорить объ этомъ,—сказала Ева,—отвѣчай чистосердечно на мои вопросы. Накажи тебя гнѣвъ Божій, если ты солжешь! Поклянись, что ты отвѣтишь мнѣ чистую правду.

— Клянусь!

— Тебѣ извѣстна тайна моего рожденія. Самъ пророкъ открылъ мнѣ, умирая, что я дочь принцессы. Какимъ же способомъ я попала въ ваши руки?

— Охъ!—вздохнулъ Иванъ.—Давно ужъ это было! Дай мнѣ подумать, чтобы хорошенько припомнить, какъ все произошло.

— Вотъ стулъ. Сядь и подумай,—сказала Ева.

Старикъ сѣлъ и, склонивъ голову, какъ человѣкъ, припоминающій далекое прошлое, началъ:

— Скоро тридцать три года, какъ все это было. Святой господинъ проживалъ въ ту пору въ городѣ С. и принцесса нерѣдко возлагала на него важныя секретныя порученія. Разъ ночью камерфрау ея, Анна, разбудила святого господина и меня, и приказала намъ тотчасъ идти въ Бѣлый дворецъ. Она пояснила намъ, что принцесса ждетъ разрѣшенія отъ бремени и что будущаго ребенка ея нужно во чтобы то ни стало скрыть отъ глазъ принца. „Вы должны взять это на себя, — сказала Анна святому господину.—Пускай ребенокъ растетъ на попеченіяхъ вашей жены, пока принцесса не получитъ возможности располагать своей судьбой".

Иванъ помолчалъ немного и потомъ продолжалъ:

— Пророкъ спросилъ свою жену, согласна-ли она взять къ себѣ чужое дитя и, получивъ ея согласіе, объявилъ, что онъ готовъ исполнить волю принцессы. Мы отправились въ путь. Ночь была зимняя, страшно морозная. Рѣзкій восточный вѣтеръ гулялъ по улицамъ, захватывая духъ у человѣка. Ухъ! Какая это была ночь! Вспомнить страшно. Какъ ни быстро мчались сани, въ которыхъ пріѣхала за нами камерфрау, но путь до Бѣлаго дворца казался намъ безконечнымъ.

— Позволь мнѣ, Іосифъ, можетъ быть, что нибудь нужно будетъ.

Іосифъ пришелъ въ себя и ласково улыбнулся Фридѣ.

— Какой ты еще ребенокъ,—мягко проговорилъ онъ.— Оставайся пока дома, а когда нужно будетъ, я за тобой пришлю.

И онъ выбѣжалъ на улицу, даже не взглянувъ на Фриду, которая долго не двигалась съ мѣста, смущенная равнодушіемъ и холодностью Іосифа.

Анна ждала Іосифа въ пріемной. Какъ только онъ пришелъ, она взяла его за руку и молча увела въ свою комнату.

— Васъ, вѣроятно, напугала моя записка. Я это вижу по вашему лицу,—спокойнымъ и даже слегка шутливымъ тономъ сказала она.

Іосифъ молча глядѣлъ на Анну. Онъ никогда не видалъ ее такой. Она точно вся преобразилась, стала выше, прямѣе, черты лица приняли какое то безмятежное выраженіе, а глаза искрились таинственнымъ свѣтомъ. Она была чудно хороша, но это была красота сфинкса, недоступная пониманію человѣка.

— Такъ вы на меня не сердитесь,—тѣмъ же ровнымъ и спокойнымъ голосомъ проговорила она.

— Нѣтъ, нисколько. Но въ чемъ дѣло?

— Развѣ необходимо какое нибудь дѣло? Я просто такъ хотѣла васъ видѣть. Нѣтъ... нѣтъ, — поспѣшно поправилась она, видя недоумѣніе и тревогу на лицѣ Іосифа.—Я должна вамъ кое что сообщить. Только обѣщайте выслушать меня спокойно и, если возможно, исполнить мою просьбу.

— Вы говорите такими загадками, Анна, что невольно меня пугаете,—сказалъ въ волненіи Іосифъ.

— О, нисколько... сейчасъ я вамъ все объясню. Только вы все таки дайте мнѣ обѣщаніе исполнить мою просьбу.

— Не могу, Анна... Я долженъ знать въ чемъ дѣло. Вы знаете, что моя судьба крѣпко связана съ вашей.

— Вотъ этого то я и не признаю. Іосифъ, вы свободный

человѣкъ, у васъ по отношенію ко мнѣ нѣтъ никакихъ не только оффиціальныхъ, но и нравственныхъ обязанностей. Поэтому нелѣпо вамъ связывать свою судьбу съ моею. Вы еще такъ нужны для другихъ. для общественной дѣятельности. Къ тому же, еслибы даже мы оба этого захотѣли, это невозможно.

— Почему?—воскликнулъ Іосифъ.

— Не будемъ объ этомъ говорить... Вы во всякомъ случаѣ не виноваты.

— И вы не виноваты, Анна.

— Можетъ быть. Но дѣло теперь не въ этомъ. Вы должны отсюда уѣхать, Іосифъ.

— Я!

— Да, и если можно сейчасъ...

— Я васъ не понимаю, Анна. Ради Бога, говорите прямо и откровенно... Не скрывайте отъ меня ничего, Анна.

— Я и не думаю скрывать,—тихо улыбаясь, проговорила Анна.. — Повѣрьте я хлопочу не изъ личнаго эгоизма. Я только хочу убѣдить васъ...

— Чтобы я васъ здѣсь оставилъ...

— Да...

— Но почему же такая поспѣшность...

— Но вы не знаете въ чемъ дѣло... Этотъ человѣкъ здѣсь. Я его видѣла сегодня. Онъ цѣлый часъ наблюдалъ за нашимъ домомъ,—разпрашивалъ прислугу.

— Ага,—вырвалось у Іосифа... Но онъ тутъ же овладѣлъ собой и спокойно сказалъ:

— Вы правы, Анна. Поэтому намъ бы не слѣдовало терять времени и немедленно же удалиться отсюда. Довѣрьтесь мнѣ, какъ тогда...

— Нѣтъ это невозможно. Я рѣшила иначе.

— Какже?

— Чтобы вы немедленно уѣхали.

— А вы, чтобы остались.

ворилась дверь и въ комнату вошла Хая. Фрида въ испугѣ открыла глаза и вскочила съ постели.

— Я заспалась... вѣроятно уже очень поздно...

— Нѣтъ, нѣтъ, Фридочка, еще не поздно,—ласково сказала Хая.—Я такъ зашла къ тебѣ. Іосифъ еще спитъ.

Хая усѣлась на краю узкой желѣзной кровати и съ нѣжностью взглянула на Фриду. Ей нравилась и рѣдкая красота Фриды, и нѣжный пушокъ на ея упругой бархатной кожѣ, и волна мягкихъ волосъ, и этотъ свѣтлый, жизнерадостный взглядъ большихъ лучистыхъ глазъ, въ которыхъ порой пробѣгали задумчивыя тѣни. Глядя на Фриду, Хая припоминала свою молодость и ей становилось на душѣ и легче и свѣтлѣе. Она пришла, очевидно, съ намѣреніемъ кое-что сказать Фридѣ, но почему-то не рѣшалась. Посидѣвъ нѣкоторое время молча, она встала, сказавъ:

— Пора бы и встать.

— Сію минуту, мамочка.

— А Іосифъ еще спитъ... — Чрезъ минуту она, какъ бы вскользь, прибавила:—Ну, какъ ты нашла Іосифа?

Фрида вся зардѣлась, и красивые глаза ея овлажились слезами.

— О, мамочка, я его такъ люблю.

Лицо Хаи озарилось радостной улыбкой.

— Не находишь-ли ты, что онъ поблѣднѣлъ?

— Это только кажется. Онъ просто усталъ съ дороги.

— И я такъ думаю. Онъ у насъ скоро поправится. А вотъ Анна...

— Іосифъ говоритъ, что она была больна.

— Да, да...—И, какъ бы отвѣчая на собственныя мысли, Хая прибавила: — Вотъ потому-то ей и слѣдовало прямо заѣхать къ намъ. Какъ ни просторно у Лоренца, все же въ нашемъ домѣ лучше. Удивляюсь Іосифу.

Фриду этотъ вопросъ занималъ не меньше, чѣмъ Хаю.

— Это, вѣроятно, они устроили нарочно, чтобы не оби-

дѣть ни васъ, ни Лоренцовъ,—сказала, послѣ минутнаго раздумья, Фрида.

Хаѣ это объясненіе пришлось по душѣ и она крѣпко ухватилась за него.

— Ты у меня умница,—сказала она, положивъ руку на голову Фридѣ.—А все-таки я думаю поговорить съ Іосифомъ.

Фрида не успѣла отвѣтить, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ Іосифа. Хая вся вздрогнула и выбѣжала изъ комнаты, а Фрида стала быстро одѣваться.

Іосифъ былъ совсѣмъ одѣтъ, какъ будто онъ собирался уходить. Онъ имѣлъ разстроенный видъ и холодно поздоровался съ матерью. Онъ объяснилъ ей, что получилъ записку отъ Анны съ просьбой немедленно пріѣхать къ ней.

— Не заболѣла-ли она?

— Возможно, она такъ устала съ дороги.

Іосифъ самъ не зналъ, чѣмъ объяснить желаніе Анны видѣть его такъ рано, и мысленно дѣлалъ разныя предположенія.

Такъ какъ онъ очень спѣшилъ, то Хая рѣшила отложить объясненіе съ нимъ до его возвращенія и только просила, чтобы онъ скорѣе вернулся или далъ ей знать, что случилось съ Анной. Іосифъ обѣщалъ исполнить ея просьбу и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Но въ корридорѣ его ожидала Фрида. Она слышала весь разговоръ между Іосифомъ и Хаей и мысленно рѣшила предложить Іосифу свои услуги. Она подбѣжала къ нему и взяла его за руку.

— Іосифъ, не позволишь-ли мнѣ сопровождать тебя?

— Куда?—удивился Іосифъ.

— Туда, куда ты идешь...

— Я иду къ Аннѣ... къ женѣ, — поправился онъ и почему-то покраснѣлъ и смутился. Ему показалось, что большіе ясные глаза Фриды видятъ насквозь его душу и ему стало стыдно за свою ложь.

Фрида продолжала смотрѣть на него умоляющимъ взглядомъ.

— У меня цѣлый планъ.

— Хорошо, такъ сообщите его мнѣ.

Онъ приблизился къ ней и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза. Но взглядъ этихъ глазъ поразилъ его и заставилъ его содрогнуться.

— Анна, что вы затѣваете,—воскликнулъ онъ, охваченный невыразимымъ ужасомъ.

Она стояла предъ нимъ тихая, сосредоточенная, съ выраженіемъ человѣка, безповоротно отрѣшившагося отъ своего настоящаго и мысленно ушедшаго въ невѣдомое, но свѣтлое будущее. Ни тѣни земного, ни слѣда душевныхъ страстей. Невольное оцѣпенѣніе овладѣло Іосифомъ.

Взглядъ Анны парализовалъ его и какъ бы заставлялъ его подчиниться ея волѣ. Вдругъ лицо ея освѣтилось, глаза вспыхнули страстнымъ огнемъ, и не успѣлъ Іосифъ сдѣлать движенія, какъ она опустилась предъ нимъ на колѣни.

— Прости меня, прости, Іосифъ. Я люблю тебя... Всегда тебя любила. Не думай обо мнѣ скверно. Я стремилась къ истинѣ, какъ и ты... Но если я заблудилась...

Въ это мгновеніе на улицѣ раздался какой то глухой шумъ. Анна вскочила и подбѣжала къ окну.

— Уходи Іосифъ, умоляю тебя... Именемъ моей любви къ тебѣ умоляю тебя...

— Вмѣстѣ съ тобой... И, схвативъ Анну за руку, Іосифъ повлекъ ее за собой къ внутреннимъ дверямъ. Но вдругъ Анна, какъ пластъ, опустилась на полъ. Іосифъ въ ужасѣ выпустилъ ея похолодѣвшіе пальцы и нагнулся къ ней. Его поразилъ неподвижный, какъ бы застывшій взглядъ ея за мгновеніе предъ тѣмъ умоляющихъ глазъ. Что это такое? Въ недоумѣніи онъ оглянулся. Предъ нимъ стоялъ человѣкъ, на котораго намекала Анна, а за его спиной виднѣлось еще нѣсколько незнакомыхъ ему лицъ. Во всемъ домѣ стоялъ какой то странный шумъ.

— Умерла... какъ жаль... ну нечего дѣлать.

— Прежде чѣмъ говорить объ этомъ,—сказала Ева,—отвѣчай чистосердечно на мои вопросы. Накажи тебя гнѣвъ Божій, если ты солжешь! Поклянись, что ты отвѣтишь мнѣ чистую правду.

— Клянусь!

— Тебѣ извѣстна тайна моего рожденія. Самъ пророкъ открылъ мнѣ, умирая, что я дочь принцессы. Какимъ же способомъ я попала въ ваши руки?

— Охъ!—вздохнулъ Иванъ.—Давно ужъ это было! Дай мнѣ подумать, чтобы хорошенько припомнить, какъ все произошло.

— Вотъ стулъ. Сядь и подумай,—сказала Ева.

Старикъ сѣлъ и, склонивъ голову, какъ человѣкъ, припоминающій далекое прошлое, началъ:

— Скоро тридцать три года, какъ все это было. Святой господинъ проживалъ въ ту пору въ городѣ С. и принцесса нерѣдко возлагала на него важныя секретныя порученія. Разъ ночью камерфрау ея, Анна, разбудила святого господина и меня, и приказала намъ тотчасъ идти въ Бѣлый дворецъ. Она пояснила намъ, что принцесса ждетъ разрѣшенія отъ бремени и что будущаго ребенка ея нужно во чтобы то ни стало скрыть отъ глазъ принца „Вы должны взять это на себя, — сказала Анна святому господину.—Пускай ребенокъ растетъ на попеченіяхъ вашей жены, пока принцесса не получитъ возможности располагать своей судьбой“.

Иванъ помолчалъ немного и потомъ продолжалъ:

— Пророкъ спросилъ свою жену, согласна-ли она взять къ себѣ чужое дитя и, получивъ ея согласіе, объявилъ, что онъ готовъ исполнить волю принцессы. Мы отправились въ путь. Ночь была зимняя, страшно морозная. Рѣзкій восточный вѣтеръ гулялъ по улицамъ, захватывая духъ у человѣка. Ухъ! Какая это была ночь! Вспомнить страшно. Какъ ни быстро мчались сани, въ которыхъ пріѣхала за нами камерфрау, но путь до Бѣлаго дворца казался намъ безконечнымъ.

СВЯТОЙ ГОСПОДИНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ЭПОХИ ФРАНКИСТОВЪ.

Фердинанда Дифенбаха.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(*Окончаніе* [1]).

XVIII.

Тайны Бѣлаго дворца.

Первые дни послѣ смерти Франка, въ которые своды стараго Изенбергскаго замка оглашались еврейскими и польскими плачевными пѣснями, Ева провела въ своей комнатѣ въ полномъ уединеніи. Вѣрующіе желали видѣть ее, чтобы присягнуть ей на вѣрность, такъ какъ они считали ее теперь главой и пророчицей общины, но она никого не допускала къ себѣ.

Одинъ только старый, слѣпой камердинеръ Франка, Иванъ, оглашавшій всѣ покои своими громкими причитаньями и требовавшій, чтобы его свели къ пророчицѣ, былъ, наконецъ, допущенъ къ ней.

— Слава тебѣ, госпожа, слава тебѣ, Эмуна! — промолвилъ онъ входя, и упалъ къ ногамъ Евы.

— Встань,—сказала она.—Скажи, что тебѣ нужно отъ меня?

— Не покидай насъ, госпожа,—отвѣчалъ Иванъ.—Ты велика и могущественна. Ты наша защитница и пророчица. Что мы значимъ безъ тебя!

---

[1] См. „Восходъ", кн. VI.

— Прежде чѣмъ говорить объ этомъ,—сказала Ева,—отвѣчай чистосердечно на мои вопросы. Накажи тебя гнѣвъ Божій, если ты солжешь! Поклянись, что ты отвѣтишь мнѣ чистую правду.

— Клянусь!

— Тебѣ извѣстна тайна моего рожденія. Самъ пророкъ открылъ мнѣ, умирая, что я дочь принцессы. Какимъ же способомъ я попала въ ваши руки?

— Охъ!—вздохнулъ Иванъ.—Давно ужъ это было! Дай мнѣ подумать, чтобы хорошенько припомнить, какъ все произошло.

— Вотъ стулъ. Сядь и подумай,—сказала Ева.

Старикъ сѣлъ и, склонивъ голову, какъ человѣкъ, припоминающій далекое прошлое, началъ:

— Скоро тридцать три года, какъ все это было. Святой господинъ проживалъ въ ту пору въ городѣ С. и принцесса нерѣдко возлагала на него важныя секретныя порученія. Разъ ночью камерфрау ея, Анна, разбудила святого господина и меня, и приказала намъ тотчасъ идти въ Бѣлый дворецъ. Она пояснила намъ, что принцесса ждетъ разрѣшенія отъ бремени и что будущаго ребенка ея нужно во чтобы то ни стало скрыть отъ глазъ принца „Вы должны взять это на себя, — сказала Анна святому господину.—Пускай ребенокъ растетъ на попеченіяхъ вашей жены, пока принцесса не получитъ возможности располагать своей судьбой“.

Иванъ помолчалъ немного и потомъ продолжалъ:

— Пророкъ спросилъ свою жену, согласна-ли она взять къ себѣ чужое дитя и, получивъ ея согласіе, объявилъ, что онъ готовъ исполнить волю принцессы. Мы отправились въ путь. Ночь была зимняя, страшно морозная. Рѣзкій восточный вѣтеръ гулялъ по улицамъ, захватывая духъ у человѣка. Ухъ! Какая это была ночь! Вспомнить страшно. Какъ ни быстро мчались сани, въ которыхъ пріѣхала за вами камерфрау, но путь до Бѣлаго дворца казался намъ безконечнымъ.

Старикъ опять замолчалъ и Ева, слушавшая съ напряженнымъ вниманіемъ, старалась подавить свое любопытство.

— Въ натопленномъ дворцѣ мы скоро отогрѣлись,—продолжалъ старикъ.—Анна привела насъ къ постели принцессы, возлѣ которой мы нашли повивальную бабку. Мы дали слово, что будемъ заботиться о ребенкѣ, и принцесса обѣщала святому господину щедрое денежное обезпеченіе. „Я предписала выдать вамъ изъ моей казны десять тысячъ дукатовъ“,—сказала она.—Тѣмъ временемъ у главныхъ воротъ дворца раздалась команда и забили барабаны. „Уходите скорѣе! Принцъ идетъ!“—прибавила принцесса.—Камерфрау спрятала насъ въ одномъ изъ боковыхъ кабинетовъ, а повивальную бабку въ другомъ, и вскорѣ мы услыхали голосъ принца. Онъ говорилъ невнятно, отрывисто и языкъ его заплетался. Онъ былъ пьянъ. Принцесса шутливо разговаривала съ нимъ.

„Милосердый Боже! Какъ намъ выжить его отсюда?“—говорила Анна.

„Я сейчасъ поѣду и подожгу нашъ домъ,—рѣшилъ мужъ ея, придворный камеръ-лакей.—Принцъ не пропускаетъ ни одного пожара. Услыхавъ набатъ, онъ тотчасъ помчится туда, гдѣ горитъ“. Камеръ-лакей жилъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ кварталовъ. Между тѣмъ до насъ продолжалъ доноситься крикливый говоръ принца и замѣтно слабѣющій голосъ принцессы. Она часто молчала и мы ежеминутно ожидали, что тайна откроется. Но вдругъ мы услыхали рѣзкій звонъ набата на колокольнѣ церкви св. Павла. На улицахъ забили барабаны и со всѣхъ сторонъ раздались крики: „Пожаръ! Пожаръ!“ Шумъ возрасталъ съ каждой секундой.

„Пожаръ! — крикнулъ принцъ. — Прощай жена, меня призываетъ долгъ!“

„Не выѣзжай въ такую морозную ночь! — проговорила прин-

цесса.—Побереги себя для твоей страны, которая видитъ въ тебѣ свое счастье и благословеніе!"

„Великій государь долженъ быть тамъ, гдѣ грозитъ опасность,—торжественно молвилъ принцъ.—Прощай!"

Едва онъ вышелъ изъ спальни, какъ туда вошла повивальная бабка. Внизу еще слышался командующій голосъ принца, когда въ смежной съ нами комнатѣ уже происходили роды. Призвали священника и намъ пришлось присутствовать при крещеніи. У меня еще и теперь передъ глазами маленькая дѣтская головка съ черными волосиками и умными глазками. Когда обрядъ крещенія кончился, принцесса надѣла на шею ребенка золотую цѣпочку съ медальономъ, на крышкѣ котораго были вырѣзаны иниціалы новорожденной E. R. и корона. E означало твое имя „Ева", а R—начальную букву твоей фамиліи. Послѣ этого принцесса долго еще цѣловала и ласкала тебя, пока прекратившійся шумъ на улицѣ не заставилъ опасаться скораго возвращенія принца. Тогда намъ велѣно было унести тебя. „Прощай дитя,—сказала твоя мать.—Да хранитъ тебя Богъ!"

Ева была глубоко тронута разсказомъ стараго слуги, и по щекамъ ея струились слезы. Иванъ умолкъ. Немного погодя, Ева, овладѣвъ собою, попросила его продолжать.

— Сани быстро привезли насъ домой, но дитя, хотя и завернутое въ теплую шубу, едва не замерзло въ такую морозную ночь. Намъ удалось, однако, отогрѣть его и оно мирно заснуло въ теплой комнатѣ. При пробужденіи, для него уже была готова кормилица.

— Такъ ты и росла у насъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого событія, весной 1762 г., святой господинъ уѣхалъ съ женой и съ тобой въ Турцію, въ Никополь, куда его призывали вѣрующіе. Я остался въ городѣ С. Въ это время произошелъ переворотъ. Принцъ умеръ и на престолъ вступила принцесса. Она тогда вспомнила о тебѣ и спросила свою камерфрау: „А гдѣ моя

дочь?“ Та бросилась искать святаго господина, но оказалось, что онъ уѣхалъ. Принцесса пришла въ отчаяніе отъ исчезновенія своей дочери и употребляла всѣ мѣры, чтобы найти тебя. Меня послали въ Никополь къ святому господину, но когда я прибылъ туда, онъ уже былъ уѣхавши въ Салоники. Я поѣхалъ туда, но и тамъ не засталъ его. Съ трудомъ удалось мнѣ напасть на его слѣдъ, но когда я нашелъ его, у принцессы уже явились причины не желать открытія тайны твоего рожденія. Тогда тебя отвезли въ Подолію, и я полагаю, что въ городѣ С. уже позабыли о твоемъ существованіи, или считаютъ тебя умершей.

Ева не могла прійти въ себя отъ столь различныхъ впечатлѣній, разомъ нахлынувшихъ на нее. Передъ нею разоблачилась вся сѣть опутывавшихъ ее интригъ. Ее лишили обманомъ всего, что у нея было: состоянія, общественнаго положенія, отца и матери. Долго не могла она собраться съ мыслями послѣ открытій, сдѣланныхъ Иваномъ.

— Зачѣмъ же вы все время скрывали отъ меня мое происхожденіе? Зачѣмъ дурачили меня вашими жалкими баснями?

— Такъ приказалъ святой господинъ,—спокойно отвѣчалъ Иванъ.

Ясно было, что этотъ человѣкъ, находившійся въ рабскомъ повиновеніи у своего господина, какъ и всѣ послѣдователи Франка, служилъ только однимъ изъ презрѣнныхъ пособниковъ обмана, жертвой котораго сдѣлалась Ева. Противъ главнаго виновника этого обмана месть ея уже была безсильна. Вмѣсто того, чтобы воспитать добросовѣстно, онъ заставилъ ее участвовать въ гнусной комедіи и увлекъ на путь, который привелъ ее къ погибели. Но какъ могло случиться, что принцесса ввѣрила судьбу своей дочери подобному человѣку? спрашивала она себя, и у нея невольно сорвался вопросъ:

— Скажи, Иванъ, не извѣстно-ли тебѣ, чѣмъ заслужилъ мой покойный опекунъ довѣріе принцессы?

— Покойный господинъ мой пользовался ея расположеніемъ, потому что доносилъ ей о планахъ ея враговъ. Онъ открывалъ ей ихъ тайныя намѣренія, служилъ ея невидимымъ окомъ и ухомъ.

— Стало быть, онъ былъ шпіонъ?

— Хотя это слово и некрасиво, но святаго господина дѣйствительно можно было такъ назвать.

Ева задумалась о своемъ прошломъ. Она сознавала, что во многомъ она была сама виновата. Задѣтое самолюбіе и подозрѣніе, что она потеряла довѣріе своего добраго друга, графини Любомірской, побудили ее покинуть ее и вернуться къ своему пріемному отцу. Но что, какъ не ея неопытность, не суевѣріе ея времени и не та сѣть интригъ, которая опутала ея съ дѣтства, было главной виной ея ложнаго шага? Какимъ людямъ была ввѣрена ея судьба? Обманщикамъ, авантюристамъ, шпіонамъ, которыхъ она считала людьми святыми, избранными, пока глаза ея не открылись. Люди эти пользовались тайной, окружавшей ея личность, для выманиванья денегъ и сдѣлали ее самое пособницей своихъ религіозныхъ фиглярствъ, — мало того, отвели ей первенствующую роль въ той комедіи, которая разыгрывалась ими въ Оффенбахѣ. Она была кругомъ обманута и одурачена; она была безотчетно вовлечена въ ложь, которую сама долго принимала за правду, отуманенная чадомъ суевѣрія, наполнявшимъ всю атмосферу, среди которой она жила.

Что ей остается дѣлать, чтобы вырваться изъ этой атмосферы? Попытаться-ли воззвать къ своей матери въ надеждѣ, что эта властная женщина протянетъ ей руку помощи и исторгнетъ ее изъ печальнаго положенія? Ева не знала на что рѣшиться. Надо было еще взвѣсить, здраво обсудить всѣ эти вопросы. Одно только было ясно для нея: это то, что она сама должна сдѣлать первый шагъ, чтобы выйти изъ того сообщества, въ которомъ она находилась; развязаться съ сектантами, среди которыхъ она жила, и перейти въ болѣе чистую, незараженную атмосферу.

лена между Россіей, Пруссіей и Австріей. Что ему было дѣлать? Куда идти? Тогда имъ снова овладѣли воспоминанія молодости, а отъ всего, что было ему когда-то дорого, оставалась одна Ева. Станиславъ отправился въ Германію съ намѣреніемъ отыскать ее въ Оффенбахѣ.

Пріѣздъ загорѣлаго и загрубѣлаго въ лагерной жизни гостя видимо наполнилъ Еву радостнымъ волненіемъ.

— Ева,—сказалъ Станиславъ,—ты видишь я опять передъ тобою. Можетъ быть, твои намѣренія измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я впервые нашелъ тебя здѣсь?..

— Ты думаешь?—возразила она.—Я вижу, что ты не измѣнился. Ты остаешься вѣренъ тому идеалу, который ты поставилъ цѣлью своей жизни. Но обо мнѣ нельзя сказать того же.

— Напрасно ты обвиняешь себя передо мною, Ева. Я знаю твою вину, но знаю и то, какая огромная доля ея падаетъ на тѣхъ, кто выбросилъ тебя въ жизнь безъ опоры и защиты. Я одинокъ на свѣтѣ; все, что я любилъ и цѣнилъ, отнято у меня. Отецъ и мать въ могилѣ; король Станиславъ-Августъ живетъ въ Гроднѣ въ изгнаніи; славная родина моя вырвана изъ среды державъ и все, что было мнѣ дорого, погибло. Одна ты остаешься для меня послѣднимъ воспоминаніемъ о свѣтломъ, счастливомъ прошломъ.

— Но вѣдь и я погибшій, заблудшій человѣкъ,—возразила Ева.—Чего ты хочешь отъ меня? Или ты думаешь, что узы, связывавшіе насъ когда то въ Варшавѣ, могутъ снова скрѣпиться? Но развѣ могу я теперь подойти къ тебѣ съ прежнимъ открытымъ довѣрчивымъ чувствомъ? Вѣдь ты самъ вскорѣ отвернешься отъ меня. Подумай, что ты будешь дѣлать со мною? Жениться на мнѣ?—На мнѣ, выброшенной при рожденіи дочери принцессы, на жрицѣ еврейскихъ сектантовъ!

Ева захохотала.

Станиславъ содрогнулся. До этой минуты онъ не отдавалъ

«если для пользы евреевъ-земледѣльцевъ м-во гос. имущ. признало бы необходимымъ освободить отъ рекрутской повинности такія, состоявшія на очереди, семейства, которымъ переходъ въ земледѣльцы разрѣшенъ былъ еще до объявленія набора и которыя, на семъ основаніи, предприняли уже переселеніе, то онъ, Ланской, не встрѣчалъ къ тому препятствія, но съ тѣмъ, «чтобы для соблюденія должной справедливости и въ отношеніи къ обществамъ, изъ коихъ выбывали переселенцы, слѣдовавшій съ нихъ рекрутъ зачислялся обществу, что со введеніемъ жеребьевой системы не представило бы особыхъ затрудненій».

Во всякомъ случаѣ, Ланской предложилъ свое мнѣніе о срокѣ льготъ принять лишь на будущее время, а по дѣламъ прежняго времени, по коимъ возникли какія-либо сомнѣнія, остававшіяся не разрѣшенными,—рекомендовалъ предоставить мѣстнымъ начальствамъ войти съ особыми представленіями, съ подробнымъ изложеніемъ данныхъ, на которыхъ могли бы быть основаны соображенія о справедливости присвоенія евреямъ льготъ, начиная съ того, или другого срока.

Заключеніе Ланскаго раздѣлялъ и министръ финансовъ, такъ что недоразумѣніе, казалось бы, окончательно выяснилось по всѣмъ тремъ вѣдомствамъ. Тѣмъ не менѣе 4 года спустя (въ январѣ 1850 года) м-ръ вн. дѣлъ, согласно запросу м-ра финансовъ, просилъ уже заключеніе м-ра гос. имущ. опять «по неясности», о томъ: съ какого времени евреямъ западныхъ губерній надлежало предоставить льготы, т. е. со времени ли перехода ихъ въ мѣста поселенія, или со времени окончательнаго причисленія къ состоянію земледѣльцевъ, равно должны ли были воспользоваться льготою отъ рекрутства такія еврейскія семейства, которыя до окончательнаго перечисленія въ земледѣльцы, подлежали по очереди рекрутской повинности. Киселевъ отвѣчалъ графу Перовскому, что слѣдовало считать льготы со времени причисленія ихъ въ земледѣльцы, причемъ съ этимъ заключеніемъ вновь согласились м-ры вн. дѣлъ и финансовъ, а послѣдній разъяснилъ это подольской казенной палатѣ, возбудившей сомнѣніе.

Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, по вопросу объ освобожденіи нѣсколькихъ семействъ евреевъ-земледѣль-

— Это невозможно!

— Отчего?

— Но если ты не можешь отдать мнѣ свою руку, то сопровождай меня, какъ другъ; позволь мнѣ доставить тебѣ убѣжище, покой.

— Не надо.

— Ты и на это не согласна?

— Нѣтъ. Выслушай меня, Станиславъ. Помнишь ли ты, какъ мы восхищались съ тобою въ Дрезденѣ чудными произведеніями искусствъ? Помнишь, какъ мы стояли передъ удивительной картиной Рибейра, изображающей Марію Египетскую, молящуюся передъ своимъ гробомъ?..

— Да, помню; но что ты хочешь этимъ сказать?

— Я не думала тогда, что между мною и этой картиной можетъ явиться какая-нибудь связь. Марія была царская дочь, погрязшая въ грѣхахъ. Когда въ ней заговорила совѣсть, она ушла въ пустыню, питалась кореньями, пока вся одежда ея не истлѣла. Когда пробилъ ея смертный часъ, ангелъ простеръ надъ нею покровъ милосердія. Я буду ждать здѣсь моего ангела.

Станиславъ былъ глубоко потрясенъ.

— Но Марія Египетская жила среди блеска и роскоши, — сказалъ онъ наконецъ, — ты же была выброшена твоею матерью въ среду изувѣровъ и оставалась покинутой и безпомощной.

— Отъ этого я не лучше,—возразила она.

Станиславъ съ трудомъ подавлялъ свое волненіе. Онъ чувствовалъ, что Ева права, что надежды на счастье не остается никакой, и спѣшилъ теперь уйти, такъ какъ, чѣмъ долѣе оставался онъ съ Евой, тѣмъ сильнѣе росло его волненіе.

— Такъ прощай, Ева. Да хранитъ тебя Богъ! — молвилъ онъ и въ послѣдній разъ обнялъ и поцѣловалъ свою возлюбленную.

Онъ повернулся къ двери, а Ева въ слезахъ упала на софу.

Станиславъ Любомірскій уѣхалъ въ Польшу, гдѣ Костюшка

созывалъ въ ту пору патріотовъ на послѣднюю, отчаянную борьбу. 10-го октября 1791 г. польское войско было разбито при Маціовицахъ втрое сильнѣйшею русскою арміей. Въ числѣ убитыхъ, покрывавшихъ поле сраженія, находился и графъ Станиславъ Любомірскій.

XX.

Эпилогъ.

Ева доживала свои дни въ уединеніи, вдали отъ свѣта, съ которымъ не имѣла почти никакихъ сношеній. А между тѣмъ свѣтъ, незамѣтно для нея, совершенно измѣнился и все, что оставалось еще отъ „добраго стараго времени“, постепенно исчезало. Не только всѣ важнѣйшія дѣятели „вѣка просвѣщенія“ одинъ за другимъ сходили со сцены, но вся культура этого вѣка шагъ за шагомъ уступала мѣсто новой, и цѣлый рядъ государствъ рухнулъ со всѣми своими учрежденіями. Старая германская имперія пала подъ смѣлымъ натискомъ Наполеона; рейнскій союзъ, къ которому принадлежало и Изенбургское княжество, распался, едва успѣвъ возникнуть.

Но всѣ эти событія проходили мимо Евы безслѣдно. Безучастная ко внѣшнему міру, она жила замкнувшись въ самой себѣ и лишь изрѣдка на улицахъ встрѣчали ея стройную, величавую фигуру съ полу-круглыми бровями и темными, огненными глазами, одѣтую въ простое черное платье. Для большинства жителей города происхожденіе ея оставалось загадкой.

Только въ 1813 г., когда союзники готовились къ походу на Францію, произошло событіе, снова привлекшее общее вниманіе на тайну, окружавшую Еву. Во время пребыванія одного изъ союзныхъ монарховъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Ева пріѣхала къ нему однажды просить аудіенціи. На слѣдующій день, у дома ея въ Оффенбахѣ остановился придворный экипажъ, привезшій

этого монарха. Онъ долго пробылъ у Евы и вышелъ вмѣстѣ съ нею; Ева провожала его до экипажа, и отъ вниманія очевидцевъ не укрылось, что прощаясь съ нею, гость ея казался сильно взволнованнымъ.

Ева продолжала жить въ полномъ уединеніи, получая теперь субсидію отъ иностраннаго двора, и происхожденіе ея попрежнему оставалось для всѣхъ тайной. Въ 1816 г., на вѣнскомъ конгрессѣ рѣшено было присоединить Изенбургъ къ Австріи, которая уступила его Гессенъ-Дармштадту. Тогда майнцскій губернаторъ, эрцгерцогъ Карлъ, предписалъ начать судебное дознаніе относительно Евы Франкъ, чтобы выяснить ея происхожденіе. Въ Оффенбахѣ ждали пріѣзда самого эрцгерцога, намѣревавшагося лично снять съ нея допросъ.

Но въ назначенный день Ева, находившаяся подъ домашнимъ арестомъ, была найдена въ спальнѣ мертвой. Съ нею была похоронена и тайна, окружавшая ея жизнь. Такъ кончила свое поприще „восточная принцесса". Послѣдователи Франка разсѣялись, но престижъ, окружавшій лже-пророка, сохранялся еще долго послѣ его смерти. Приверженцы его секты, франкисты, іудо-христіане, существуютъ, говорятъ, и по настоящее время, преимущественно въ Польшѣ. Пасторъ Геберъ, въ своей „Исторіи города Оффенбаха" (1838 г.) сообщаетъ, что въ его время на мѣстѣ, гдѣ похороненъ Франкъ, еще жило нѣсколько его послѣдователей. „Повидимому, прибавляетъ историкъ, это сторожа, охраняющіе священную для секты могилу; но они ведутъ себя такъ скромно и разумно, что не даютъ повода ни къ какимъ жалобамъ и о нихъ всѣ отзываются съ похвалой".

Лишь въ новѣйшее время удалось сорвать маску съ барона Франка, котораго съ теченіемъ времени начали было формально причислять къ лику святыхъ. Разоблаченіе произошло, благодаря открытію цѣлой серіи неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ документовъ, изданныхъ знаменитымъ папскимъ библіотекаремъ Августиномъ Тей-

неромъ въ своей книгѣ: „Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae“. На основаніи этихъ документовъ бреславльскій профессоръ Грецъ написалъ свое превосходное сочиненіе: „Frank und die Frankisten“, на которое мы особенно указываемъ тѣмъ, кто интересуется этой любопытной сектой.

Перев. А. Каррикъ.

Конецъ.

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ

ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ [1].

Чиновникъ особыхъ порученій министерства государственныхъ имуществъ над. сов. Пржамовскій, побывавъ въ Подольской губерніи совершенно по другимъ дѣламъ, тѣмъ не менѣе, счелъ почему то долгомъ рапортовать директору департамента П. А. Валуеву, что въ этой губерніи злоупотребляли отведенными для евреевъ-земледѣльцевъ полями, что въ Балтскомъ округѣ разновременно, съ 1847 г., было образовано 11 еврейскихъ колоній, съ отводомъ для нихъ 1073 земельныхъ участковъ, для каждаго семейства пахатный и сѣнокосный земли, по удостовѣренію палаты—16 дес., а по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ—20 дес. Состояніе колоній онъ рисовалъ густыми мрачными красками.

«Составныя семейства евреевъ, какъ залетныя птицы, появлялись лѣтомъ въ колоніяхъ, для пользованія плодами земли, а къ осени ускользали»—докладывалъ Пржамовскій. «Счета имъ, какъ птицамъ, никто не сводилъ, хотя въ этомъ было сильное соревнованіе между земскою полиціею и окружнымъ начальствомъ. Начальникъ Под. губ. сперва замѣтилъ окружному начальнику Варилскому, что онъ, несмотря на напоминанія, — продолжалъ, попрежнему, выдавать евреямъ письменные виды на отлучки изъ колоній, подъ разными предлогами и самъ *способствовалъ* имъ къ *уклончивости* отъ выполненія принятыхъ ими на себя

---

[1] См. „Восходъ", кн. VI.

обязанностей, а потомъ—въ предписаніи выразился, что выдача свидѣтельствъ на отлучки евреевъ была противозаконна, а поступившія жалобы на отдачу нѣкоторыми лицами отведенныхъ для поселенія евреевъ земель въ аренду, съ обращеніемъ денегъ *въ свою пользу*, невольно наводили на мысль, что мѣстное начальство само способствовало евреямъ къ жительству въ другихъ мѣстахъ, дабы изъ незанятыхъ ими земель *извлекать свои выгоды*. Цѣль совершенно объяснилась: колоніи никогда не были наполняемы еврейскими семействами въ уровень отведенныхъ земельныхъ участковъ, изъ коихъ, вѣроятно, половина, а быть можетъ и большая часть, не въ сущности, а на бумагѣ, не приносила никому пользы. Сельскія и окружныя начальства, а конечно и палаты, знали, про себя, о свободныхъ земельныхъ участкахъ; но неудостоивали ихъ гласности. Въ февралѣ 1859 г. палата поручила окружному начальнику донести, сколько оставалось свободныхъ колонійскихъ участковъ для извлеченія изъ нихъ дохода. По дѣламъ палаты значилось незанятыхъ евреями-земледѣльцами 80, а окружной начальникъ насчиталъ 211, распорядился объ отдачѣ ихъ евреямъ по люстраціонной оцѣнкѣ, чтобы казна не потеряла дохода (такая, вдругъ, по истеченіи 12 лѣтъ, проявилась заботливость о пользахъ казеннаго интереса), а въ донесеніи палатѣ сильно аргументировалъ, что только евреи должны пользоваться этими запасными участками».

Палата, которая, по заявленію Пржамовскаго, всегда была сговорчивою въ подобныхъ случаяхъ, — оставила 211 участковъ въ пользованіи наличныхъ евреевъ-земледѣльцевъ за исчисленный ежегодный доходъ 2082 р. 60 к. съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ водворенія новыхъ колонистовъ,—общества уступали для нихъ участки, за которые со стороны казны исключенъ будетъ окладной сборъ. О доходахъ же съ вакантныхъ участковъ за прежнее время палата не упомянула ни слова. Между тѣмъ по образованіи колоній, изъ числа постоянно далеко не полнаго контингента еврейскихъ земледѣльческихъ семействъ, однѣ переходили обратно въ мѣщанское состояніе, а другія, за нерадѣніе, исключаемы были изъ списка земледѣльцевъ. Но о дѣйствительномъ количествѣ остававшихся ежегодно въ каждой колоніи свободныхъ земельныхъ участковъ—въ палатѣ не сосредоточивалось никакихъ свѣдѣній.

Но если даже допустить, что изъ числа назначенныхъ для каждой колоніи земельныхъ участковъ только около половинной доли оставались незанятыми еврейскими семьями, то и въ такомъ случаѣ со времени образованія колоній по 1859 г. сосредоточились неизвѣстно въ чьихъ рукахъ десятки тысячъ рублей, составлявшихъ казенную принадлежность. Обстоятельство это тѣмъ болѣе заслуживало уваженія, что если окружное и сельскія начальства извлекали изъ тѣхъ участковъ пользу не посредствомъ отдачи ихъ въ аренду, а обработкою, или сборомъ сѣна, то для этого были употребляемы казенные поселяне.

Подольская палата, отъ которой требовались объясненія, разновременно отвѣтила, что, кромѣ донесенія Балтскаго окружнаго начальника о помянутыхъ 20 участкахъ, въ ней не было другихъ свѣдѣній о свободныхъ еврейскихъ земляхъ; что она поручила новому окр. нач. Гловацкому дознаться, кто именно пользовался означенными участками; сколько за оные, съ кого и за какое время, подлежитъ ко взысканію въ пользу казны поземельнаго оброка и т. д., словомъ, она, что называется, отписывалась. Относительно наличныхъ земледѣльцевъ-евреевъ она сообщила, что въ Под. губ. существовали на казенныхъ земляхъ колоніи: Кузьминка съ 356 душъ, Богачевка—657, Покутина—407, Кулачевка —502, Маншуровка—491, Челбановка—911, Чабанова—340, Голоче—865, Чермановка—568, Волярка—294, итого 5,990 душъ.

Департаментъ подтвердилъ, что палата, не обращая никакого вниманія на еврейскія земли, не сосредоточила у себя даже никакихъ, по этому предмету, свѣдѣній, а мѣстный окружной начальникъ распоряжался землями произвольно и доходы съ нихъ, оставаясь безгласными, обращались неизвѣстно куда, только не въ казну. Министерство не переставало настаивать на скорѣйшемъ доставленіи палатою свѣдѣній, но, тѣмъ не менѣе, не могло получить точнаго отзыва: сколько и какія именно изъ еврейскихъ земель и съ какого именно времени, оставались до 1860 г. свободными, на какомъ основаніи и въ какомъ размѣрѣ извлекался изъ этихъ земель доходъ и куда онъ обращался, или съ кого подлежалъ ко взысканію. Палата, избѣгая подробныхъ и точныхъ по пунктамъ объясненій,—отписывалась разными отрывочными

свѣдѣніями, не дававшими никакой возможности сдѣлать правильное заключеніе.

Департаментъ, указывая на образъ дѣйствій подольской палаты по дѣлу, могущему обнаружить значительныя, со стороны мѣстныхъ властей, злоупотребленія въ ущербъ казеннаго интереса, рѣшилъ предложить завѣдывавшему палатою произвести строгое разслѣдованіе. Министръ Зеленой велѣлъ исполнить (4 сен. 1865 г.[1]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Вопросъ о срокѣ, съ какого слѣдовало исчислять льготы евреямъ при переходѣ въ земледѣльцы, возникалъ многократно, вслѣдствіе разномыслія между казенными палатами, съ одной стороны, и палатами гос. имущ. съ другой. Первыя считали этотъ срокъ со времени водворенія евреевъ, а послѣднія—со времени дѣйствительнаго перечисленія ихъ въ земледѣльцы, что не рѣдко случалось и гораздо позже появленія ихъ въ колоніяхъ. М-во гос. имущ. сперва поддерживало взглядъ своихъ палатъ, а потомъ (въ апрѣлѣ 1853 г.) обратилось къ м-ву вн. дѣлъ за его заключеніемъ.

Вслѣдъ затѣмъ попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи спросилъ м-во, можно-ли льготы отъ рекрутской повинности распространять до объявленія набора на евреевъ, не только пожелавшихъ перейти въ земледѣльцы, но и получившихъ окончательное на то дозволеніе? Между тѣмъ запрещеніе существовало не на выпускъ, для вступленія въ земледѣльцы, евреевъ, семейства которыхъ состояли на рекрутской очереди (переходъ подобнымъ евреямъ въ земледѣльцы дозволялся), а только на освобожденіе ихъ, по одному изъявленному на переходъ желанію, отъ исполненія рекрутской повинности, слѣдовательно отъ мѣста или лица, разрѣшавшаго переселеніе, зависѣло предварительно разсмотрѣть послѣдствія освобожденія переходящаго въ земледѣльческое состояніе еврейскаго семейства отъ исполненія рекрутской повинности, а затѣмъ поставка рекрутъ

[1] По документамъ отъ 30 октября, 4 ноября, 10, 29 и 31 декабря 1859 г. 9 января, 4, 11, 25 февраля, 5 марта, 19 мая, 24 іюня 1860 г.; 7 и 26 февраля 1861 г.; 3 и 5 сентября 1865 г.

земледѣльцамъ дер. Морозовки, лишь вслѣдствіе того, что изъ нихъ только одинъ жилъ на казенной землѣ и пахалъ малую часть ея, а остальные 5 вовсе не прибывали на поселеніе, оттого назначенный собственно имъ 6 мѣсячный срокъ для оставленія земледѣльческаго состоянія, а въ случаѣ неисполненія этого примѣненіе къ нимъ ст. 1457 г. представлялось мѣрою вполнѣ справедливою, а для земледѣльцевъ нестѣснительною; что совершенно иное значеніе, и при томъ же прямо противорѣчившее цѣли и смыслу закона, получило это частное распоряженіе обобщеніемъ его палатою,—принимая все это во вниманіе, министерство отмѣнило распоряженіе палаты (10 января 1866 г.).

Съ евреевъ земледѣльцевъ колоніи Яновлевой, Кобринскаго уѣзда, Гродненской губ., неправильно, по ихъ объясненію, взыскали оброка 352 р. 12 к. Убѣдившись въ справедливости ихъ заявленія, м-во разрѣшило излишне поступившій въ казну оброкъ, въ 352 р. 12 к., зачесть имъ въ счетъ будущихъ окладныхъ платежей, а неправильно начтенную на нихъ за 2-ю половину 1862 г. оброчную подать въ 167 р. 56 к. со счетовъ сложить.

Евреи-земледѣльцы колоніи Павловой, Слонимскаго уѣзда, Грод. губ., Ефраимъ Новикъ, Абрамъ Раутбортъ и другіе, въ числѣ 22 человѣкъ, объяснили, что при ихъ водвореніи, въ 1850 г., колонія Павлово раздѣлена была, по числу хозяевъ, на 30 участковъ, но вслѣдствіе *дурного свойства земли* пяти участковъ, — хозяева ихъ исключены были изъ земледѣльческаго званія, а оставшіеся послѣ нихъ участки зачислены въ запасные; затѣмъ просители, съ «напряженіемъ всѣхъ своихъ матеріальныхъ средствъ и физическихъ силъ, хотя и успѣли обзавестись примѣрнымъ хозяйствомъ», но люстраціонныя дѣйствія 1860 г. разрушили ихъ бытъ: слонимскій люстраторъ Вышковскій, «въ отмщеніе», какъ они писали, за то, что они «отказались удовлетворить неблагонамѣренныя его требованія», —распорядился: во 1-хъ, отнятіемъ отъ нихъ: а) до 5 дес. сѣнокосу для лѣсного объѣздчика Манцевича и б) 5 участковъ лучшаго сѣнокоса, значительной части удобренной ими пахатной земли — для фермы Павлово, съ удѣленіемъ имъ взамѣнъ 5 помянутыхъ неудобныхъ запасныхъ участковъ, и, во 2-хъ, опредѣленіемъ съ участковъ просителей оброка въ 14 р. съ участка. Хотя люстраціонная коммиссія и замѣтила неправильность люстра-

«если для пользы евреевъ-земледѣльцевъ м-во гос. имущ. признало бы необходимымъ освободить отъ рекрутской повинности такія, состоявшія на очереди, семейства, которымъ переходъ въ земледѣльцы разрѣшенъ былъ еще до объявленія набора и которыя, на семъ основаніи, предприняли уже переселеніе, то онъ, Ланской, не встрѣчалъ къ тому препятствія, но съ тѣмъ, «чтобы для соблюденія должной справедливости и въ отношеніи къ обществамъ, изъ коихъ выбывали переселенцы, слѣдовавшій съ нихъ рекрутъ зачислялся обществу, что со введеніемъ жеребьевой системы не представило бы особыхъ затрудненій».

Во всякомъ случаѣ, Ланской предложилъ свое мнѣніе о срокѣ льготъ принять лишь на будущее время, а по дѣламъ прежняго времени, по коимъ возникли какія-либо сомнѣнія, остававшіяся не разрѣшенными,—рекомендовалъ предоставить мѣстнымъ начальствамъ войти съ особыми представленіями, съ подробнымъ изложеніемъ данныхъ, на которыхъ могли бы быть основаны соображенія о справедливости присвоенія евреямъ льготъ, начиная съ того, или другого срока.

Заключеніе Ланскаго раздѣлялъ и министръ финансовъ, такъ что недоразумѣніе, казалось бы, окончательно выяснилось по всѣмъ тремъ вѣдомствамъ. Тѣмъ не менѣе 4 года спустя (въ январѣ 1850 года) м-ръ вн. дѣлъ, согласно запросу м-ра финансовъ, просилъ уже заключеніе м-ра гос. имущ. опять «по неясности», о томъ: съ какого времени евреямъ западныхъ губерній надлежало предоставить льготы, т. е. со времени ли перехода ихъ въ мѣста поселенія, или со времени окончательнаго причисленія къ состоянію земледѣльцевъ, равно должны ли были воспользоваться льготою отъ рекрутства такія еврейскія семейства, которыя до окончательнаго перечисленія въ земледѣльцы, подлежали по очереди рекрутской повинности. Киселевъ отвѣчалъ графу Перовскому, что слѣдовало считать льготы со времени причисленія ихъ въ земледѣльцы, причемъ съ этимъ заключеніемъ вновь согласились м-ры вн. дѣлъ и финансовъ, а послѣдній разъяснилъ это подольской казенной палатѣ, возбудившей сомнѣніе.

Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, по вопросу объ освобожденіи нѣсколькихъ семействъ евреевъ-земледѣль-

ИЗЪ ПРОРОКОВЪ.

II.

Іеремія IV, 19—29.

Сердце усталое! тяжко тоскуя,
 Бьешься ты скорбно въ груди...
Но, какъ и прежде, молчать не могу я,
 Чуя грозу впереди.
Слышитъ душа моя трубные звуки,
 Дикіе крики войны...
—Горе! о горе!—взываютъ средь муки
 Дѣти родной стороны.
Никнутъ палатки въ краю разоренномъ,
 Быстро снимается рать...
Долго-ль здѣсь вѣять побѣднымъ знаменамъ?
 Долго-ль мнѣ трубамъ внимать?
Страхомъ охваченъ народъ мой безумный,
 Не понимаетъ меня...
Всѣ, словно дѣти, съ тревогою шумной
 Бродятъ въ потемкахъ средь дня.
Гляну на край я,—вездѣ разоренье,
 Небо исполнено тьмы;

Гляну на гору,—тамъ дрожь и волненье,
Робко трепещутъ холмы.
Всюду безлюдье... Небесныя птицы
Въ чуждую даль унеслись;
Грады познали гнѣвъ Божьей десницы,
Съ пылью и съ прахомъ слились.
—Вся здѣсь страна обратится въ пустыню,—
Такъ говоритъ Адонай,—
За прегрѣшенья и ложь, и гордыню
Я покораю весь край.
Все здѣсь исполнится дикимъ смущеньемъ
Въ силу грѣха своего;
Такъ Я рѣшилъ и доволенъ рѣшеньемъ,
Не отступлю отъ него.
Всѣ города огласятся здѣсь крикомъ,
Гиканьемъ конныхъ стрѣлковъ.
Жители скроются въ страхѣ великомъ
Въ чащи густыя лѣсовъ,
Будутъ вползать на прибрежныя скалы,
Будетъ все пусто кругомъ,
Въ грудахъ развалинъ завоютъ шакалы
Въ грозномъ молчаньи ночномъ.

Н. Аксаковъ.

* * *

Страдать за мысль, какъ Галилей,
За чувства, правду, какъ пророки,
Страдать за міръ, какъ Прометей,—
То жребій тяжкій, но высокій...
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ
Летитъ крылатое преданье,
И чтитъ повсюду человѣкъ
То благотворное страданье...
Но, не свершивши громкихъ дѣлъ,—
Ни подвига, ни преступленья,
Нести страдальческій удѣлъ
Лишь за невольный „грѣхъ" рожденья;
Что ни талантомъ, ни умомъ,
Ни честной жизнью, ни любовью,
За край родной въ бою съ врагомъ
Отважно пролитою кровью,
Ничѣмъ, ничѣмъ ты для людей
Не станешь ближе и любезнѣй...
Кто знаетъ жребій тяжелѣй?
Кто знаетъ муку безполезнѣй?!..

А. Вербовъ.

ніе, безъ взысканій, установленныхъ статьею 1475 уст. о сост., и Нуинскіе поселенцы были перечисленны въ мѣщане, съ 1862 г., съ исключеніемъ слѣдовавшаго отъ нихъ оброка и податей.

Тѣмъ не менѣе эти сообщенія палаты возымѣли свое дѣйствіе и они послужили мотивомъ къ тому, что м-во гос. им., съ согласія м-овъ вн. дѣлъ и финансовъ, вошло въ главный комитетъ объ устройствѣ евреевъ съ предложеніемъ о томъ, чтобы министерству государственныхъ имуществъ предоставлено было право — разрѣшать евреямъ земледѣльцамъ, по ихъ просьбамъ, переходъ въ прежнія сословія тамъ, гдѣ не представится къ тому препятствія по мѣстнымъ обстоятельствамъ, причемъ вовсе освобождать ихъ отъ уплаты недоимокъ, оброка и другихъ сборовъ и исполненія повинностей за время несостоянія въ земледѣльцахъ, или же причитающіеся съ евреевъ платежи разсрочивать по усмотрѣнію.

Комитетъ со своей стороны находилъ неудобнымъ удерживать въ земледѣльческомъ званіи евреевъ, для которыхъ пребываніе въ этомъ званіи дѣлалось стѣснительнымъ, а потому полагалъ, предоставить м-ву госуд. имущ. просимое имъ право и даже распространить таковое и на евреевъ-земледѣльцевъ, водворенныхъ на земляхъ помѣщичьихъ съ тѣмъ, чтобы разрѣшеніе, со стороны правительства, на перечисленіе таковыхъ евреевъ-земледѣльцевъ въ другія податныя состоянія было доваемо м-вомъ внутр. дѣлъ по соглашенію съ м-вомъ финансовъ, не касаясь, впрочемъ, условій, заключенныхъ означенными евреями съ владѣльцами земель, на которыхъ они водворены. Государь утвердилъ это мнѣніе 12 февраля 1865 г. [1].

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Евреи-земледѣльцы Минской губ., Пинскаго уѣзда, деревни Иваникъ, Юдка Герлеръ и Лейба Посеницкій, прошеніемъ на имя м—ра гос. имущ. объяснили, что по вызову пинскаго купца Вольфа Левина, обязавшагося надѣлить ихъ опредѣленнымъ количествомъ пахатной, сѣнокосной, огородной и пастбищной зем-

[1] По документамъ отъ 11 и 23 августа, и 10 13 сентября 1863 г., 17 февраля и 23 апрѣля 1865 г.

лями, построить для каждаго семейства жилой домъ, съ хозяйственными пристройками и выдать имъ на обзаведеніе по 50 р.— они, въ числѣ 8 семействъ, поселились въ 1851 г. на занимаемыхъ ими мѣстахъ, но Левинъ не только потомъ не исполнилъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ. но, напротивъ, вмѣсто обѣщанной помощи, нанесъ имъ вредъ, передѣливъ въ 1858 г., неизвѣстно по какому праву, между просителями данную имъ въ надѣлъ землю, а затѣмъ, переселившись въ Варшаву, не думалъ, повидимому, исполнить свои обязательства о пособіи, въ надеждѣ на которое просители, стараясь устроиться хозяйствами, вошли въ разныя обязательства, неудобоисполнимыя для нихъ безъ полученія удовлетворенія отъ Левина. Хотя просители жили въ дер. Иваники съ 1851 г., но исключены изъ мѣщанскаго общества только въ 1865 г., а до этого времени отбывали всѣ податныя и прочія повиннести по мѣщанскому званію, а между тѣмъ каз. палата и палата гос. имущ., зачисливъ 10 лѣтнюю льготу отъ податей и повинностей, а также рекрутства на 25 лѣтъ, не со дня исключенія ихъ изъ мѣщанскаго оклада, т. е. съ 1865 г., а съ 1851 г., приступили, съ 1861 г., ко взысканію съ нихъ податей и повинностей по окладу государственныхъ крестьянъ, такъ что они, просители, вовсе лишились 10 лѣтней льготы отъ податей, а льгота отъ рекрутства сокращена имъ на 14 лѣтъ. По изложеннымъ причинамъ Герберъ и Посеницкій именемъ односеленцевъ ходатайствовали о понужденіи Левина къ удовлетворенію ихъ обѣщаннымъ вспомоществованіемъ и о зачисленіи ихъ на льготу съ 1865 г. Это прошеніе было отправлено въ минскую палату гос. им. для собранія обстоятельныхъ свѣдѣній и для доставленія своего заключенія, котораго министерство такъ, однако, и не дождалось.

Евреи-земледѣльцы Минской губ., Бобруйскаго уѣзда, деревни Ковницы, Вульфъ Гольдманъ и др. просили министерство разсрочить имъ на 25 лѣтъ уплату начисленной на ихъ общество недоимки податей въ 4,359 р. 78¼ к., въ томъ уваженіи, что ихъ неисправность послѣдовала не отъ нерадѣнія, а отъ неурожаевъ и другихъ неблагопріятствовавшихъ устройству ихъ быта обстоятельствъ. Поселенные въ 1848 г. въ селеніяхъ Ковницы, Козловичи и Домановой, въ числѣ 47 семействъ и 258 душъ, по про-

шествіи 10 лѣтняго льготнаго срока, а по обложеніи ихъ со 2 половины 1859 г. податными сборами, накопили за послѣдніе 6 лѣтъ по 1865 г. недоимку въ 4,359 р. $78^1/_4$ к. Евреи эти облагались подушнымъ окладомъ въ 1859 г., 1860 и 1861 г. по 2 р. 9 к., въ 1862, 1863 и 1864 г. по 2 р. 20 к. съ души, тогда какъ подлежали обложенію до 1862 г. окладомъ по 95 к. а съ этого времени по 1 р. съ души, и потому на нихъ, какъ департаментъ дознался, былъ начтенъ излишекъ подушной подати въ 1,610 р. 4 коп. Для побужденія этихъ евреевъ къ уплатѣ недоимки минская палата гос. им. описала жилыя ихъ строенія и рабочій скотъ, которыя, по закону, на возмѣщеніе недоимки продавать нельзя было.

Сознавая, что съ одной стороны — безъ совершеннаго разоренія означенныхъ евреевъ, не было средствъ къ немедленному, или лишь хотя къ успѣшному взысканію съ нихъ недоимокъ, а съ другой стороны—неплатежъ даже текущихъ окладныхъ сборовъ лишалъ увѣренности въ томъ, что, въ случаѣ разсрочки, они сдѣлаются исправными плательщиками,—Зеленой полагалъ взыскивать съ нихъ непоимки лишь по мѣрѣ возможности, безъ разстройства ихъ хозяйственныхъ способовъ, а 1610 р. 4 к. излишекъ оклада, коимъ евреи были обложены—сложить съ нихъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и м-ръ финансовъ, и оно было исполнено.

Витебская палата гос. им. испрашивала разрѣшенія м-ва на отобраніе отъ 6 евреевъ, поселенныхъ въ дер. Морозовкѣ, Люцинскаго уѣзда, предоставленныхъ въ ихъ пользованіе земель и на поступленіе съ ними какъ съ нерадивыми, т. е. на исключеніе ихъ изъ земледѣльцевъ, на отдачу способныхъ изъ нихъ мужчинъ въ рекруты, безъ зачета и проч., такъ какъ изъ нихъ только одинъ пахалъ едва часть поля наемными рабочими, а прочіе евреи, не смотря на принимавшіяся сельскимъ начальствомъ и мѣстною полиціею мѣры, подъ разными предлогами и ложными причинами къ мѣсту поселенія не прибыли.

Хотя евреи и подлежали дѣйствію ст. 1457, IX т., но не желая слишкомъ широко примѣнять этотъ законъ, департаментъ предложилъ палатѣ—объявить евреямъ дер. Морозовки законъ 12 февраля 1865 г. и обязать ихъ подпискою въ теченіи 6 мѣсяцевъ исполнить условія для оставленія ими земледѣльческаго со-

стоянія и предварить ихъ, что въ противномъ случаѣ съ ними поступятъ по закону. Вмѣстѣ съ тѣмъ департаментъ поручилъ палатѣ войти съ евреями въ соглашеніе о разсрочкѣ имъ подлежавшихъ съ нихъ платежей.

8 евреевъ-земледѣльцевъ Яновольскаго сельскаго общества просили м-во предоставить имъ, вмѣсто 6 мѣсячнаго, 3-хъ лѣтній срокъ на выбытіе изъ земледѣлъческаго званія. Палата донесла, что она, руководствуясь предписаніемъ о евреяхъ дер. Морозовки, объявила всѣмъ вообще евреямъ-земледѣльцамъ Витебской губ., что они могутъ переходить въ другія сословія со дня объявленія въ 6 мѣсячный срокъ; что нежелавшіе переходить въ другія сословія, должны привести свои хозяйства въ отличное положеніе, иначе съ тѣми, которые, оставшись въ прежнемъ званіи, этого не устроятъ, поступлено будетъ на основаніи 1457 ст.; что евреи-земледѣльцы хотя и ходатайствовали о перечисленіи въ другія сословія, но по непредставленію пріемныхъ приговоровъ, имъ было въ этомъ отказано; что предоставленный евреямъ-земледѣльцамъ для перехода въ другія званія 6 мѣсячный срокъ дѣйствительно коротокъ, ибо въ теченіи его едва ли могли они выхлопотать пріемныя свидѣтельства, а также и распорядиться своимъ имуществомъ, потому срокъ этотъ слѣдовало бы продлить какъ просителямъ, такъ и прочимъ евреямъ.—Принимая во вниманіе, что предписаніе м-ва касалось исключительно евреевъ-земледѣльцевъ дер. Морозовки, а палата назначила *всѣмъ*, состоявшимъ въ ея вѣдѣніи евреямъ-земледѣльцамъ, 6 мѣсячный срокъ на переходъ въ другое сословіе; что если признать правильнымъ и обязательнымъ для евреевъ—распоряженіе палаты, то всѣ евреи, какъ не устроившіе своихъ хозяйствъ въ мѣрѣ указанной закономъ,—вынуждены будутъ или добровольно оставить земледѣльческое состояніе, или же чрезъ 6 мѣсяцевъ подвергнуться исключенію изъ земледѣльцевъ, ибо и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ никто изъ нихъ не могъ бы значительно улучшить свое хозяйство въ этотъ краткій срокъ; что законъ 12 февраля 1865 г., облегчалъ евреямъ условія выхода изъ земледѣльческаго состоянія ранѣе 25 лѣтъ со времени водворенія ихъ на казенныхъ земляхъ, именно для избѣжанія примѣненія ст. 1457 о сост., и былъ чуждъ всякой принудительности, а м-во назначило 6 мѣсячный срокъ 6

земледѣльцамъ дер. Морозовки, лишь вслѣдствіе того, что изъ нихъ только одинъ жилъ на казенной землѣ и пахалъ малую часть ея, а остальные 5 вовсе не прибывали на поселеніе, оттого назначенный собственно имъ 6 мѣсячный срокъ для оставленія земледѣльческаго состоянія, а въ случаѣ неисполненія этого примѣненіе къ нимъ ст. 1457 г. представлялось мѣрою вполнѣ справедливою, а для земледѣльцевъ нестѣснительною; что совершенно иное значеніе, и при томъ же прямо противорѣчившее цѣли и смыслу закона, получило это частное распоряженіе обобщеніемъ его палатою,—принимая все это во вниманіе, министерство отмѣнило распоряженіе палаты (10 января 1866 г.).

Съ евреевъ земледѣльцевъ колоніи Яновлевой, Кобринскаго уѣзда, Гродненской губ., неправильно, по ихъ объясненію, взыскали оброка 352 р. 12 к. Убѣдившись въ справедливости ихъ заявленія, м-во разрѣшило излишне поступившій въ казну оброкъ, въ 352 р. 12 к., зачесть имъ въ счетъ будущихъ окладныхъ платежей, а неправильно начтенную на нихъ за 2-ю половину 1862 г. оброчную подать въ 167 р. 56 к. со счетовъ сложить.

Евреи-земледѣльцы колоніи Павловой, Слонимскаго уѣзда, Грод. губ., Ефраимъ Новикъ, Абрамъ Раутбортъ и другіе, въ числѣ 22 человѣкъ, объяснили, что при ихъ водвореніи, въ 1850 г., колонія Павлово раздѣлена была, по числу хозяевъ, на 30 участковъ, но вслѣдствіе *дурного свойства земли* пяти участковъ, — хозяева ихъ исключены были изъ земледѣльческаго званія, а оставшіеся послѣ нихъ участки зачислены въ запасные; затѣмъ просители, съ «напряженіемъ всѣхъ своихъ матеріальныхъ средствъ и физическихъ силъ, хотя и успѣли обзавестись примѣрнымъ хозяйствомъ», но люстраціонныя дѣйствія 1860 г. разрушили ихъ бытъ: слонимскій люстраторъ Вышковскій, «въ отмщеніе», какъ они писали, за то, что они «отказались удовлетворить неблагонамѣренныя его требованія», —распорядился: во 1-хъ, отнятіемъ отъ нихъ: а) до 5 дес. сѣнокосу для лѣсного объѣздчика Манцевича и б) 5 участковъ лучшаго сѣнокоса, значительной части удобренной ими пахатной земли — для фермы Павлово, съ удѣленіемъ имъ взамѣнъ 5 помянутыхъ неудобныхъ запасныхъ участковъ, и, во 2-хъ, опредѣленіемъ съ участковъ просителей оброка въ 14 р. съ участка. Хотя люстраціонная коммиссія и замѣтила неправильность люстра-

ціи 1860 г., однако же не исправила ее, а происшедшее между фермою и колоніею Павлово чрезполосіе ввело совершенный хаосъ въ угодіяхъ. Мѣстное начальство объяснило, что изъ фермы Павлово образованъ былъ выкупной участокъ для продажи лицамъ русскаго происхожденія, что просители обращались уже съ подобнымъ прошеніемъ, но, по разсмотрѣніи дѣла—оно найдено неподлежавшимъ удовлетворенію, и что въ колоніи Павловой считалось по спискамъ 25 семействъ, въ 114 м. душъ, а въ дѣйствительности проживало тамъ только 100 душъ въ 21 семейство; изъ 14 человѣкъ отсутствовавшихъ изъ колоніи, находились: въ безвѣстной отлучкѣ—5, а на заработкѣ по паспортамъ—9 человѣкъ; всей земли при колоніи было 512 десятинъ (25 участковъ). Такъ какъ ферма Павлово составляло выкупной участокъ, то м-ство и оставило безъ послѣдствій просьбу евреевъ [1].

В. Никитинъ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1] По документамъ отъ 12 апрѣля, 8 мая, 2 и 17 іюня, 8 іюля, 4 и 27 сентября, 9 ноября и 16 декабря 1865 г.

ИЗЪ ПРОРОКОВЪ.

II.

Іеремія IV, 19—29.

Сердце усталое! тяжко тоскуя,
　　Бьешься ты скорбно въ груди...
Но, какъ и прежде, молчать не могу я,
　　Чуя грозу впереди.
Слышитъ душа моя трубные звуки,
　　Дикіе крики войны...
—Горе! о горе!—взываютъ средь муки
　　Дѣти родной стороны.
Никнутъ палатки въ краю разоренномъ,
　　Быстро снимается рать...
Долго-ль здѣсь вѣять побѣднымъ знаменамъ?
　　Долго-ль мнѣ трубамъ внимать?
Страхомъ охваченъ народъ мой безумный,
　　Не понимаетъ меня...
Всѣ, словно дѣти, съ тревогою шумной
　　Бродятъ въ потемкахъ средь дня.
Гляну на край я,—вездѣ разоренье,
　　Небо исполнено тьмы;

Гляну на гору,—тамъ дрожь и волненье,
Робко трепещутъ холмы.
Всюду безлюдье... Небесныя птицы
Въ чуждую даль унеслись;
Грады познали гнѣвъ Божьей десницы,
Съ пылью и съ прахомъ слились.
—Вся здѣсь страна обратится въ пустыню,—
Такъ говоритъ Адонай,—
За прегрѣшенья и ложь, и гордыню
Я покораю весь край.
Все здѣсь исполнится дикимъ смущеньемъ
Въ силу грѣха своего;
Такъ Я рѣшилъ и доволенъ рѣшеньемъ,
Не отступлю отъ него.
Всѣ города огласятся здѣсь крикомъ,
Гиканьемъ конныхъ стрѣлковъ.
Жители скроются въ страхѣ великомъ
Въ чащи густыя лѣсовъ,
Будутъ вползать на прибрежныя скалы,
Будетъ все пусто кругомъ,
Въ грудахъ развалинъ завоютъ шакалы
Въ грозномъ молчаньи ночномъ.

Н. Аксаковъ.

въ главномъ нервѣ своей дѣятельности и почти бездѣйствуетъ; Палестинскому же обществу всего безъ году недѣля, такъ что пока говорить о немъ не приходится. При такихъ-то обстоятельствахъ не давать отчета о двадцатипятилѣтней дѣятельности единственнаго отдѣленія единственнаго Общества, дѣятельности, затрогивающей духовные интересы, которые у евреевъ всегда, вездѣ и при всяческихъ обстоятельствахъ стояли на первомъ планѣ, должно показаться еще болѣе непростительнымъ. Это-то обстоятельство побудило меня пополнить этотъ ощутительный пробѣлъ въ нашей печати. Для этой цѣли я пользовался исключительно такъ называемыми первоисточниками: 1) Протокольной книгой одесскаго отдѣленія, 2) ежегодными отчетами его, 3) докладами нѣсколькихъ училищъ, субсидируемыхъ отдѣленіемъ, читанными на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій его въ 1892 году и 4) въ высшей степени интересной книгой покойнаго и симпатичнаго дѣятеля на поприщѣ распространенія истиннаго просвѣщенія между евреями, Л. М. Розенталя: «Историческій очеркъ дѣятельности Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи отъ 1863 до 1885 г.»

I.

Довольно значительное благосостояніе одесскихъ евреевъ, съ одной стороны, и большой наплывъ въ Одессу, начиная отъ 1812 г., галиційскихъ и, въ особенности, бродскихъ евреевъ, отличавшихся своею любовью къ просвѣщенію, съ другой стороны, были причиной того, что тамошніе евреи сдѣлали довольно рано первый шагъ къ такъ называемому свѣтскому образованію. Въ то время, какъ въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ только въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія начали устраиваться школы, и то по почину правительства, почину, встрѣчавшему довольно сильный отпоръ со стороны евреевъ, ихъ одесскіе единовѣрцы уже въ 1826 г. устроили на добровольныя пожертвованія во всѣхъ отношеніяхъ образцовую школу, директоромъ которой около 25 лѣтъ состоялъ незабвенный для одесскихъ евреевъ энергичный и благородный Б. Штернъ. Эта первая школа была встрѣчена очень сочувственно: при открытіи поступило въ нее 65 учениковъ, но уже въ слѣдующемъ 1827 г. ихъ было до 250, а въ 1834 г.

когда она была преобразована въ шестикласное учебное заведеніе, ихъ число достигло 400. Въ 1835 г. при этой школѣ образовалось отдѣленіе для дѣвочекъ, и уже въ первомъ году его существованія въ немъ было до 310 ученицъ. По образцу этой школы и ея отдѣленія устраивались и другія школы для мальчиковъ и пансіоны для дѣвицъ, и все это безъ шума, безъ борьбы, такъ какъ всѣ, даже масса, видѣли необходимость въ общемъ образованіи. Число интеллигентныхъ людей продолжало все болѣе и болѣе увеличиваться, такъ что въ 50-хъ годахъ тамъ образовался кружокъ изъ молодыхъ и литературно-образованныхъ евреевъ, съ покойнымъ О. А. Рабиновичемъ во главѣ, затѣявшихъ великое и полезное дѣло: издавать еженедѣльную газету на русскомъ языкѣ для евреевъ, каковое намѣреніе, послѣ многолѣтнихъ хлопотъ, было приведено въ исполненіе въ началѣ 1860 г. Если «Разсвѣту», этому первому органу русскихъ евреевъ, не суждено было долго существовать, то не по недостатку литературныхъ силъ, а по совершенно другимъ причинамъ. Уже въ 1861 г., по прекращеніи «Разсвѣта», изъ Одессы выходитъ другой русско-еврейскій органъ «Сіонъ», и одновременно съ этимъ оттуда же начинаетъ выходить первая въ Россіи еженедѣльная древне-еврейская газета «Гамелицъ». Имѣлись двѣ хоральныя синагоги съ благоустроеннымъ богослуженіемъ, изъ заграницы былъ приглашенъ занять раввинскую должность замѣчательный ораторъ д-ръ Швабахеръ. Словомъ, все и вся стремилось все впередъ и впередъ, къ чему-то новому, которое, казалось, будетъ гораздо лучше стараго. Если эти стремленія имѣли много общаго съ таковыми же стремленіями интеллигентныхъ евреевъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, если Одесса на югѣ Россіи играла для евреевъ въ 50 — 60-хъ годахъ ту же роль, что Вильна на сѣверѣ, то вникнувъ глубже въ суть дѣла, мы найдемъ громадное, принципіальное и существенное различіе въ исходныхъ точкахъ зрѣнія южанъ и сѣверянъ. Послѣдніе стремились къ просвѣщенію въ обширномъ смыслѣ этого слова, къ просвѣщенію ради самаго просвѣщенія, безъ какихъ-бы то ни было заднихъ цѣлей и при томъ безъ разрыва съ собственнымъ національнымъ и многовѣковымъ духовно-литературнымъ наслѣдіемъ. Проводникомъ просвѣтительныхъ общечеловѣческихъ началъ въ эту бурную эпоху былъ древне-еврейскій языкъ, процвѣтаніе котораго достигло тогда своего апогея. Иначе и

быть не могло. Слишкомъ глубоки были корни, пущенные въ эту почву этимъ древнимъ наслѣдіемъ, чтобы они, по мановенію вѣтра, хотя бы самаго сильнаго, могли быть вырваны. Стремленія носили здѣсь идеальный, исключительно духовный характеръ, одновременно общечеловѣческій и національный, въ самомъ благородномъ смыслѣ этого послѣдняго слова. Новороссійскій же край, очень богатый матеріальными благами природы, никогда не отличался чисто духовной жизнью. Хотя евреи были одними изъ первыхъ поселенцевъ края, но еврейская наука какъ-то не прививалась къ нему и не пустила глубокихъ корней въ его почву, такъ что чуть подулъ съ запада легкій и свѣжій вѣтерокъ, они, въ особенности одесскіе евреи, поддались его вліянію и безъ всякой борьбы пошли по новому пути, безъ оглядки, устремились въ невѣдомое и заманчивое dahin. Стремленія эти были сами по себѣ въ высшей степени благородными, но стремились больше къ школьному образованію, чѣмъ къ просвѣщенію въ широкомъ смыслѣ, при чемъ, кромѣ *полезнаго и необходимаго само по себѣ* образованія, имѣлась въ виду другая задняя цѣль совершенно невинная и вполнѣ естественная для того времени — 50-е и 60-е годы, — но всетаки задняя: во что бы то ни стало хотѣли показать, что и евреи способны воспринимать общее образованіе и, вслѣдствіе этого, достойны получить гражданскія права. И такъ какъ знаніе еврейской исторіи, науки и литературы не могло служить средствомъ для достиженія этой задней цѣли и, кромѣ того, эти предметы, какъ мы уже сказали, не имѣли никакихъ корней въ почвѣ Новороссійскаго края, то ихъ и отодвигали все болѣе на задній планъ. Стремленія къ образованію стали носить односторонній, практическій и, въ концѣ концовъ, безпочвенный характеръ: всѣ pia desideria еврейской интеллигенціи въ Одессѣ сводились чуть ли не исключительно къ тому, чтобы сдѣлать русскій языкъ разговорнымъ языкомъ русскихъ евреевъ и даже языкомъ богослуженія. Если Вильну вполнѣ справедливо называютъ Литовскимъ Іерусалимомъ, то Одессу, для параллели, можно назвать Новороссійской Александріей, конечно, въ миніатюрѣ.

Какъ бы то ни было, но стремленіе къ образованію было сильное и всеобщее въ Одессѣ, и, поэтому, нисколько не удивительно, что не прошло еще двухъ лѣтъ послѣ учрежденія въ Петербургѣ «Общества распространенія просвѣщенія между

евреями въ Россіи», какъ здѣсь уже начались хлопоты объ учрежденіи «отдѣленія Общества». Хлопоты эти, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ, устроено было въ Одессѣ отдѣленіе, и вотъ это-то отдѣленіе должно было въ прошломъ 1892 г., праздновать двадцатипятилѣтній юбилей своей дѣятельности. Эти хлопоты тянулись цѣлыхъ два года, и о нихъ-то мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

II.

8 декабря 1863 г. было первое собраніе петербургскаго «Общества распространенія просвѣщенія», и въ теченіи перваго же мѣсяца существованія «Общества» слѣдующіе одесситы были выбраны почетными, дѣйствительными и членами-сотрудниками: А. Бродскій, О. Рабиновичъ, А. Цедербаумъ, д-ръ Швабахеръ, д-ръ Пинскеръ, д-ръ Соловейчикъ, г. Тарнополь и нѣкоторые другіе. Число платныхъ членовъ, живущихъ въ Одессѣ, сдѣлалось на столько значительнымъ, что комитетъ Общества, въ августѣ 1865 года, предложилъ д-ру Швабахеру, не находитъ-ли онъ своевременнымъ и возможнымъ устроить тамъ отдѣленіе. Это предложеніе было единодушно принято членами-одесситами на засѣданіи 5 декабря того же года. На этомъ же засѣданіи было постановлено, что главнѣйшей цѣлью имѣющаго устроиться отдѣленія должно быть: распространеніе между русскими евреями знанія отечественнаго языка всѣми средствами, которыя будутъ найдены цѣлесообразными. Болѣе подробная программа дѣятельности, выработка которой была поручена коммиссіи изъ трехъ лицъ: д-ра Пинскера, О. Рабиновича и д-ра Соловейчика, была прочитана въ слѣдующемъ засѣданіи отъ 30 декабря. Второй изъ 15 параграфовъ этой программы гласитъ, что главная цѣль отдѣленія состоитъ въ томъ, чтобы русскій языкъ сдѣлать народнымъ у евреевъ. Средства для этой цѣли изложены въ §§ 3 и 4, а именно: изданіе на русскомъ языкѣ учебныхъ книгъ для евреевъ, русскій переводъ Библіи и молитвенниковъ и нѣкоторыя другія второстепенныя средства. Согласно шестому параграфу, отдѣленіе должно быть совершенно самостоятельнымъ и независимымъ отъ комитета обществомъ, съ собственнымъ комитетомъ и собственной кассой. Эта программа была отправлена петербургскому комитету на разсмотрѣніе

съ просьбой немедленно начать хлопотать о разрѣшеніи устроить въ Одессѣ отдѣленіе, при чемъ были приложены: «объяснительная записка» о причинахъ поставленной себѣ предполагаемымъ отдѣленіемъ цѣли и «особое мнѣніе д-ра Швабахера». Въ «запискѣ», между прочимъ, говорится, что все наше прошлое доказываетъ намъ, что мы, евреи, должны быть крѣпко привязаны къ кореннымъ жителямъ той страны, гдѣ мы живемъ, что первымъ условіемъ для этого есть знаніе отечественнаго языка и что русскіе евреи не должны быть въ этомъ отношеніи исключеніемъ, тѣмъ болѣе, что нашимъ правительствомъ предоставлены разныя права лицамъ, получившимъ ту или другую степень образованія. Расширеніе правъ евреевъ—говорится дальше—въ свою очередь будетъ содѣйствовать желательному слiянію ихъ съ кореннымъ населеніемъ. Ergo, мы всяческими средствами должны распространять знаніе русскаго языка, самое же надежное средство состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать этотъ языкъ языкомъ богослуженія, ибо «сколько бы языковъ человѣкъ ни зналъ, одинъ только языкъ будетъ для него дороже всѣхъ другихъ, тотъ именно языкъ, на которомъ онъ изливаетъ свою душу». Противъ этого взгляда горячо протестовалъ д-ръ Швабахеръ въ приложенномъ «особомъ мнѣніи», гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, что неприлично, если не сказать больше, сдѣлать русскій языкъ языкомъ молитвъ изъ однихъ только образовательныхъ мотивовъ, ибо этимъ мы профанируемъ святость богослуженія для достиженія свѣтской цѣли. Если—говоритъ онъ дальше—отдѣленіе поставитъ себѣ цѣлью—сліяніе евреевъ съ русскими, то, конечно, вся его дѣятельность должна состоять преимущественно въ распространеніи знанія русскаго языка, но, по мнѣнію д-ра Швабахера, цѣли отдѣленія должны быть гораздо шире, именно—распространеніе просвѣщенія, а для этихъ-то настоящихъ цѣлей нужно прибѣгать къ другимъ средствамъ.

Дѣйствительно, отдѣленіе поставило себѣ очень узкую цѣль, и для нея-то хотѣло употреблять чрезмѣрныя, радикальныя средства. Еще понятно употреблять крайнія средства для достиженія религіозныхъ цѣлей, но употреблять религію средствомъ, хотя бы для невинной, но незначительной цѣли,—болѣе чѣмъ непонятно. Тутъ и сказалось то существенное различіе между сѣверными и южными евреями, о которомъ мы говорили выше. Въ то время, когда одесское отдѣленіе ограничило свою дѣ-

ятельность главнѣйшимъ или, вѣрнѣе, исключительнымъ образомъ распространеніемъ знанія русскаго языка, петербургскій комитетъ Общества, состоявшій преимущественно изъ литовскихъ евреевъ, устами Л. Розенталя въ предисловіи къ вышеназванному его сочиненію, такъ формулируетъ свои цѣли: «Имѣть въ столицѣ центръ еврейской науки, помогать учащимся, распространять научныя книги, расширить знаніе русскаго и древне-еврейскаго языковъ». Если всѣ эти цѣли были выражены не совсѣмъ ясно въ первомъ параграфѣ устава, то это произошло по нѣкоторымъ независящимъ причинамъ. Языкомъ для распространенія научныхъ знаній былъ выбранъ древнееврейскій. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, сами одесситы, черезъ нѣсколько лѣтъ, убѣдились въ томъ, что поставленная ими себѣ цѣль слишкомъ узка и, по возобновленіи своей дѣятельности, расширили кругъ своихъ дѣйствій, хотя, къ сожалѣнію, отчасти въ томъ же духѣ.

Петербургскій комитетъ, какъ и слѣдовало ожидать, настаивалъ на томъ, чтобы отмѣнить тѣ параграфы присланнаго изъ Одессы устава, гдѣ говорится, что русскій языкъ надо сдѣлать языкомъ богослуженія и что отдѣленіе должно быть совершенно независимо отъ Общества, мотивируя последнее тѣмъ, что для этого придется просить особое разрѣшеніе, что сопряжено съ большими препятствіями и тратой времени. По полученіи согласія на эти измѣненія въ уставѣ, выраженнаго членами-одесситами въ засѣданіи отъ 23 марта 1866 г., петербургскій комитетъ приступилъ къ хлопотамъ о разрѣшеніи «Обществу» устроить отдѣленіе въ Одессѣ, но онѣ продолжались въ теченіе всего 1866 г. и не привели ни къ чему. Нетерпѣливые одесситы, не зная причинъ этой неудачи, обратились къ комитету Общества съ письмомъ отъ 25 декабря 1866 г., въ которомъ угрожаютъ устроить себѣ, въ случаѣ, если дѣло затянется слишкомъ долго, самостоятельное общество. Для полученія желаннаго разрѣшенія комитету пришлось возобновить свои хлопоты въ нѣсколько иной формѣ: о разрѣшеніи нѣкоторыхъ измѣненій и добавленій въ уставѣ самого общества; между прочими добавочными параграфами, одинъ гласилъ, что общество имѣетъ право открывать отдѣленія въ городахъ, гдѣ оно имѣетъ не меньше 15 членовъ, если на это будетъ выражено согласіе этихъ послѣднихъ. Эти вторичныя хлопоты были начаты въ январѣ 1867 г.

и увѣнчались успѣхомъ: 9 августа того же года былъ утвержденъ уставъ одесскаго отдѣленія.

III.

Былъ избранъ мѣстный комитетъ и приступили къ работѣ. Поставленная себѣ этимъ комитетомъ цѣль, какъ знаютъ уже наши читатели, была довольно узкая, къ тому еще онъ располагалъ незначительными денежными средствами, такъ какъ петербургскій комитетъ отпускалъ ему, по уставу, восьмую часть своего ежегоднаго дохода, не превышавшаго 6.000 руб. Съ годовымъ бюджетомъ въ 700—800 р., при всей доброй волѣ, далеко не уйдешь. Такимъ образомъ, печать мелочности легла съ самаго начала на дѣятельность одесскаго отдѣленія. Дѣйствительно, всѣ результаты его четырехлѣтней дѣятельности отъ 1868 до 1872 г., когда оно временно прервало свою работу, сводятся къ способствованію къ изданію 6—7 первоначальныхъ учебниковъ; результаты эти незначительны и мизерны не только по отношенію къ тому, чего ожидали отъ отдѣленія, но и сами по себѣ. Неизвѣстно, дѣлало-ли бы отдѣленіе что-нибудь существенное при болѣе значительныхъ средствахъ, но при тѣхъ средствахъ, которыми оно распологало, оно никоимъ образомъ не могло сдѣлать больше того, что сдѣлало. А средства были на столько ничтожны, что въ 1870 г. пришлось отказать писцу, получавшему 120 р. въ годъ.

Если отдѣленіе мало сдѣлало въ первомъ четырехлѣтнемъ періодѣ своей дѣятельности, то въ хорошихъ намѣреніяхъ и проектахъ недостатка не было. Такъ, оно, обративъ вниманіе на неудовлетворительность хедеровъ въ гигіеническомъ и педагогическомъ отношеніяхъ, рѣшило изыскать средства къ улучшенію ихъ, для каковой цѣли въ 1870 г. учреждена была коммиссія изъ г. Моргулиса и покойнаго И. Оршанскаго, которые не замедлили представить подробный докладъ объ этомъ дѣлѣ. Много думали и говорили о переводѣ Библіи на русскій языкъ. Намѣреніе издавать еженедѣльную русско-еврейскую газету отчасти осуществилось, такъ какъ газета «День» возникла по инициіативѣ и послѣ хлопотъ со стороны отдѣленія, подъ покровительствомъ и наблюденіемъ котораго она находилась года полтора. Еще важнѣе былъ проектъ д-ра Пинскера объ учреждении нѣсколькихъ стипендій для общей

научной подготовки раввиновъ. Исходя изъ вѣрной точки зрѣнія, что теперешніе наши духовные раввины не стоятъ на высотѣ своей задачи, такъ какъ общее образованіе имъ совершенно чуждо, и что существующія въ Россіи раввинскія училища не могутъ давать того контингента людей, которые съ достоинствомъ и пользой могли бы занимать постъ духовныхъ пастырей, д-ръ Пинскеръ, въ докладѣ своемъ, приходитъ къ странному заключенію, что, для пополненія этого ощутительнаго недостатка, «Общество распространенія просвѣщенія» должно назначить нѣсколько стипендій, по 300 руб. ежегодно, для лучшихъ учениковъ изъ кончившихъ раввинское училище и пожелающихъ поступить на восточный факультетъ или въ филологическій институтъ, съ условіемъ вступить, по полученіи высшаго образованія, на должности раввиновъ. Мотивируетъ онъ свое предложеніе тѣмъ, что если для духовныхъ раввиновъ еще достаточны тѣ свѣдѣнія по еврейскимъ предметамъ, какія даютъ своимъ питомцамъ раввинскія училища, то этого никакъ нельзя сказать относительно общаго образованія. Довольно странная мотивировка и, вслѣдствіе этого, странный выводъ. Намъ кажется,—а, можетъ быть, не намъ однимъ, — что бывшіе раввинисты потому не годились занимать тотъ духовный санъ, для котораго они предназначались, что, обладая вполнѣ достаточнымъ для этого сана общимъ образованіемъ, полученнымъ въ раввинскихъ училищахъ, они слишкомъ мало знали и—нечего грѣха таить — еще меньше любили то, что слѣдуетъ знать еврейскому раввину, какъ таковому, именно еврейскіе предметы: еврейскую науку и литературу, многовѣковую и поучительную исторію еврейскаго народа и религіозные кодексы евреевъ, такъ что на эту-то слабую сторону надо было бы обратить вниманіе, а не на недостаточное, будто бы, общее образованіе. Петербургскій комитетъ отвергъ предложеніе д-ра Пинскера главнымъ образомъ потому, что эти стипендіаты будутъ, можетъ быть, очень хорошими оріенталистами или филологами, но, навѣрное, болѣе чѣмъ посредственными раввинами, а взамѣнъ отвергнутаго предложенія онъ рѣшилъ привести въ исполненіе проектъ Л. Розенталя, предложенный еще годомъ раньше, въ 1867 г., и состоявшій въ томъ, чтобы посылать на счетъ Общества лучшихъ раввинистовъ въ одну изъ заграничныхъ еврейскихъ семинарій, гдѣ они пріобрѣтали бы то, что слѣдуетъ знать

и увѣнчались успѣхомъ: 9 августа того же года былъ утвержденъ уставъ одесскаго отдѣленія.

III.

Былъ избранъ мѣстный комитетъ и приступили къ работѣ. Поставленная себѣ этимъ комитетомъ цѣль, какъ знаютъ уже наши читатели, была довольно узкая, къ тому еще онъ располагалъ незначительными денежными средствами, такъ какъ петербургскій комитетъ отпускалъ ему, по уставу, восьмую част своего ежегоднаго дохода, не превышавшаго 6.000 руб Съ годовымъ бюджетомъ въ 700—800 р., при всей добро волѣ, далеко не уйдешь. Такимъ образомъ, печать мелочност легла съ самаго начала на дѣятельность одесскаго отдѣленія. Дѣйствительно, всѣ результаты его четырехлѣтней дѣятельности отъ 1868 до 1872 г., когда оно временно прервало свою работу, сводятся къ способствованію къ изданію 6—7 первоначальныхъ учебниковъ; результаты эти незначительны и мизерны не только по отношенію къ тому, чего ожидали отъ отдѣленія, но и сами по себѣ. Неизвѣстно, дѣлало-ли бы отдѣленіе что-нибудь существенное при болѣе значительныхъ средствахъ, но при тѣхъ средствахъ, которыми оно распологало, оно никоимъ образомъ не могло сдѣлать больше того, что сдѣлало. А средства были на столько ничтожны, что въ 1870 г. пришлось отказать писцу, получавшему 120 р. въ годъ.

Если отдѣленіе мало сдѣлало въ первомъ четырехлѣтнемъ періодѣ своей дѣятельности, то въ хорошихъ намѣреніяхъ и проектахъ недостатка не было. Такъ, оно, обративъ вниманіе на неудовлетворительность хедеровъ въ гигіеническомъ и педагогическомъ отношеніяхъ, рѣшило изыскать средства къ улучшенію ихъ, для каковой цѣли въ 1870 г. учреждена была коммиссія изъ г. Моргулиса и покойнаго И. Оршанскаго, которые не замедлили представить подробный докладъ объ этомъ дѣлѣ. Много думали и говорили о переводѣ Библіи на русскій языкъ. Намѣреніе издавать еженедѣльную русско-еврейскую газету отчасти осуществилось, такъ какъ газета «День» возникла по иниціативѣ и послѣ хлопотъ со стороны отдѣленія, подъ покровительствомъ и наблюденіемъ котораго она находилась года полтора. Еще важнѣе былъ проектъ д-ра Пинскера объ учрежденіи нѣсколькихъ стипендій для общей

научной подготовки раввиновъ. Исходя изъ вѣрной точки зрѣнія, что теперешніе наши духовные раввины не стоятъ на высотѣ своей задачи, такъ какъ общее образованіе имъ совершенно чуждо, и что существующія въ Россіи раввинскія училища не могутъ давать того контингента людей, которые съ достоинствомъ и пользой могли бы занимать постъ духовныхъ пастырей, д-ръ Пинскеръ, въ докладѣ своемъ, приходитъ къ странному заключенію, что, для пополненія этого ощутительнаго недостатка, «Общество распространенія просвѣщенія» должно назначить нѣсколько стипендій, по 300 руб. ежегодно, для лучшихъ учениковъ изъ кончившихъ раввинское училище и пожелающихъ поступить на восточный факультетъ или въ филологическій институтъ, съ условіемъ вступить, по полученіи высшаго образованія, на должности раввиновъ. Мотивируетъ онъ свое предложеніе тѣмъ, что если для духовныхъ раввиновъ еще достаточны тѣ свѣдѣнія по еврейскимъ предметамъ, какія даютъ своимъ питомцамъ раввинскія училища, то этого никакъ нельзя сказать относительно общаго образованія. Довольно странная мотивировка и, вслѣдствіе этого, странный выводъ. Намъ кажется,—а, можетъ быть, не намъ однимъ, — что бывшіе раввинисты потому не годились занимать тотъ духовный санъ, для котораго они предназначались, что, обладая вполнѣ достаточнымъ для этого сана общимъ образованіемъ, полученнымъ въ раввинскихъ училищахъ, они слишкомъ мало знали и—нечего грѣха таить — еще меньше любили то, что слѣдуетъ знать еврейскому раввину, какъ таковому, именно еврейскіе предметы: еврейскую науку и литературу, многовѣковую и поучительную исторію еврейскаго народа и религіозные кодексы евреевъ, такъ что на эту-то слабую сторону надо было бы обратить вниманіе, а не на недостаточное, будто бы, общее образованіе. Петербургскій комитетъ отвергъ предложеніе д-ра Пинскера главнымъ образомъ потому, что эти стипендіаты будутъ, можетъ быть, очень хорошими оріенталистами или филологами, но, навѣрное, болѣе чѣмъ посредственными раввинами, а взамѣнъ отвергнутаго предложенія онъ рѣшилъ привести въ исполненіе проектъ Л. Розенталя, предложенный еще годомъ раньше, въ 1867 г., и состоявшій въ томъ, чтобы посылать на счетъ Общества лучшихъ раввинистовъ въ одну изъ заграничныхъ еврейскихъ семинарій, гдѣ они пріобрѣтали бы то, что слѣдуетъ знать

образованному раввину. Съ этимъ предложеніемъ согласилось и отдѣленіе—не въ принципѣ, но въ видѣ опыта на 4 года.

Всѣ эти намѣренія—безсомнѣнно хорошія, но одними намѣреніями далеко не уйдешь. Настоящая же дѣятельность отдѣленія и добытые ею результаты были слишкомъ ничтожны, чтобы они могли удовлетворить стоявшихъ во главѣ его. При недостаточности средствъ неожиданно случилось еще событіе, заставившее усумниться въ раціональности самой этой цѣли. Мы говоримъ объ одесскихъ безпорядкахъ противъ евреевъ въ пасху 1871 г. Предсѣдатель одесскаго отдѣленія д-ръ Соловейчикъ, въ своемъ письмѣ отъ марта 1872 г. къ петербургскому комитету, говоритъ, между прочимъ, что «послѣ бывшихъ погромовъ у дѣятелей отдѣленія возникло сомнѣніе въ томъ, настоящую-ли цѣль они поставили себѣ вообще и какъ члены «Общества распространенія просвѣщенія» въ особенности, такъ какъ по всему видно, что всѣ старанія евреевъ сближаться съ кореннымъ населеніемъ будутъ оставаться тщетными, пока масса этого населенія будетъ стоять на низкой степени развитія и нравственности». Руки совсѣмъ опустились: и средствъ мало и сама цѣль сомнительной полезности, не съ чѣмъ и не для чего работать. Продолжать ходить по старому пути нельзя уже, а новый еще не былъ найденъ — и отдѣленіе стало въ глубокомъ раздумьи на распутьи. Печаленъ былъ результатъ этихъ думъ: пришли къ заключенію, что единственный исходъ состоитъ въ естественной смерти, т. е. въ прекращеніи своей дѣятельности. Д-ръ Соловейчикъ въ своемъ письмѣ, о которомъ мы сейчасъ говорили, кромѣ высказанной причины, выставляетъ другою причиною, побудившею отдѣленіе прекратить свое существованіе, то, что оно располагало слишкомъ ничтожными средствами, что было тормазомъ во всѣхъ его предпріятіяхъ и намѣреніяхъ. Всѣ настаиванія со стороны петербургскаго комитета, всѣ его ободренія и упованія на лучшее будущее привели только къ тому, что отдѣленіе только временно прекратило свою дѣятельность.

IV.

Долго, слишкомъ долго—около семи лѣтъ—бездѣйствовало одесское отдѣленіе, такъ что многіе полагали, что оно уже окончательно прекратило свое существованіе. Однако, то было

не смерть, а только сонъ, правда, крѣпкій, летаргическій, но все-таки прерывавшійся время отъ времени или самъ собою или вслѣдствіе побужденій извнѣ. Въ эти рѣдкія минуты пробужденія являлось у нѣкоторыхъ сознаніе, что стыдно такъ долго спать, что время не терпитъ и что надо взяться за дѣло, живое и дѣйствительно-полезное, но по инерціи и по другимъ независящимъ причинамъ они опять засыпали. А между тѣмъ дѣла, даже не терпящаго отлагательства, было очень много. Это сознало само отдѣленіе еще въ 1872 г., въ лицѣ лучшаго и симпатичнѣйшаго своего дѣятеля и предсѣдателя, д-ра Соловейчика. Въ одномъ изъ засѣданій петербургскаго комитета за этотъ годъ онъ, подробно изложивъ причины прекращенія дѣятельности отдѣленія, заявилъ, что если оно когда нибудь воскреснетъ къ новой жизни, то главная его задача будетъ: улучшеніе первоначальнаго воспитанія у евреевъ. Замѣтимъ кстати, что д-ръ Соловейчикъ самъ не дожилъ до этого лучшаго времени, до новой жизни отдѣленія: онъ умеръ въ 1875 г., въ самое смутное для русскихъ евреевъ время, когда они почвы подъ собой не чувствовали, такъ какъ отъ своего берега они слишкомъ далеко отстали, а къ другому, который имъ казался очень заманчивымъ и къ которому они плыли на всѣхъ парусахъ, они не пристали или, вѣрнѣе, имъ не дали пристать. Миръ праху этого честнаго дѣятеля и человѣка!

Да, путь былъ уже намѣченъ, необходимость и искреннее желаніе взяться за дѣло постепенно росли, но не было средствъ, достаточныхъ для этого дѣла, такъ какъ «Общество» намѣревалось, попрежнему, согласно уставу, выдавать отдѣленію $^1/_8$ часть своего ежегоднаго дохода, все еще не превышавшаго 6000 р. Въ засѣданіи петербургскаго комитета отъ 22 октября 1874 г. д-ръ Гаркави заявилъ, что во время своего недавняго пребыванія въ Одессѣ онъ обратилъ вниманіе бывшихъ представителей тамошняго отдѣленія на ихъ бездѣятельность и что результатомъ этого есть письмо, полученное имъ отъ нихъ, гдѣ пишутъ, что предполагаютъ устроить учительскій институтъ и открыть въ окрестностяхъ и предмѣстіяхъ Одессы еврейскія начальныя училища или образцовые хедеры, для каковой цѣли они просятъ, чтобы комитетъ Общества назначилъ имъ ежегодно по 2000 р. для института и по 3000 р. на начальныя училища. «Общество», вполнѣ симпатизируя этой благородной и своевре-

менной мысли, вынуждено было, однако, при своемъ годовомъ бюджетѣ въ 6000 р. въ этой просьбѣ отказать. Прошло еще цѣлыхъ четыре года; жгучія, хотя только мѣстныя потребности, не давали покоя одесситамъ. Настоятельность въ возобновленіи своей дѣятельности чувствовалась все больше и больше, такъ что въ 1878 г. рѣшено было приступить къ дѣлу. Обративъ вниманіе на то, что много сотенъ еврейскихъ семействъ въ Одессѣ, по своей крайней бѣдности, не въ состояніи давать своимъ дѣтямъ общаго начальнаго образованія, и также на то, что много молодыхъ евреевъ, обращаются къ отдѣленію съ просьбами о выдачѣ имъ денежныхъ пособій, чтобы имѣть возможность кончить курсъ ученія или поступить въ среднія и высшія учебныя заведенія, члены отдѣленія рѣшили, еще до оффиціальнаго возобновленія своей дѣятельности ходатайствовать объ открытіи въ 3-4-хъ пунктахъ Одессы начальныхъ училищъ подъ названіемъ «Талмудъ-Торы» и объ ассигнованіи на это извѣстной суммы изъ коробочнаго сбора. Учащейся молодежи, въ особенности изъ среднихъ учебныхъ заведеній, рѣшено было ассигновать до 600 р. Въ концѣ того же 1878 г., когда г. Моргулисъ уѣзжалъ по своимъ дѣламъ въ Петербургъ, его уполномочили возбудить тамъ вопросъ о возобновленіи одесскимъ отдѣленіемъ своей дѣятельности, причемъ 120 человѣкъ выразили желаніе вступить въ число членовъ. Петербургскій комитетъ, давъ свое согласіе на это, заявилъ, что въ виду того, что избранный отдѣленіемъ главный предметъ дѣятельности—устройство образцовыхъ училищъ въ Одессѣ—носитъ на себѣ характеръ мѣстной благотворительности, онъ болѣе не считаетъ для себя обязательнымъ отпускать въ его пользу, согласно § 3 устава, $^1/_8$ часть доходовъ Общества; взамѣнъ же этой части онъ разрѣшилъ отдѣленію распоряжаться его членскими взносами и другими доходами, какъ ему угодно будетъ, а не посылать ихъ въ кассу Общества, какъ то дѣлалось раньше. Общее собраніе отдѣленія (18 января 1879 г.), находя возможнымъ возобновить свою дѣятельность на условіяхъ, предложенныхъ комитетомъ Общества, избрало комитетъ изъ девяти лицъ съ д-мъ Акинымъ въ качествѣ предсѣдателя; тутъ же принято было 140 членовъ, и съ возобновленными силами опять приступили къ работѣ.

В. Д—овъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПОДВИГИ ДИЛЕТАНТИЗМА.

Christianus in Talmude Judaeorum, sive Rabbinicae doctrinae de Christianis *secreta*, quae patere fecit *I. B. Pranaitis*, s. theologiae magister linguae hebraeae in Academia Caesarea Rom. Cath. Ecclesiastica Petropolitan praeceptor, presbyter dioceceseos seinensis. *Petropoli 1892.*

III [1].

Мы не видимъ надобности и возможности останавливаться на всѣхъ цитатахъ г. Пранайтиса, чтобы разбирать ихъ достоинство. Это тѣмъ болѣе трудно выполнимо, что огромное большинство изреченій, выхваченныхъ г. Пранайтисомъ изъ разныхъ талмудическихъ сочиненій, было бы напрасно искать въ экземплярахъ этихъ книгъ, которыя имѣются у современныхъ евреевъ или которыми даже пользовались предки ихъ въ неособенно далекомъ прошломъ. Современное еврейство въ Европѣ, кромѣ развѣ записныхъ библіографовъ и собирателей рѣдкостей, никогда не видало тѣхъ старыхъ изданій XVI и XVII вв., въ которыхъ еще находятся нѣкоторыя, непріязненныя для неевреевъ мѣста. Да и зачѣмъ слѣдить за г. Пранайтисомъ шагъ за шагомъ? Онъ не умнѣе, не поучительнѣе, не добросовѣстнѣе своихъ предшественниковъ, задавшихся благородной мыслью, доказавъ помощью фальсификаціи слова или духа, зловредность Талмуда, натравить на евреевъ неразборчивую и неспособную къ трезвой критикѣ массу. И средства употребляетъ г. Пранайтисъ совершенно тѣ же, къ какимъ прибѣгали его предшественники, начиная съ невѣжественнаго перекрещенца Пфефферкорна до унтеръ-офицера Алексѣева включительно. Это

[1] См. „Восходъ“, кн. VI.

тѣ средства и пути, которыми для дѣла добра, любви и правды никогда не пользовались, но которыя зато съ поконъ вѣку были любимыми путями злобствующаго мракобѣсія и профанирующаго научные пріемы шарлатанства.

Въ общемъ, пути и пріемы г. Пранайтиса, какъ и его предшественниковъ сводятся къ слѣдующимъ манипуляціямъ.

1. *Произвольныя толкованія и передержки.* Все, что есть въ Талмудѣ нелестнаго, непріятнаго и порицающаго—все это должно непремѣнно относиться къ христіанамъ, *должно* потому, что такъ *нужно*. Въ трактатѣ Abodah Sarah содержатся сотни постановленій и мѣръ, имѣющихъ цѣлью удалять евреевъ отъ всякаго вида идолопоклонства, отъ всякаго рода поблажки язычеству и хотя въ первой же Мишнѣ этого трактата ясно говорится о календахъ и сатурналіяхъ, хотя авторитетные комментаторы и компетентные ученые, какъ изъ евреевъ, такъ и изъ христіанъ, утверждаютъ, что весь трактатъ Abodah Sarah имѣетъ въ виду вовсе не христіанъ, а исключительно язычниковъ, г. Пранайтисъ, не зная страха и не чуя упрека, со смѣлостью достойной лучшей доли, читаетъ всюду «христіане», гдѣ въ этомъ трактатѣ сказано: «язычники». А если тѣ же талмудическія предписанія съ буквальной точностью повторяются въ кодексахъ, составленныхъ въ христіанскихъ и магометанскихъ странахъ средневѣковой Европы, то г. Пранайтисъ еще болѣе утверждается въ своемъ мнѣніи, на основаніи того мудраго соображенія, что не относись эти постановленія къ христіанамъ, они вообще лишены всякой примѣнимости, забывая при этомъ, что въ эти же кодексы вошли и талмудическія постановленія о жертвоприношеніяхъ, о службѣ въ храмѣ, о чистомъ и нечистомъ и тому подобныя предписанія, не имѣющія нынѣ *никакого* примѣненія, между тѣмъ какъ язычники еще вѣдь не перевелись на землѣ. Если какой нибудь талмудическій авторитетъ въ сердцахъ распекаетъ неучей за ихъ упорное отстаиванье мрака и тупую ненависть къ ученымъ, то подъ этими неучами слѣдуетъ понимать никого иного, какъ только христіанъ. А почему неучи значатъ христіане? Потому что такъ нравится г. Пранайтису. А чѣмъ это доказывается? А вотъ именно тѣмъ, что г. Пранайтисъ это утверждаетъ! Если въ Талмудѣ часто проводится параллель между человѣкомъ изъ плоти и крови и царемъ Всесвятымъ, разумѣется, къ славѣ Бога и къ пристыженію человѣка, то къ кому должны быть отнесены слова «плоть и кровь», если не къ христіанамъ или даже къ самому Христу! А на чемъ основывается это предположеніе? Исключи-

тельно на авторитетномъ мнѣніи г. Пранайтиса! Если евреи ежедневно молятся о томъ, «чтобы *предателямъ* (по варіанту г. Пранайтиса *отступникамъ*) была отрѣзана всякая надежда и чтобы зло скоро погибло», то о комъ тутъ можетъ быть рѣчь, если не о христіанахъ? (p. 118). А чѣмъ и кѣмъ подкрѣпляется такое мнѣніе? Опять таки единоличнымъ мнѣніемъ г. Пранайтиса. Впрочемъ, по отношенію къ этому послѣднему предположенію г. Пранайтисъ можетъ сослаться на свидѣтельство самихъ евреевъ. Мы говоримъ о тѣхъ несчастныхъ мученикахъ, которые въ Болоньѣ, въ 1567 году были, по приказанію благочестиваго трибунала инквизиціи и для пущей славы католицизма, брошены въ темницу и подвергнуты лютѣйшей пыткѣ, подъ адскимъ дѣйствіемъ которой они сознались во всемъ, что нужно было священному суду инквизиціи, между прочимъ, также и въ томъ, что молитва «о предателяхъ» относится къ христіанамъ и къ папѣ римскому. Правда, раввинъ болоньской общины, престарѣлый р. Измаилъ-Ханина, тутъ же, претерпѣвая страшныя муки подъ руками палачей ad majorem Dei gloriam, имѣлъ мужество объявить напередъ ничтожными и неимѣющими силы всѣ невѣрныя показанія, на случай, если таковыя будутъ имъ даны въ минуту потери яснаго сознанія отъ нестерпимой боли [1]; но вѣдь объ этомъ, какъ о фактѣ неудобномъ, можно умолчать.

2. Самовольное провозглашеніе авторитетовъ. Г. Пранайтисъ, которому храбрость и отвага, какъ мы видѣли, свойственны въ гораздо большей степени, чѣмъ научная правда и добросовѣстность, со свойственной ему смѣлостью берется судить, какіе ученые еврейской литературы въ глазахъ евреевъ считаются авторитетными и имѣющими прочное, всѣми признанное, значеніе. Для иновѣрца задача, какъ видите, довольно трудная. Но для г. Пранайтиса трудностей не существуетъ. Ему нужно, во первыхъ, поражать *свою* публику своей громадной эрудиціею; затѣмъ ему важно цитировать чѣмъ больше книгъ, чтобы тѣмъ нагляднѣе доказать вредность евреевъ и ихъ ученія. И вотъ онъ валитъ въ одну кучу все, что онъ нашелъ у своихъ учителей и вдохновителей: тутъ и Талмудъ, и Sohar, и всякіе кодексы, и всякія книженки, и всякіе памфлеты, вызванные какими либо событіями и имѣвшіе лишь мимолетное значеніе или ничѣмъ не вызванные, кромѣ развѣ пошленькой фантазіи ихъ авторовъ— все пускается въ ходъ. Чистосердечно говоря, мы не думаемъ все это

[1] Haschachar годъ II, книга I. стр. 379; Graetz, IX, p. 380.

безтолковое и крайне одностороннее пользованіе произведеніями еврейской литературы приписывать исключительно ехидству г. Пранайтиса; мы охотно вѣримъ, что главнымъ образомъ виновато тутъ его невѣдѣніе. Но, въ такомъ случаѣ, незачѣмъ было браться за непосильную задачу, непосильную, можетъ быть, и для людей, гораздо болѣе свѣдущихъ по части семитологіи, чѣмъ какой-то г. Пранайтись. Впрочемъ, проповѣдывать г. Пранайтису объ авторской добропорядочности все равно, что говорить глухому о мудрыхъ. Посмотримъ лучше, что творитъ г. Пранайтисъ.

Рядомъ съ Талмудомъ г. Пранайтисъ ссылается и на книгу Sohar. Не говоря уже о томъ, что почти всѣ его цитаты изъ этой книги совершенно безразличны и никакого отношенія къ тенденціи г. Пранайтиса не имѣютъ, такъ что даже неизвѣстно, для чего онѣ приведены, ссылка г. Пранайтиса на эту книгу, какъ и на другія каббалистическія сочиненія, напримѣръ, на книгу Schaare Orah, доказываетъ только, что ему неизвѣстны ни просхожденіе этихъ книгъ, ни роль ихъ въ исторіи умственнаго движенія среди католическаго міра среднихъ вѣковъ. Г. Пранайтисъ знаетъ только, что книга Sohar написана R. Schimeon ben-Iochai'емъ (танаитомъ II вѣка). О какомъ-то R. Moses de Leon (XIII в.), издателѣ этой книги и болѣе чѣмъ вѣроятномъ авторѣ ея, онъ не знаетъ, хотя люди, способные къ научной критикѣ, никогда не сомнѣвались въ совершенной M. d. Leon'омъ интерполяціи. Затѣмъ г. Пранайтисъ не знаетъ, что этой именно книгой католическій міръ долго дорожилъ, какъ источникомъ подтвержденія разныхъ своихъ догмъ; что нѣкоторые католическіе авторитеты даже видѣли изданія Sohar, въ которыхъ заключались явные намеки на Св. Троицу; [1]. что первое печатное изданіе Sohar Эманнуила ди-Беневенто вышло въ царствованіе суроваго ревнителя папы Павла IV, съ разрѣшенія трибунала инквизиціи; что второе изданіе этого же Sohar'а было предпринято христіаниномъ Конти въ Кремонѣ и выполнено, между прочимъ, ядовитымъ врагомъ еврейства каноникомъ-конвертитомъ Эліано, и что, наконецъ, всѣ эти усердныя хлопоты о распространеніи Sohar'а совпадаютъ съ такими же ожесточенными преслѣдованіями Талмуда, поведшими къ сожженію, по наученію доминиканцевъ, въ одной только Кремонѣ до двѣнадцати тысячь талмудическихъ книгъ [2]. Во всякомъ случаѣ Sohar побывалъ въ столькихъ католическихъ рукахъ, что только по крайне

---

[1] Wolf, I p. 1136 изъ сочиненія Галатина. См. также Graetz, VII p. 233

[2] Joseph Kohen, Emek ha-Bacha 121. Graetz, IX 368 sequ.

преступному нерадѣнію или же по неменѣе тонко разсчитанному усердію въ этой книгѣ могли оказаться враждебныя христіанству мѣста [1]. Но Sohar, по крайней мѣрѣ, книга, составившая себѣ большую извѣстность и имѣвшая, такъ или иначе, вліяніе на многіе умы. Между тѣмъ, г. Пранайтисъ ссылается на какую то книжонку подъ названіемъ «Toldoth Jeschu» и приводитъ изъ нея отрывки (b. 34), вызывающіе прежде всего чувство отвращенія. Кто былъ авторомъ этой книжки, еврей, католикъ, язычникъ? неизвѣстно. Кто былъ издателемъ ея — христіанинъ Johann Wagenseil, о чемъ г. Пранайтисъ благоразумно умалчиваетъ. А пользовался ли этотъ грязненькій средивѣковой памфлетикъ какимъ нибудь значеніемъ среди евреевъ? Г. Пранайтисъ и этотъ вопросъ обходитъ молчаніемъ. Въ дѣйствительности же книжонка «Toldoth Jeschu» и другія подобныя ничтожности никогда никакого значенія не имѣли, и еслибы не нашелся услужливый христіанинъ, предавшій ее тисненію, никто въ настоящее время не подозрѣвалъ-бы о существованіи когда-либо этого вздорнаго

---

[1] Можно смѣло ручаться, что г. Пранайтисъ книги „Зогаръ" никогда въ глаза не видалъ. Всѣ приведенныя имъ оттуда цитаты списаны изъ одной изъ книженокъ извѣстнаго фальсификатора Ролинга, и списаны, разумѣется, со всѣми передержками, искаженіями и невѣрными толкованіями, которыя составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ произведеній послѣдняго. Мы не намѣрены остановиться здѣсь на подробномъ разборѣ всѣхъ этихъ цитатъ; достаточно будетъ привести одинъ примѣръ, чтобы показать, какъ Ролингъ и его копіистъ обращаются съ своими текстами. Ex uno disces omnia. На стр. 115 г. Пранайтисъ увѣряетъ своихъ читателей, будто, по словамъ Зогара, евреи, убивающіе христіанъ, попадаютъ въ рай, гдѣ имъ отводятся самыя почетныя мѣста. Ролингъ не приводитъ текста этого цѣликомъ, а только отрывочно, чтобы легче ввести читателя въ заблужденіе. Тоже самое дѣлаетъ его alter ego. Если прочитать все это въ контекстѣ, тогда относительно настоящаго его смысла никакого сомнѣнія быть не можетъ, но и такъ для всякаго, знакомаго съ языкомъ Зогара, вполнѣ ясно, что рѣчь идетъ не объ убійцахъ, но объ *убитыхъ*, о *еврейскихъ мученикахъ*, терпящихъ смерть отъ рукъ своихъ безжалостныхъ гонителей за свою вѣру. Мученичество во всѣхъ религіяхъ считается величайшимъ подвигомъ, и никого не удивитъ, если евреи окружаютъ своихъ мучениковъ особеннымъ ореоломъ и увѣрены въ томъ, что они на томъ свѣтѣ сподобляются высшаго блаженства. Но сколько злой воли, безсердечія и безчеловѣчности требуется для того, чтобы благороднѣйшихъ людей, сдѣлавшихся жертвами самаго грубаго фанатизма, которыхъ въ другихъ религіяхъ почитали-бы какъ святыхъ, превратить въ убійцъ тѣхъ, отъ рукъ которыхъ они сами потерпѣли самую жестокую смерть?... И все это дѣлается „во имя истины"!

Ред.

пасквиля. Да и теперь онъ извѣстенъ развѣ только записнымъ библіографамъ. Пишущій эти строки позволяетъ себѣ думать, что онъ видѣлъ на своемъ вѣку больше книгъ по разнымъ отрослямъ еврейской литературы, чѣмъ могло сниться г. Пранайтису, а этого чуда-іуда, что имеется «Toldoth Jeschu» никогда въ глаза не видалъ и, признаться, никогда не рѣшался-бы приводить возмутительную белиберду о Христѣ, подобную той, которую приводитъ г. Пранайтисъ изъ такого мутнаго и грязнаго источника. Такая грязь, закопанная въ пыли книгохранилищъ, не оскарбляетъ ничьего глаза; совершенно другое дѣло выносить ее на свѣтъ Божій и подносить читающему міру въ довольно легонькомъ латинскомъ изложеніи, доступномъ всякому христіанскому гимназисту. Неужели г. Пранайтисъ принадлежитъ къ тѣмъ, лозунгъ которыхъ: цѣль оправдываетъ средства? Во всякомъ случаѣ, не еврейской литературѣ отвѣчать за такія пошлыя книжныя издѣлія, какъ «Toldoth Jeschu», точно такъ, какъ русскую литературу, напримѣръ, никто не сдѣлаетъ отвѣтственной за разный печатный вздоръ, подносимый публикѣ гг. Леухиными, Манухиными и всей ихъ братіею. Впрочемъ отъ еврейской литературы требуютъ, чтобы она отвѣчала не только за современныхъ Леухиныхъ и Манухиныхъ, но и за таковыхъ же рыцарей печатнаго станка отдаленнаго времени или вообще за всякаго сочинителя, за всякую брошюру, за всякій памфлетъ, когда-либо и при какихъ-либо условіяхъ напечатанный кѣмъ нибудь изъ евреевъ. На еврейскую литературу г. Пранайтисъ и его предшественники возлагаютъ отвѣтственность за отдѣльныя слова и изреченія такихъ авторовъ, о которыхъ огромное большинство даже образованныхъ и свѣдущихъ по дѣламъ своей религіи евреевъ никогда не слыхало; а такое безцеремонное навязываніе чужому культу авторитетовъ по своему личному благоусмотрѣнію опять таки можно себѣ позволить лишь при убѣжденіи что цѣль оправдываетъ средства [1].

---

[1] Книжка «Toldot Ieschu", о которой во всей обширной еврейской литературѣ ни единымъ словомъ не упоминается и которая евреямъ абсолютно неизвѣстна, найдена и въ первый разъ издана была съ латинскимъ переводомъ Іоанномъ-Христофоромъ Вагензейлемъ въ его книгѣ „Tela ignea Satanae" (Altdorf, 1681), а затѣмъ во второй разъ другимъ христіаниномъ по имени Іоаннъ Яковъ Гульдерихъ по другой рукописи, также съ латинскимъ переводомъ подъ заглавіемъ „Historia Ieschuae Nazarei" (Leyden, 1705). См. объ этой книжкѣ и ея изданіяхъ De-Rossi, Dizionario storico degli autori ebrei II, 152—153; J. Fürst, Bibliotheca Judaica, II, 63.

Ред.

3. Пристрастное обобщенiе частностей въ ущербъ истинѣ. Гонители талмудической литературы споконъ вѣку усвоили себѣ одинъ общiй прiемъ, прiемъ свойственный, впрочемъ, всѣмъ ратующимъ не для правды, а для язвительной обиды, не изъ за стремленiя прiйти къ правдивому, безпристрастному отзыву, а изъ за упорнаго, закоренѣлаго предубѣжденiя. Изъ какого нибудь большаго сочиненiя выдергивается нѣсколько мѣстъ, приправляется нужными пряностями и въ нужной обстановкѣ выставляется на показъ, какъ общая харастеристика этого сочиненiя. Предполагается при этомъ, конечно, что неспособная къ критикѣ публика просмотритъ, повѣритъ, возликуетъ или вознегодуетъ, смотря по надобности, и цѣль, такимъ образомъ, будетъ достигнута. Легко себѣ представить, сколько при такомъ способѣ дѣйствiя можно надергивать мѣстъ для доказательства чего угодно, для такой богатой и многочисленной, развившейся при различнѣйшихъ условiяхъ и историческихъ обстоятельствахъ литературы, какъ литература раввинско-талмудическая. Кто знакомъ съ Талмудомъ не по наслышкѣ и не изъ пятыхъ рукъ не по жалкимъ отрывкамъ, столѣтiя къ ряду переходящимъ отъ одного памфлетиста къ другому, а изъ непосредственнаго ознакомленiя съ его фолiантами, тотъ знаетъ, насколько всякое наставленiе, всякая сентенцiя Талмуда находится въ зависимости отъ внѣшнихъ условiй жизни или ученаго, высказавшаго данную сентенцiю, или, что гораздо чаще, еврейскаго народа вообще. И если такую зависимость отъ внѣшнихъ условiй можно констатировать почти во всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ въ талмудической литературѣ, то легко понять, насколько внѣшнiя условiя должны были влiять на постановку въ разное время, такого, по самой сути своей нормируемаго внѣшними обстоятельствами, вопроса, какъ вопросъ объ отношенiяхъ къ другимъ народамъ. Дѣйствительно, по отношенiямъ евреевъ къ другимъ народамъ, насколько эти отношенiя находятъ себѣ выраженiе въ исторической и законодательной литературѣ евреевъ, всегда можно безошибочно судить о характерѣ отношенiя этихъ другихъ народовъ къ евреямъ. Даже отношенiя евреевъ талмудическаго времени къ греческому языку и къ греческой культурѣ вообще нормировались настроенiемъ греческаго мiра къ евреямъ въ данную минуту [1]. И надо сказать, что; сравнивая, такимъ образомъ, отношенiя другихъ народовъ къ евреямъ въ разныя эпохи съ от-

[1] См. отзывъ о греческомъ переводѣ пятикнижiя Sopherim I, 7, u jer. Meg. I, XI и также Joel. Blicke etc. p. 3 secu.

раженіемъ этихъ отношеній въ талмудической раввинской литературѣ, поневолѣ придешь къ заключенію, что евреи отличались гораздо большей приверженностью къ идеямъ братства и человѣколюбія, чѣмъ окружавшіе ихъ народы, что имъ очень нелегко было сходить съ пути добрыхъ чувствъ и братскихъ отношеній къ людямъ, на который они очень рѣшительно стали еще проповѣдями пророковъ Исаіи и Михи. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что, въ то время, когда евреи почти всюду испытали вражду и непріязнь, изъ всей ихъ литературы, содержащей въ себѣ сотни тысячъ разныхъ поученій и сентенцій, гонители Талмуда могли вырвать лишь какой нибудь десятокъ другой мѣстъ, продиктованныхъ нетерпимостью, и то при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывающихся въ большинствѣ случаевъ, или плохо понятыми, или имѣвшими примѣненіе лишь къ давно сошедшему со сцены міру. Г. Пранайтисъ, да и всякіе гг. Пранайтисы ухватываются за какое нибудь слово нетерпимости въ Талмудѣ, вытекающее, можетъ быть, изъ крайне щекотливаго отношенія къ вопросамъ монотеизма, который талмудисты старались сохранить въ чистѣйшемъ видѣ, или въ которомъ заключается юридическая норма св. Писанія, давно модифицированная и смягченная талмудической этикой, и умолчиваютъ о многомъ множествѣ мѣстъ въ той же талмудическо-раввинской литературѣ, проникнутыхъ самой возвышенной нравственностью, самымъ чистымъ альтруизмомъ. Патріархъ и глава синедріона Гилель—высшій талмудическій авторитетъ, а этотъ патріархъ объявляетъ желающему обратиться въ еврейство язычнику, что любовь къ ближнему есть краеугольный камень всего религіознаго зданія, остальное—только аксессуары [1]. Мудрыхъ гонителей Талмуда, утверждающихъ, что подъ «ближнимъ» слѣдуетъ разумѣть только еврея мы отсылаемъ къ двумъ авторитетамъ, надо полагать, болѣе компетентнымъ въ этомъ отношеніи. Мы говоримъ о R. Akiba и Ben-Asai, двухъ танаитахъ II вѣка. Первый изъ нихъ увѣряетъ, что стихъ «люби ближняго, какъ самаго себя» (Lev. XIX, 18) заключаетъ въ себѣ величайшее обобщеніе всего еврейскаго вѣроученія; второй же находитъ, что въ стихѣ: *сія книга происхожденія человѣка* (Gen. V, 1) заключается еще болѣе важное обобщеніе, изъ котораго первое вытекаетъ, какъ логическое слѣдствіе [2]. И такъ, тутъ рѣчь идетъ уже не о ближнемъ, а о *человѣкѣ*, въ періодѣ, когда о дѣленіи на національности еще не могло быть рѣчи. Изъ разныхъ стиховъ, обѣщающихъ блага небесной жизни человѣку, творящему добро

---

[1] Sabb. 32a. [2] Talm. jer. Nedarim, X,9.

Sifra [1] выводитъ слѣдующее заключеніе: *человѣку* говорится тутъ, а не священнику, левиту и израильтянину; отсюда слѣдуетъ, что и язычникъ, творящій добро, равенъ первосвященнику.—«Священники твои облекутся благостью» (Ps. 132, 9), читаемъ мы въ Ялкутѣ [2], это праведные между всѣми народами, которые суть священнослужители Всесвятаго въ мірѣ семъ, какъ напримѣръ, императоръ Антонинъ и ему подобные. Изъ стиха: нечестивые нисходятъ въ преисподню, всѣ народы, забывающіе Бога (Ps. IX, 18) Tosifta [3] выводитъ заключеніе, что незабывающіе Бога, праведные между всѣми народами удостаиваются блаженства будущей жизни. Мало того, даже грѣшнымъ иновѣрцамъ, подобно грѣшнымъ евреямъ, Tosifta [4] опредѣляетъ всего двѣнадцатимѣсячное пребываніе въ аду. Это мѣсто мы особенно рекомендуемъ нашему автору, въ качествѣ представителя *единоспасающей* католической церкви. Недурно также слѣдующее мѣсто въ Ялкутѣ [5]: и сказалъ Господь Моисею: Развѣ есть лицепріятіе предо мною? Еврей-ли, не-еврей-ли, мужчина-ли, женщина-ли, рабъ-ли, рабыня-ли: кто совершилъ доброе дѣло—получай возмездіе. Мидрашъ Рабба [6] поучаетъ: Нѣтъ у Всесвятаго отверженныхъ созданій; онъ принимаетъ всѣхъ; дверь всегда открыта и кто хочетъ войти пусть войдетъ.

Что же касается общественныхъ и соціальныхъ отношеній, то въ Талмудѣ и его литературѣ самымъ положительнымъ образомъ запрещается всякая несправедливость по отношенію къ иновѣрцамъ. Обсчитывать и обманывать иновѣрцевъ, по словамъ Tosifta [7], большій грѣхъ, чѣмъ тоже дѣйствіе, когда пострадавшимъ отъ него является еврей. Точно также запрещается вводить иновѣрцевъ въ заблужденіе (Chulin 94). Обмѣривать и обвѣшивать иновѣрцевъ, устанавливаетъ Маймонидъ [8], считается также преступнымъ, какъ обмѣривать и обвѣшивать евреевъ.

Мы могли бы привести изъ Талмуда множество такихъ выдержекъ, проникнутыхъ духомъ любви и уваженія къ человѣку и никогда, однако не попадающихъ въ коллекцію талмудическихъ цитатъ гг. Пранайтисовъ всѣхъ временъ; и мы воздерживаемся отъ этого не по одному тому, что цитированныхъ изреченій вполнѣ достаточно для характеристики Талмуда и его отношеній къ иновѣрцамъ, но еще по другому соображенію. Гонители Талмуда, не имѣя возможности отрицать су-

---

[1] Sifra, Kedoschim. [2] II, 64. [3] Sanhedrin 13. [4] Ibid. [5] I, 76. [6] Exod. 17.
[7] Baba—Kama 9.
[8] Jad-ha-chasaka, Hilchot Geselah waawedah, Hilchot Mechirah. etc.

ществованіе въ Талмудѣ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ прекрасныхъ поученій, говорятъ обыкновенно: хорошо, положимъ, что въ Талмудѣ есть и вполнѣ похвальныя изреченія и предписанія; но, вѣдь, есть въ Талмудѣ и изреченія противоположнаго свойства. Какъ же намъ знать какія предписанія и поученія для евреевъ обязательны? Какъ намъ знать основной тонъ и настоящій характеръ талмудической морали? Собственно на такіе вопросы и отвѣчать вовсе не стоитъ. Хотите знать, каковъ основной тонъ и духъ Талмуда? Изучайте его! Во всякомъ случаѣ, не удовлетворяйтесь случайными и отдѣльными выдержками. Этимъ способомъ доказательства можно съ одинаковымъ успѣхомъ обвинять или оправдать кого и что угодно. Покойный Францъ Деличъ былъ фанатическимъ поклонникомъ Лютера; между тѣмъ, онъ признаетъ, что если бы захотѣлъ дѣлать тенденціозныя извлеченія изъ сочиненій Лютера, то можно было бы доказать, что все лютеранство есть нечистая и проклятая ересь, построенная на вѣроломствѣ и профанирующая святыню церкви [1]. Да что Лютеръ! И само Евангеліе не обезпечено отъ тенденціознаго и односторонняго пользованія его поученіями. Величайшіе святители русской православной церкви, какъ, напримѣръ, покойный Митрополитъ Макарій и Архіепископъ Херсонскій Никаноръ, въ своихъ проповѣдяхъ любви и согласія, всегда ссылались на слова Евангелія; а протоіерей Автономовъ въ изданной имъ брошюрѣ: «Сборникъ отвѣтовъ на вопросы церковной жизни» (Спб. 1891), пытаясь дать отвѣтъ на вопросы: въ какихъ отношеніяхъ надлежитъ намъ быть къ евреямъ и позволено ли трапезовать съ ними?» совѣтуетъ христіанамъ «не водить компанія съ жидами», объясняя (см. стр. 15), что «у христіанина не можетъ быть дружбы съ Христо-убійцами», не можетъ быть «общей трапезы съ врагами Креста Христова». При этомъ г. Автономовъ, въ подкрѣпленіе своихъ «отвѣтовъ», также ссылается на мѣста изъ Евангелія. Но кому однако, вслѣдствіе этого, придетъ въ голову мысль сомнѣваться въ общемъ духѣ евангельскаго ученія! Талмудъ, конечно, твореніе другаго рода, и рѣдкій христіанинъ имѣетъ возможность ознакомиться съ нимъ непосредственно. Въ такомъ случаѣ, надо полагаться на слова такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Деличъ, Вюнше, Нельдеке и другихъ, имѣвшихъ случай высказаться о Талмудѣ. Полагаемъ, что когда рѣчь зайдетъ о какомъ нибудь теоретическомъ вопросѣ изъ области семитологіи, вопросѣ не *пикантномъ*, не вызывающемъ въ насъ страстнаго

---

[1] Слово правды о Талмудѣ, русскій переводъ Борисова р. 11.

возбужденія, мы спрашивать не станемъ, на кого полагаться, на вышеназванныхъ величайшихъ семитологовъ нашего времени, или на архиплута Ролинга, на г. Пранайтиса и т. п. Наконецъ, какой существенный практическій смыслъ имѣетъ для христіанскаго міра вопросъ о *настоящемъ* духѣ талмудической морали? Вѣдь только слѣпые не видятъ, что евреи, какъ и всѣ другіе люди, нормируютъ свои дѣловыя сношенія вовсе не по какому либо моральному кодексу вообще. Дурные люди поступаютъ дурно не потому, что они повинуются какому нибудь кодексу, а по влеченіямъ своей дрянной натуры; а хорошіе люди поступаютъ хорошо и добросовѣстно опять таки потому, что въ нихъ совѣсть бодрствуетъ. Тѣмъ не менѣе мы готовы дать и нѣкоторый критерій для опредѣленія общаго тона и духа талмудической морали. Такимъ критеріемъ будетъ отношеніе къ иновѣрцамъ тѣхъ средневѣковыхъ учителей, которые, съ одной стороны уже имѣли дѣло съ христіанствомъ, не какъ съ возникающимъ ученіемъ, а какъ съ вполнѣ сложившимся самостоятельнымъ культомъ, а съ другой стороны, претворивъ въ себѣ всю совокупность талмудическаго ученія, котораго являются вѣрными и преданными приверженцами, дѣйствительно отражаютъ въ себѣ настоящій духъ талмудической этики. Въ этомъ отношеніи важны не кодексы, буквально воспроизводящіе предписанія Талмуда: кодексы эти, какъ и самъ Талмудъ, мало заботились объ исторической дифференціаціи, по крайней мѣрѣ, о ясномъ ея выраженіи; они, устанавливая тотъ или другой принципъ отношенія къ иновѣрцамъ, часто имѣютъ въ виду семь племенъ ханаанскихъ, давнымъ давно вымершихъ, или какихъ то амонитянъ и моавитянъ, слѣдъ которыхъ давно простылъ. Надо умѣть хорошо оріентироваться въ Талмудѣ и его кодексахъ, чтобы отличить отношеніе къ народамъ, не соблюдающимъ семи заповѣдей ноахидовъ (воздержаніе отъ убійства, кровосмѣшенія и проч.), отъ болѣе гуманныхъ постановленій, обязательныхъ въ сношеніяхъ съ другими народами. Другое дѣло авторитетные ученые и мужи благочестія среднихъ вѣковъ, имѣющіе въ виду не кодифицировать талмудическое законодательство, а давать этическія поученія и наставленія для практической, современной имъ жизни. Тутъ именно и выражается духъ талмудическаго міросозерцанія во всей его чистотѣ и совокупности. Посмотримъ же, что даютъ эти ученые по интересующему насъ вопросу.

Начнемъ съ первокласснаго авторитета средневѣковаго еврейства, съ Маймонида. Каково моральное представленіе Маймонида о человѣческомъ достоинствѣ вообще? «Не одно колѣно Левіино избрано Богомъ, гово-

ритъ Маймонидъ [1], а *всякій человѣкъ въ мірѣ*, который возвысился душой до разумѣнія Его, который выдѣлился стремленіемъ къ Нему, чтобы служить Ему и познать Его, который избралъ прямой путь, указанный ему Создателемъ и отвергъ всякія корыстныя стремленія и низкіе разчеты земные, поднимается этимъ путемъ до самой возвышенной святости и обрѣтаетъ абсолютную вѣчность». Въ особенно почитаемомъ въ самыхъ ортадоксальныхъ еврейскихъ кругахъ «Sepher Chassidim» мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія мѣста: «Съ нееврeемъ, исполняющимъ семь заповѣдей ноахидовъ, ты долженъ поступать честно, не пользоваться ихъ ошибкой, возвращать потерянное имъ; ты не имѣешь права обижать его, а, напротивъ, долженъ почитать его болѣе, чѣмъ еврея, не живущаго по закону [2]. При упоминаніи имени покойниковъ, евреевъ или не евреевъ, занимавшихся добрыми дѣлами, слѣдуетъ прибавить: «блаженной памяти» [3]. Если евреи и неевреи условились между собою помогать другъ другу въ общемъ дѣлѣ и неевреи дѣйствительно исполняютъ условія, то и евреи обязаны оставаться вѣрными своему слову и помогать товарищамъ нееврeямъ даже въ ущербъ еврею [4]. Если еврей угрожаетъ жизни нееврея, то стоящій при этомъ другой еврей долженъ поспѣшить на помощь нееврею, чтобы убить разбойника-еврея [5]. Такихъ мѣстъ, проповѣдующихъ полную справедливость къ иновѣрцамъ, въ «Sepher Chassidim» очень много; поученій-же противоположнаго характера нѣтъ ни одного.

Въ пользующейся особеннымъ авторитетомъ въ вопросахъ ритуальныхъ и юридическихъ «Schitah mekubezet» [6] находимъ слѣдующее указаніе: «Грабежъ (въ прямомъ и переносномъ значеніи) запрещается и въ отношеніи къ самымъ грубымъ язычникамъ, а если еврей продался имъ въ рабство, онъ не долженъ быть освобожденъ безъ выкупа; равнымъ образомъ мы не должны уклоняться отъ уплаты имъ долговъ; но за то никто не обязанъ отыскивать и возвращать потерянную такимъ язычникомъ вещь и кто нашелъ таковую, не обязанъ возвращать ему, ибо находка все-таки заключаетъ въ себѣ нѣкоторый видъ пріобрѣтенія, а возвращеніе таковой вещи есть уже доброе дѣло, какою мы не *обязаны* дѣлать по отношенію къ человѣку, неимѣющему религіи; точно также мы не обязаны поправлять ихъ ошибки при торговыхъ дѣлахъ, развѣ, если они сами спохватятся или если отъ этого можетъ произойти оскорбленіе имени Бога.

---

[1] Jad-ha-chas. Schemitah и Jobel 12. [2] § 358. [3] § 982. [4] § 1008. [5] § 1022.
[6] Baba-Kama, 10.

Народы-же, живущіе по началамъ законности и гражданственности и исповѣдующіе религію, хотя-бы во многомъ и отличающуюся отъ нашей религіи, считаются во всѣхъ помянутыхъ отношеніяхъ настоящими израильтянами, безъ всякаго различія. Авторъ книги «Акедатъ Ицхакъ» [1] считаетъ особенно важнымъ проявленіемъ Божіей благодати къ израильтянамъ, что онъ поселилъ ихъ между христіанами и магометанами, у которыхъ распространено истинное ученіе Божье, что дало евреямъ возможность, въ свою очередь, оставаться вѣрными ученію ихъ отцовъ». Въ этомъ-же смыслѣ высказывается и R. Ioseph Iaabez [2], говоря: «Народы, среди которыхъ мы живемъ, исповѣдуютъ истины сотворенія міра, святости праотцевъ нашихъ (Авраама, Исаака и Іакова), откровенія, мздо-воздоянія и воскресенья мертвыхъ. Да будетъ имя Бога Израиля прославлено за то, что послѣ разрушенія храма Онъ сохранилъ этотъ остатокъ, безъ котораго стопы людей давно уже поскользнулись-бы на пути вѣры, и идолопоклонство восторжествовало-бы по всему міру».—«Не говори,—читаемъ мы въ сочиненіи «Maalot ha-Midot» [3]:—дѣла мои съ евреями я буду вести честно, а съ неевреями ужъ какъ случится. Учители наши учили, что и собственность нееврея неприкосновенна. Если-же нееврей довѣряется тебѣ въ денежныхъ и другихъ дѣлахъ, то ты тѣмъ болѣе долженъ соблюдать строгую честность и не употреблять во зло его довѣрія».

Подобныхъ указаній и поученій въ раввинской литературѣ такое множество, что объ исчерпаніи этого матеріала въ журнальной статьѣ не можетъ быть и рѣчи. Остановимъ, однако, еще вниманіе читателя на замѣчательныхъ словахъ страстнаго фанатика и ревнителя R. Iacob Emden въ его сочиненіи «Ressen Mathe» [4].

«Христіанское ученіе, говоритъ R. Iacob, налагаетъ на своихъ послѣдователяхъ еще болѣе строгія обязанности, чѣмъ ученіе Моисея на евреевъ. Есть вещи, которыя намъ дозволены, а имъ они запрещены. Такъ у нихъ запрещено двоеженство, вступленіе въ бракъ съ жениной сестрой даже по смерти первой и съ родственниками нѣкоторыхъ другихъ степеней родства, что нашимъ закономъ дозволено. У христіанъ много похвальныхъ поученій и правилъ высшей нравственности. Имъ предписано воздерживаться отъ всякой клятвы, даже справедливой, отъ малѣйшей тѣни присвоенія

---

[1] С. 88. [2] Maamar ha-Achdut. [3] С. 36. [4] Edit. Altona, 1758 p. 15.

чужой собственности, отъ мести и злопамятства; имъ предписано творить добро даже врагамъ своимъ.

«Благо имъ и благо намъ было-бы, если-бы они обращались съ нами въ духѣ своей вѣры, по примѣру своихъ благочестивыхъ государей и сановниковъ, которые, будучи проникнуты истиннымъ благочестіемъ, руководствуются заповѣдуемыми Евангеліемъ правилами смиренія и справедливости».

Еще болѣе характерны слова того же Jacob'а въ его примѣчаніяхъ къ извѣстной хроникѣ «Seder Olam rabba we suta ect» [1]. Въ концѣ этого труда Emden опять говоритъ о христіанахъ и о ригоризмѣ христіанскаго вѣроученія; при этомъ онъ утверждаетъ, что христіане, проникнутые истинно-евангельскимъ духомъ, никогда не стремились исторгать евреевъ изъ лона ихъ ученія; въ подтвержденіе этой мысли онъ ссылается на слова апостола Павла [2]: И предостерегаю я васъ, что обрѣзанный обязанъ соблюдать всю Тору. Затѣмъ онъ говоритъ: Я всегда утверждаю, что Основатель христіанства совершилъ двойное благодѣяніе. Съ одной стороны онъ констатировалъ вѣчность Моисеева ученія съ такой твердостью и опредѣленностью, что по отношенію къ этому не превзошелъ Его ни одинъ изъ нашихъ наставниковъ; а другіе народы Онъ облагодѣтельствовалъ (если только не извращать Его намѣреній, какъ пытались было сдѣлать нѣкоторые скудоумные люди, не постигшіе духа Евангелія) тѣмъ, что уничтожилъ идолопоклонство, обязалъ ихъ исполнить семь заповѣдей (ноахидовъ), внушилъ имъ необходимость моральной жизни еще съ большей строгостью, чѣмъ Моисей».

Мы думаемъ, что послѣ того, что мы здѣсь процитировали, вопросъ объ общемъ духѣ и основномъ міросозерцаніи Талмуда рѣшается самъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, стали-ли бы Маймонидъ, R. Juda Chassid, R. Isaak Arama, благочестивые R. Joseph Jaabez и другіе, сталъ-бы, наконецъ, пылкій ревнитель талмудизма Jacob Emden говорить о христіанахъ въ такомъ духѣ, еслибы такіе взгляды на иновѣрцевъ не находились въ полномъ согласіи съ духомъ талмудической морали? Какой же смыслъ имѣетъ въ виду этого нѣсколько цитатъ сомнительной толерантности, цитатъ безъ роду, безъ племени, относительно которыхъ мы не знаемъ, къ кому они относятся, чѣмъ они вызваны и каково ихъ значеніе! [3]

---

[1] Hamburg 1757. [2] Галат. V, 3.

[3] Къ довершенію неясности, цензура еврейскихъ книгъ былыхъ временъ, изъ трусости, смѣшанной съ недогадливостью, во всѣхъ еврейскихъ книгахъ

IV.

Доказавъ всю тенденціозность нападокъ на талмудическую литературу нашего автора, мы должны признаться, что читая обличенія Талмуда и жалобы на его нетерпимость къ иновѣрцамъ, обыкновенно гораздо меньше думаемъ о степени несправедливости этихъ филиппикъ, чѣмъ о мотивахъ, которыми онѣ вызваны. Насъ въ тѣ минуты обыкновенно интересуетъ психологическій ходъ мыслей самихъ грозныхъ обвинителей. Дѣйствительно, предположимъ на одну минуту, что они правы, что талмудическая литература дѣйствительно переполнена выраженіями страстной ненависти къ иновѣрцамъ; предположимъ, что R. Akiba и Ben-Asai говорятъ не объ единствѣ человѣчества и вытекающемъ отсюда принципѣ братской любви, а, напротивъ, объ обязательной враждѣ къ иновѣрцамъ; что Маймонидъ считаетъ исключительно евреевъ способными возвыситься до святости, а не всѣхъ людей на землѣ, сбросившихъ съ себя грязь и пошлость обычной толкотни жизни съ ея корыстью и низменными побужденіями; положимъ, что въ «Sefer Chassidim» и въ «Akedat Izchak» и проч. рекомендуется не безусловная честность по отношенію къ иновѣрцамъ, а, напротивъ того, стремленіе вредить имъ, гдѣ только можно. Что же изъ этого слѣдуетъ? Что нѣмцы, французы, испанцы и т. д. имѣютъ право упрекать евреевъ въ отсутствіи талерантности? Что католики, не дѣлая себя смѣшными, могутъ говорить о непріязни евреевъ къ иновѣрцамъ? Не надобно забывать, что названные два танаита, Akiba и Ben-Asai, жили во времена траяновскихъ и адріановскихъ погромовъ, когда еврейская кровь лилась рѣками, не только въ Палестинѣ, но также и въ Сиріи, въ Малой Азіи и т. д., когда лучшіе граждане Іудеи были продаваемы въ рабство за безцѣнокъ. Для того, чтобъ въ такое время не только не озвѣрѣть, не ожесточиться до крайности, но даже думать о братской связи, соединяющей все человѣчество, надо быть насквозь проникнутымъ и пропитаннымъ идеями высокой культуры, идеалы которой коренятся не во враждѣ, а въ любви, не въ узкомъ самомнѣніи, а въ уваженіи ко всему человѣчеству.—А авторитеты раввинской литературы въ средніе вѣка? При какихъ условіяхъ приходилось имъ высказаться о такихъ щекотливыхъ вопросахъ, какъ отношеніе евреевъ къ иновѣрцамъ? Мы видѣли, *какъ* вы-

---

попадавшихъ въ ея руки, замѣняла всюду слово „nochri“ (не еврей) словомъ акумъ (язычникъ), отчего произошла невообразимая путаница мысли и смѣшеніе понятій.

сказалась объ этомъ книга «Chassidim». Спрашивается когда жилъ ея авторъ Juda Chassid и при какихъ условіяхъ онъ дѣйствовалъ, и что онъ видѣлъ на своемъ вѣку? На послѣдніе вопросы лучше всего отвѣтить опять таки выдержками изъ этой же книги. «Когда христіанскіе отряды приближаются, поучаетъ Juda Chassid, евреи не должны пришивать крестовъ къ своимъ платьямъ, или же прибивать ихъ къ своимъ домамъ; они не должны также стричь себѣ волосъ па манеръ христіанскаго (католическаго) духовенства, чтобы сдѣлать себя неузнаваемыми и, такимъ образомъ, избѣжать опасности [1]. Далѣе: «Стѣны дома, обрызганныя кровью мученика, не должны покрываться штукатуркой, дабы непокрытая кровь взывала къ небу» [2] «Городовъ, преслѣдовавшихъ евреевъ и принуждавшихъ къ крещенію, общины не должны подвергать анаѳемѣ навсегда, ибо анаѳема, такимъ образомъ, оставалась бы въ силѣ и тогда, когда во главѣ ихъ появились бы новые люди» [3]. Думаемъ, что этихъ немногихъ образчиковъ вполнѣ достаточно для характеристики времени автора «Книги благочестивыхъ» (Chassidim). Дѣйствительно, R. Juda Chassid жилъ во второй половинѣ XII вѣка и умеръ въ 1216 году. Какіе же виды онъ видѣлъ, съ тѣхъ поръ, какъ вошелъ въ болѣе зрѣлый возрастъ? Возьмемъ на выдержку. 1190 годъ было особенно бѣдственнымъ для англійскихъ евреевъ. Въ Норвичѣ, въ Станфордѣ убито было много евреевъ; въ Іоркѣ благочестивые крестоносцы умертвили болѣе 500 семействъ. Въ слѣдующемъ 1191 году, въ Брэ, во Франціи, евреи, съ разрѣшенія подлежащей власти, повѣсили католика, убившаго еврея; но такъ какъ казненный былъ подданнымъ Филиппа-Августа, то послѣдній, десять лѣтъ раньше этого изгнавшій евреевъ изъ предѣловъ своей страны, предварительно отнявъ у нихъ всю ихъ недвижимую собственность, явился въ Брэ во главѣ военнаго отряда и грозно расправился съ евреями, *сжигавъ живьемъ сто человѣкъ*, послѣ каковаго подвига благочестія онъ счелъ себя достойнымъ отправиться въ крестовый походъ. Въ томъ же 1191 году евреи подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ въ рейнскихъ провинціяхъ. Въ Нейссѣ какой-то съумашедшій еврей, въ припадкѣ безумія, убилъ христіанскую дѣвушку на глазахъ толпы. За это были тутъ же колесованы не только самъ безумный убійца, но, кромѣ того, еще шесть наиболѣе видныхъ членовъ общины; затѣмъ арестовали мать, дядю и сестру съумашедшаго и предложили имъ выборъ между крещеніемъ и смертью, при

[1] Chassidim § 221. [2] Ibid § 449. [3] Ibid. 424.

чемъ сестра, молодая дѣвушка, перешла въ католичество, а мать и дядя были подвергнуты смертной казни чрезъ колесованіе. Въ 1196 году въ Вѣнѣ были убиты 16 евреевъ за то, что одинъ изъ нихъ заперъ своего христіанскаго слугу, укравшаго у него деньги. Въ томъ же году близъ города Шпейера найденъ былъ трупъ христіанина и, какъ всегда, въ убійствѣ обвиняли евреевъ, раввинъ и почетныя лица которыхъ поплатились за это своей жизнью. Въ 1205 году, папа Иннокентій III упрекалъ вышеназваннаго Филиппа-Августа за то, что тотъ, нуждаясь въ деньгахъ, разрѣшилъ евреямъ вернуться во Францію, а королю Альфонсу Кастильскому написалъ весьма рѣзкое письмо, угрожая даже отлученіемъ, если онъ не перестанетъ покровительствовать евреямъ. Въ 1207 году папа угрожалъ отлученіемъ всѣмъ католикамъ, которые будутъ имѣть сношенія съ евреями. Въ началѣ четвертаго крестоваго похода евреи сильно пострадали въ Испаніи. Въ 1212 году въ Толедо было избито крестоносцами до 12,000 евреевъ. Въ 1215 году происходилъ пресловутый латеранскій соборъ въ Римѣ, положившій основаніе инквизиціи.

Мы, разумѣется, не задавались мыслью исчерпать здѣсь всѣ ужасы, всѣ жестокости, совершенныя надъ евреями во времена автора «Книги благочестивыхъ»; точно также не думаемъ останавливаться на гоненіяхъ, видѣнныхъ авторомъ «Akedat Izchak», «Isaak Arama», евреемъ, пережившимъ лично всѣ бѣдствія изгнанія евреевъ изъ Испаніи, какъ и не станемъ напоминать о безбожныхъ жестокостяхъ инквизиціи. Полагаемъ, однако, что всѣ эти подвиги католическаго міра не говорятъ о большой вѣротерпимости, и если можно тутъ чему нибудь удивляться, то развѣ только тому, что у евреевъ, бывшихъ свидѣтелями этихъ проявленій слѣпого фанатизма, узкосердечія и безчеловѣчной жестокости, могла еще подниматься рука, чтобы внушить своимъ единовѣрцамъ слова примиренія и уваженія къ иновѣрцамъ. Въ числѣ авторовъ, якобы неодобрительно отзывающихся о католицизмѣ (только о немъ могла быть рѣчь), г. Пранайтисъ приводитъ и дона Исаака Абраванеля. Въ сочиненіяхъ Абраванеля есть и эксегетика, и философія, и мистическія указанія, и затаенная грусть, и надежды на лучшее будущее, и что угодно; но нѣтъ въ нихъ и намека на вражду къ иновѣрцамъ. Однако, это въ сторону. Главное, вѣдь надо обладать порядочной дозой смѣлости, чтобы въ такой книгѣ, какъ памфлетъ г. Пранайтиса, ссылаться какъ разъ на этого автора, на самомъ себѣ испытавшаго такой великій актъ католическаго человѣколюбія и вѣротерпимости, какъ изгнаніе милліона евреевъ изъ Испаніи, предварительно отнявъ у

нихъ, въ избыткѣ священнаго пыла, все ихъ серебро и золото. Очевидно, по мнѣнію г. Пранайтиса, Абраванелю, если бы онъ не былъ жестоковыйнымъ, нетерпимымъ іудеемъ, надлежало только дѣлать одно: славословить папу и единоспасающую католическую инквизицію! Если для евреевъ католическое благочестіе манифестировалось клещами палача, сѣкирой, колесами, адской пыткой, пламенемъ костровъ, муками казематовъ и грабительскими набѣгами на ихъ карманы, какъ альфой и омегой всѣхъ «священныхъ» предпріятій, то, по мнѣнію г. Пранайтиса, евреи должны были только гимны воспѣвать въ честь католицизма и его институтовъ! Даже если бы благочестивые католики не проливали столько еврейской крови, а ограничивались бы только словами злобнаго презрѣнія къ «проклятымъ іудеямъ» и ихъ «дьявольскимъ синагогамъ», и тогда смѣшно было бы требовать, взамѣнъ этого, дружелюбнаго, почтительнаго отношенія къ католицизму и его учрежденіямъ; но кромѣ презрительныхъ и язвительныхъ словъ, католичество имѣло въ своемъ распоряженіи всѣ орудія, которыя дьявольская фантазія можетъ измыслить для терзанія плоти и духа ближняго и, какъ извѣстно, пользовалось ими широко, во всю сласть. А тутъ еще у г. Пранайтиса языкъ поворачивается говорить о непочтительномъ будто бы отношеніи евреевъ къ католикамъ въ средніе вѣка! Какъ глупо и претенціозно требовать отъ другихъ полной толерантности и уваженія тамъ, гдѣ самъ ходишь по колѣна въ крови ближняго, дерзавшаго думать о нѣкоторыхъ предметахъ иначе, чѣмъ ты!

Въ концѣ своей книги г. Пранайтисъ видимо скидываетъ съ себя маску псевдо-учености и разражается выходкой, которую мы не можемъ назвать иначе, какъ шарлатанской. Совершивъ такой подвигъ, какъ надергиваніе, не безъ грубыхъ искаженій [1], чужими руками, десятокъ-другой заѣзженныхъ, истасканныхъ, плохо понятыхъ отрывковъ, г. Пранайтисъ уже заранѣе кладетъ на свою главу вѣнецъ мученичества, объявляя, что его пытались удержать отъ напечатанія его брошюры, внушивъ ему опасеніе, что его убьютъ евреи, какъ это-де уже случилось съ нѣкіимъ монахомъ Дидаціемъ, виленскимъ перекрещенцемъ изъ евреевъ. Когда случилось и что случилось—неизвѣстно; пока слово брошено. Г. Пранайтисъ, крайне обидѣвшійся на древнихъ евреевъ за то, что они смѣли заподозривать

---

[1] Для пущаго комизма г. Пранайтисъ въ концѣ своей книги помѣстилъ списокъ опечатокъ, найденныхъ имъ въ еврейскомъ текстѣ, и ихъ оказалось цѣлыхъ *три*. Видно, г. Пранайтисъ не особенный мастеръ ихъ отличать.

древнихъ же язычниковъ въ готовности совершить убійство изъ-за корысти, считаетъ, однако, совмѣстнымъ съ званіемъ христіанина и съ достоинствомъ духовнаго лица объявить современныхъ евреевъ, живущихъ въ странѣ, управляемой державной властью на началахъ закона и государственности, способными посягнуть на его жизнь, за разоблаченіе, видите-ли, ихъ секретовъ, уже бывшихъ въ употребленіи у десятка фальсификаторовъ чужихъ міровоззрѣній до г. Пранайтиса и всенародно разглашенныхъ даже унтеръ-офицеромъ Алексѣевымъ. Ну ужъ, какъ хотите, а мученическій вѣнецъ рѣшительно не идетъ къ г. Пранайтису. Не знаемъ, можетъ быть, г. Пранайтисъ имѣетъ намѣреніе отправиться къ папуасамъ или дагомейцамъ, чтобы привести ихъ въ лоно католицизма; тогда не ручаемся. Но оставаясь дома, ему не сдѣлаться мученикомъ точно также, какъ онъ никогда не сдѣлается ни Деличемъ, ни Флейшеромъ, ни Вюнше, ни Нельдеке, а всегда будетъ только легонькимъ и, надо признаться, весьма сомнительнаго свойства диллетантомъ...

Л. К.

БИБЛІОГРАФІЯ.

דברי ימי ישראל: *Исторія еврейскаго народа. Сочиненіе проф. Г. Греца. Переводъ П. Рабиновича. Т. 2, выпускъ I—IV (стр. 1—256). Варшава, 1892.*

Изданіе это было предпринято г. Рабиновичемъ еще въ 1888 г., при жизни Греца и съ его благословенія [1]. Съ тѣхъ поръ прошло уже пять лѣтъ—и мы нынѣ имѣемъ въ еврейскомъ переводѣ только одинъ первый томъ «Исторіи» и четыре выпуска второго тома, гдѣ изложеніе доведено до момента подавленія возстанія Баръ-Кохбы (135 г. по Р. Х.). Дѣло, повидимому, подвигается очень туго. Это тѣмъ болѣе удивительно, что изданіе, согласно газетнымъ сообщеніямъ, субсидируется парижскимъ «Alliance Israèlite». Нѣтъ сомнѣнія, что оно имѣло-бы гораздо большій успѣхъ и въ публикѣ, еслибы аккуратное и болѣе частое появленіе выпусковъ могло служить ей ручательствомъ въ томъ, что переводъ когда нибудь будетъ законченъ. Въ Россіи въ послѣдніе годы предпринималось много разнообразныхъ переводовъ историческихъ курсовъ Греца—и ни одинъ изъ нихъ не доведенъ былъ не только до конца, но и до середины: по большей части такія изданія прекращались на первыхъ выпускахъ. Немудрено, поэтому, что публика плохо довѣряетъ «выпускамъ»; но стоило бы появиться «Исторіи» Греца цѣликомъ, въ полномъ или хоть въ сокращенномъ видѣ,—и книга имѣла бы значительный успѣхъ, ибо потребность въ изученіи исторіи все болѣе возрастаетъ среди русскихъ евреевъ.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что переводчикъ воспользовался бывшимъ въ его распоряженіи временемъ для производства значительныхъ улучшеній въ своемъ изданіи. Г. Рабиновичъ, какъ извѣстно, началъ переводить трехтомную «Популярную исторію евреевъ» Греца; но по мѣрѣ выхода этой книги въ подлинникѣ онъ все болѣе убѣждался, что она не можетъ вы-

---

[1] См. рецензію въ „Восходѣ“ 1889 г., кн. IV.

держать сравненія съ полною 11-титомною «Исторіей» того же автора, и поэтому всячески старался дополнять сокращенный текстъ отрывками изъ полнаго, заимствуя оттуда же различныя примѣчанія. Многія изъ «примѣчаній» составляли плодъ изысканій самого переводчика. Начиная же съ талмудической эпохи—съ момента паденія Іудеи—г. Рабиновичъ сталъ систематически переводить «большой» историческій трудъ Греца, почти безъ всякаго сокращенія текста. Изъ научныхъ «Noten» Греца приводятся въ выноскахъ существенныя выдержки, перемѣшанныя съ примѣчаніями переводчика. Такимъ образомъ, середина 3 выпуска 2 тома разсматриваемаго перевода соотвѣтствуетъ началу IV тома пространной «Geschichte der Juden» Греца. Изъ этого тома переведены пока семь цѣлыхъ главъ, въ которыхъ изложена эпоха Іоханана б. Закая, р. Акивы и Баръ-Кохбы. Совершенно выпущена въ переводѣ (очевидно, не по винѣ издателя) пятая глава текста, трактующая о іудео-христіанскихъ сектахъ II вѣка и объ отношеніи къ нимъ синедріона и ученыхъ.

Принимая во вниманіе, что въ еврейскомъ переводѣ всѣ библейскія и талмудическія цитаты, приводимыя у Греца по-нѣмецки, должны быть возстановлены въ своихъ древнихъ подлинникахъ, приходится признать, что здѣсь отъ переводчика требуется не только знаніе языковъ, но и солидное знакомство съ трактуемымъ предметомъ,—въ данномъ случаѣ съ обширною талмудическою письменностью. Въ этомъ отношеніи г. Рабиновичъ является какъ разъ подходящимъ человѣкомъ—the right man on the right place. Стиль перевода въ общемъ хорошъ, только иногда онъ нѣсколько тяжеловатъ вслѣдствіе излишняго пуризма переводчика, старающагося употреблять чисто-библейскія выраженія, не всегда удобныя для точной и ясной передачи мыслей и заставляющія часто прибѣгать къ искусственнымъ словосочетаніямъ.

Въ виду того, что переводчикъ значительно расширилъ рамки своего изданія, замѣнивъ сокращенный текстъ Греца пространнымъ, ему особенно слѣдовало-бы позаботиться, чтобы работа впредь подвигалась быстрѣе. Въ этомъ, какъ мы уже сказали, заключается и интересъ публики, и залогъ успѣха самого изданія.

פנינים: *Жемчужины изъ моря талмудическаго. II: Рабби Акива. Сочиненіе І. Х. Равницкаго. Одесса, 1893 (50 стр. in 32°).*

Жизнь великаго героя «Мишны» представлена здѣсь въ цѣломъ рядѣ трогательныхъ разсказовъ, взятыхъ изъ талмудической агады и изложен-

ныхъ въ формѣ библейскихъ стиховъ. Эта прекрасная форма, удавшаяся г. Равницкому въ настоящемъ очеркѣ еще больше, чѣмъ въ предыдущемъ («Гилель»), а также воспитательное значеніе подобныхъ жизнеописаній вообще, дѣлаютъ эту книжку весьма пригодною для юношества. Она можетъ быть полезна и при изученіи древне-еврейскаго языка, и для усвоенія исторіи въ древнемъ легендарномъ ея видѣ. Для нашей убогой дѣтской литературы слѣдуетъ пожелать побольше подобныхъ книжекъ.

С. М.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

(Нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу еврейской журналистики на западѣ.— *Штиръ:* роль эксегезы въ области еврейской теологіи и философіи.— *Горовицъ:* Этика іудаизма и государство Моисея.— *Т. Платтеръ*: объ еврейскихъ религіозныхъ обрядахъ.—Новые матеріалы по исторіи евреевъ на Западѣ).

Извѣстно, что даже среди болѣе образованныхъ круговъ русскаго еврейства весьма мало распространено знаніе еврейской исторіи и литературы. Есть у насъ даже такія quasi-интеллигентныя сферы, которыя считаютъ знаніе «всего этого» совершенно излишнимъ. Еврейская интеллигенція, скажутъ вамъ въ лучшемъ случаѣ, должна интересоваться не спеціальнымъ еврейскимъ міромъ, а задачами общечеловѣческаго характера.

Но такой взглядъ основанъ лишь на недоразумѣніи. Прежде всего «спеціальный еврейскій міръ» вполнѣ заслуживаетъ вниманія и съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Имъ интересуются и величайшіе христіанскіе ученые. Кромѣ того, нельзя не указать еще и на то, что сохраненіе привязанности къ своему народу никогда и нигдѣ не служило препятствіемъ къ служенію задачамъ общего характера.

Лучшимъ подтвержденіемъ этого послѣдняго положенія могутъ служить наши западные единовѣрцы, которыхъ, конечно, никакъ нельзя заподозрить въ томъ, чтобы они принимали слишкомъ слабое участіе въ общей европейской культурѣ. Превосходя насъ, несомнѣнно, своей культурностью вообще, они, не смотря на это, или, можетъ быть, именно благодаря этому, обнаруживаютъ необыкновенную заботливость также по отношенію ко всему тому, что составляетъ лучшее достояніе еврейскаго народа. Религія, наша многовѣковая исторія, великіе памятники литературы, изящный классическій языкъ Библіи и пророковъ—все это подвергается самому тщательному изученію, самой тщательной научной разработкѣ. Безпрерывно

появляются капитальнѣйшіе труды по всѣмъ этимъ отраслямъ «еврейской науки». Имена Цунца, Гейгера, Греца, В. Бахера, Дармштетера, Ис. Лэба извѣстны далеко не одному только еврейскому образованному міру.

Текущая разработка еврейской науки сосредоточивается въ спеціальныхъ журналахъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ такія изданія, какъ «Magazin für Wissenschaft des Judenthums», «Zeitschrift für Geschichte der Juden in Deutschland», «Monatsschrift für Geschichte und Wissensenschaft des Judenthums», «Revue des études juives» и др. Эти журналы помѣщаютъ: a) изслѣдованія по еврейскому богословію, по библейскому и талмудическому праву, по спеціальной и общей исторіи евреевъ; b) новые историческіе матеріалы съ необходимыми комментаріями; c) многочисленныя работы, посвященныя критическому изслѣдованію древнихъ памятниковъ еврейской письменности, и d) наконецъ, подробнѣйшія библіографическія свѣдѣнія. Послѣднія два отдѣла отличаются особенной полнотой въ журналѣ «Revue des études juives», издаваемомъ парижской «Société des études juives».

Кромѣ журналовъ, немало мѣста чисто-научному матеріалу удѣляютъ и еврейскія газеты, наиболѣе выдающееся мѣсто среди которыхъ принадлежитъ берлинскій «Allgemeine Zeitung des Judenthums».

Посвященная текущимъ вопросамъ еврейской жизни, «Allg. Zeitung» не помѣщаетъ тѣхъ подчасъ сухихъ спеціальныхъ изслѣдованій, которыя наполняютъ книжки журналовъ; она, напротивъ, даетъ намъ уже вполнѣ обработанный матеріалъ и притомъ въ превосходной литературной формѣ: ея цѣль — не разработка еврейской науки, а лишь популяризація уже добытыхъ въ этой области результатовъ.

Если мы укажемъ еще на «Archives Jsraélites», «Jsraelitische Wochenschrift» «Jüdisches Litteratur-Blatt», «Die Neuzeit», «Oesterreichische Wochenschrift», «Jüdische Presse» и майнцскій «Jsraelit» (послѣдніе два органа нѣмецкой ортодоксальной партіи), «The Jewish quaterly Review» и «The Jewish Chronicle» (въ Лондонѣ), то получимъ списокъ важнѣйшихъ еврейскихъ изданій на западѣ Европы, списокъ наглядно показывающій, какъ дорожатъ заграничные евреи своими народными интересами.

Имѣя въ виду знакомить читателей «Восхода» отъ времени до времени съ тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который содержится въ указанныхъ нами періодическихъ изданіяхъ, и выбирая среди массы статей по разнымъ отраслямъ еврейской науки, мы бы прежде всего хотѣли остановить ихъ вниманіе на статьѣ берлинскаго раввина д-ра J. Stier: «О роли эксегезы въ области религіи и философіи» [1]. Статья эта написана по поводу и отчасти на основаніи новаго капитальнаго труда В. Бахера: «Die Bibelexegese der jüdischen Religionsphilosophen des Mittelalters vor Maimuni». Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ Бахеръ даетъ въ сущности исторію умственнаго движенія среди передоваго еврейства въ теченіе трехъ вѣковъ: отъ IX до XII вѣка. Такой характеръ книги Бахера, замѣчаетъ авторъ статьи, объясняется той ролью, какую играла эксегеза въ области еврейскаго богословія. Эксегеза служила въ рукахъ еврейскихъ богослововъ и философовъ, говоря словами Бахера, лишь орудіемъ для того, чтобы «привести въ соотвѣтствіе сущность и выводы раціональнаго мышленія съ догмой религіознаго откровенія». Между безусловными требованіями религіи и выводами человѣческаго ума иногда обнаруживается глубокая пропасть, возникаютъ бросающіяся въ глаза противорѣчія. Вотъ эксегеза и взяла на себя трудную задачу примирить эти противорѣчія, заполнить пропасть.

Попытка примирить философію съ религіей была сдѣлана впервые александрійскими евреями. Правда, они преслѣдовали при этомъ совершенно другія цѣли, чѣмъ средневѣковые философы. Въ то время когда послѣдніе стремились примирить тѣ противорѣчія, которыми они сами мучились, желали лишь разрѣшить свои собственныя сомнѣнія, александрійскіе ученые главнымъ образомъ желали лишь доказать, что тѣ сокровища мысли, которыми гордилась греческая культура, уже издревле составляютъ достояніе еврейской письменности, и если извѣстныя идеи эллинской философіи не укладывались въ рамки іудаизма, они не стѣснялись прибѣгать къ аллегорическому толкованію еврейскаго закона. Но такое толкованіе оказало плохую услугу іудаизму: простое, величественное въ простотѣ своей библейское слово стало неузнаваемо въ аллегорическомъ освѣщеніи. «Аллегорія», говоритъ покойный Грецъ [2], «разру-

---

[1] Allg. Zeit. d. Judenthums 1893 № 1, 2, 3.

[2] Исторія т. III, 297.

шила прочныя стѣны закона. Если законъ есть только иносказательное выраженіе философскихъ идей, то достаточно усвоить себѣ эти идеи: самое же исполненіе его становится излишнимъ. Отъ неисполненія же закона до отпаденія отъ іудейства всего одинъ шагъ». Главнымъ представителемъ аллегорическаго толкованія былъ, какъ извѣстно, Филонъ.

Особую заслугу средневѣковыхъ мыслителей составляетъ то, что они старались освободиться отъ аллегоріи. Саадія прямо совѣтуетъ остерегаться ея при толкованіи закона; онъ говоритъ, что благодаря аллегоріи, законы получаютъ смыслъ, котораго они вовсе не имѣютъ, а библейскіе разсказы превращаются въ пустые образы. Тоже стремленіе отрѣшиться отъ аллегоріи замѣтно и у другихъ ученыхъ того времени. Исключеніе составляетъ лишь Соломонъ ибнъ Габироль, извѣстный ученый и поэтъ.

Онъ при толкованіи Библіи постоянно прибѣгаетъ къ поэтическимъ образамъ, превосходящимъ своей смѣлостью аллегоріи его александрійскихъ предшественниковъ. Адама, напримѣръ, Габироль превращаетъ въ «раціональный духъ», который впервые сталъ «называть по имени» разные предметы, и, такимъ образомъ, простая и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенная библейская мысль, что именно человѣкъ, какъ таковой, послѣ многихъ усилій самъ дошелъ до образованія словъ, замѣняется у Габироли какимъ то мистическимъ понятіемъ. Если Адамъ— «раціональный духъ», то Ева представляетъ собой «животный» элементъ, а змѣй—въ дополненіе къ излюбленной «троицѣ» Аристотеля—«вегетативный». Древо познанія представляетъ, по мнѣнію Габироля, — «силу жизни», проявляющуюся въ «эдемѣ», т. е. въ видимомъ мірѣ.

Но если такой способъ толкованія дѣйствительно придаетъ простымъ словамъ Библіи далеко не тотъ смыслъ, какой они имѣютъ на самомъ дѣлѣ, то съ другой стороны, понятно, даже тѣ, которые смотрѣли на Св. Писаніе совершенно трезво, не всегда принимали слова его въ буквальномъ смыслѣ: это было бы невозможно при образномъ языкѣ Библіи. Библія, напр., приписываетъ Богу не только разныя качества, но даже форму и тѣло. Буквальное пониманіе противорѣчило бы здѣсь чистому понятію о Божествѣ, было бы даже богохульствомъ. Потому-то трезвые толкователи закона, осторожно лавируя между Сциллой аллегоріи и Харибдой антропоморфизма, ста-

раются дать руководящія правила насчетъ того, когда слѣдуетъ понимать библейское слово въ его прямомъ смыслѣ, и когда такого пониманія допустить нельзя. Такъ, Саадія далъ четыре правила, не только дозволяющія, но даже обязывающія въ опредѣленныхъ случаяхъ отступать отъ буквальнаго пониманія текста: до тѣхъ поръ пока это совмѣстимо съ основными принципами іудаизма, иного толкованія, кромѣ буквальнаго, онъ не допускалъ, но за этими предѣлами онъ приглашаетъ обращать вниманіе на переносный языкъ Св. Писанія и старается показать, что встрѣчающіеся въ немъ слѣды антропоморфизма суть не что иное, какъ метафоры: «голова» Бога обозначаетъ величіе, «рука»—всемогущество и т. д. Позднѣйшіе эксегезы идутъ въ этомъ отношеніи по стопамъ Саадіи. Бахія, напр., объясняетъ библейскія метафоры необходимостью дать людямъ понятіе о Богѣ въ доступныхъ имъ выраженіяхъ. Моисей ибнъ Эзра полемизировалъ съ магометанами и христіанами, утверждавшими, что евреи приписываютъ Божеству матеріальное бытіе. «Каждому разумному человѣку», говорилъ онъ, «понятно, что Богъ выше всѣхъ приписываемыхъ ему аттрибутовъ. Наши мудрецы воспользовались лишь разрѣшеніемъ говорить о Богѣ въ образахъ».

То же направленіе мысли, какое мы видѣли у разныхъ ученыхъ въ области эксегезы, сказывается у нихъ и въ обсужденіи вопросовъ чисто философскаго свойства. Тѣ, которые относятся просто и трезво къ библейскому слову, также ясны и просты въ своихъ философскихъ построеніяхъ; ихъ воззрѣнія представляютъ собой строгую логическую систему. Тѣ же, которые видятъ въ словахъ текста лишь внѣшнюю оболочку заключеннаго въ нихъ сокровеннаго смысла, крайне туманны и какъ философы-теоретики.

Рѣшительный противникъ аллегоріи, Саадія, строитъ свое ученіе о Богѣ и его качествахъ на прочномъ основаніи десяти аристотелевыхъ категорій. Богъ для него—безплотное, чисто духовное существо. Слѣдуя порядку упомянутыхъ категорій, Саадія подробно доказываетъ, что къ Божеству непримѣнимы понятія объ аттрибутахъ, пространствѣ, времени, эффектахъ и т. д. Съ Богомъ не можетъ быть сравнено никакое существо, никакая субстанція. Богъ абсолютно незримъ: его не видѣли и пророки. То, что они видѣли, было не больше какъ спеціально ad hoc созданное *свѣтовое явленіе*, Schechina. Также

просто и строго ученіе Саадіи о душѣ: душа, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ особая *сила*, данная тѣлу Богомъ; ея мѣстонахожденіе—въ сердцѣ; слова רוח ,נשמה ,נפש обозначаютъ только тѣ или другія проявленія душевной дѣятельности.

Послѣдовательностью отличается также ученіе Бахіи ибнъ Пекуды. Богу онъ приписываетъ двоякаго рода качества: во-первыхъ, такія, которыя присущи только Ему одному; сюда относятся: единство, вѣчность; во-вторыхъ, такія, которыя *исходятъ* отъ Бога и потому свойственны также другимъ существамъ. Само собой разумѣется, что Богъ существо безплотное, не имѣющее образа. Душа, по ученію Бахіи, непознаваема: сущность ея намъ неизвѣстна; мы поэтому не можемъ имѣть никакого представленія о радостяхъ и страданіяхъ души, освободившейся отъ тѣла и стремящейся приблизиться къ Богу, къ «сіянію Его».

Іосифъ ибнъ Цаддикъ учитъ, что Богъ существо абсолютное; аттрибуты къ нему вообще не приложимы. Онъ есть Тотъ, Который есть. Единственное понятіе, при помощи котораго можно его обозначить, есть понятіе *истины*. Интересно ученіе Іосифа ибнъ Цаддика о душѣ: онъ приписываетъ «сферамъ» познавательную способность и признаетъ существованіе «абсолютнаго разума», отъ котораго наша душа получаетъ свою силу и становится такимъ образомъ «разумной душой». Возвращающійся къ Богу духъ есть именно эта «разумная душа», которая вновь возсоединяется съ абсолютнымъ разумомъ.

Габироль изложилъ свою философію въ гимнѣ къ Богу подъ заглавіемъ: «Царскій вѣнецъ». Признавая въ сущности тѣ же идеи единства, абсолютности, вѣчности Бога и т. д., онъ, по своему обыкновенію, облекаетъ ихъ въ поэтическую и подчасъ не совсѣмъ ясную форму аллегоріи. Но далеко за предѣлы обыкновенной аллегоріи выходитъ его нѣсколько странное ученіе о душѣ. Душа и тѣло представляютъ, по Габиролю, одно цѣлое, при чемъ тѣло произошло изъ огня души (ибо душа есть огонь).

Любопытны также воззрѣнія этихъ корифеевъ еврейской философіи на видимый міръ, на сущность мірозданія. Саадія раскрываетъ предъ нами картину пантеизма. Въ мірѣ, говоритъ онъ, все одарено жизнью; единственнымъ же источникомъ жизни является Богъ. Поэтому Богъ проявляется какъ во всемъ мірозданіи, такъ и въ малѣйшей частичкѣ его. Но

этого не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто Божество безусловно связано съ видимымъ міромъ и внѣ его не имѣетъ самостоятельнаго бытія. Это, по мнѣнію Саадіи, было бы невѣрно уже потому, что міръ *созданъ* и слѣдовательно онъ преходящъ, какъ преходяще и самое время. Проявленіе Божества въ видимомъ мірѣ сказывается лишь въ томъ, что міръ этотъ получаетъ отъ Бога не только свое существованіе, но и жизнь, одушевляющую его. Существующій въ мірѣ порядокъ и закономѣрность, говоритъ въ свою очередь Бахія, свидѣтельствуютъ о величіи Божьемъ: человѣкъ и животныя, растенія и минералы суть воплощенія божьей воли. Авраамъ бенъ Хійя, присоединяясь къ тому воззрѣнію, что міръ былъ созданъ, вноситъ лишь ту поправку, что онъ не былъ созданъ изъ ничего: бенъ Хійя принимаетъ существованіе первоначальной матеріи (въ чемъ нельзя не видѣть вліянія греческой философіи) и свою смѣлую гипотезу пытается подтвердить библейскимъ понятіемъ о «Tohu-wa-bohu», предшествовавшемъ сотворенію міра. Интересно, что бенъ Хійя полагалъ, что языческіе философы именно изъ Св. Писанія взяли свое ученіе о первоначальной матеріи. Совершенно противоположнаго воззрѣнія держится Іосифъ ибнъ Цаддикъ: міръ ему представляется лишь актомъ божьей милости, съ прекращеніемъ которой онъ снова погрузится въ «ничто», изъ котораго возникъ. На этой строго религіозной точкѣ зрѣнія стоитъ и Габироль, хотя придаетъ своей мысли крайней своеобразную и, нужно сказать, остроумную форму. Онъ не можетъ допустить существованія какой либо первоначальной матеріи, ибо это противорѣчитъ идеѣ всемогущества Бога, но съ другой стороны трудно объяснить себѣ и происхожденіе міра изъ ничего. Эту головоломную проблему Габироль разрѣшаетъ такимъ образомъ, что признаетъ самого Бсга первоначальнымъ веществомъ, одушевленнымъ притомъ творческой силой и «божественной волей». Воля эта заключаетъ въ себѣ всѣ возможныя созданія, которыя исходятъ отъ нея подобно тому, какъ лучи отъ свѣта. Прежде всего происходятъ отъ этой божественной воли чистыя духовныя существа, а затѣмъ разныя категоріи низшихъ, земныхъ созданій.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ мыслителей, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, стоитъ знаменитый еврейскій поэтъ Іегуда Галеви. Эта гармоничная, цѣльная натура не мучилась

ненія имущественныхъ неравенствъ еще институтъ «субботняго года». «Каждый седьмой годъ, гласилъ законъ, да будетъ у тебя годомъ отпущенія: отпусти долги ближнему твоему».

Замѣчательно, что законодательство Моисея съумѣло примирить всѣ эти постановленія съ принципомъ частной собственности, которая пользуется у него полнымъ признаніемъ и надлежащей охраной; имъ были лишь предприняты нѣкоторыя мѣры къ ограниченію чрезмѣрной суровости въ пользованіи этимъ правомъ. Такъ, законъ предписывалъ собственнику во время жатвы оставлять хлѣбъ не сжатымъ на краяхъ своего поля и въ виноградникѣ своемъ не собирать отпавшаго плода, «дабы это могло остаться для бѣднаго и чужестранца». Ограниченіе это было немаловажное, такъ какъ—согласно традиціонному пониманію его—оставляемая полоса поля должна была по меньшей мѣрѣ равняться $^1/_{60}$ всей пашни (Talmud Peah I, 2). Мало того, голодный имѣлъ право утолить свой голодъ въ чужомъ виноградникѣ или хлѣбомъ съ чужого поля; наказанію за похищеніе чужой собственности онъ подлежалъ лишь въ томъ случаѣ, когда бралъ хлѣба или винограда больше, чѣмъ ему нужно было для утоленія голода и пряталъ взятое въ карманъ. Эти и многія другія постановленія придаютъ всему Моисееву законодательству *гуманный* характеръ, какого не имѣло, можетъ быть, ни одно законодательство древности. Но особенно рѣзкое различіе между первымъ и послѣдними проявляется во взглядахъ на институтъ рабства. Въ то время, когда даже передовые люди наиболѣе культурныхъ народовъ, какъ, напр., Платонъ, Аристотель и другіе, вполнѣ оправдывали рабство и видѣли въ рабѣ лишь вещь (servi sunt res, говорило римское право), объектъ права, Моисей дѣлаетъ раба не только объектомъ, но и субъектомъ извѣстныхъ правъ. Такъ, съ наступленіемъ юбилейнаго года, лица, попавшія въ рабство за долги, обязательно должны были получить свободу. «Если братъ твой обѣднѣлъ, читаемъ мы въ 3 книгѣ Моисея, и сталъ рабомъ твоимъ, не тѣсни его. Подобно вольнонаемному пусть онъ служитъ тебѣ до юбилейнаго года, а затѣмъ пусть онъ уйдетъ отъ тебя, онъ и его сыновья съ нимъ, и пусть вернется въ родъ свой, во владѣнія предковъ своихъ». Но такое же значеніе для раба-туземца имѣлъ и субботній годъ: послѣ шестилѣтней работы онъ получалъ свободу вмѣстѣ съ женой и дѣтьми. Отпущенному на волю рабу господинъ былъ

обязанъ дать кое-что изъ своихъ стадъ, снабдить его хлѣбомъ и виномъ: онъ не могъ отпустить отъ себя раба съ пустыми руками. Такимъ образомъ, благодаря субботнему году, институтъ рабства для туземцевъ былъ превращенъ въ шестилѣтнюю службу (срокъ этотъ близко подходитъ къ тому, который признается максимальнымъ для дѣйствія договора для личнаго найма нашимъ современнымъ законодательствомъ; послѣднее, какъ извѣстно, постановляетъ, что срокъ личнаго найма не можетъ простираться долѣе *пяти* лѣтъ). Но и во время самой службы всякій рабъ-туземецъ или чужестранецъ, все равно, пользовался извѣстными правами. Наиболѣе важнымъ было право на субботній отдыхъ: «да отдыхаютъ рабъ твой и рабыня твоя такъ же, какъ и ты», неоднократно говоритъ Библія. Этимъ постановленіемъ придается закону о соблюденіи субботы соціальный характеръ. Законъ этотъ долженъ былъ имѣть большое вліяніе на уменьшеніе зависимости раба отъ господина. Если рабъ можетъ хотя бы одинъ день недѣли назвать своимъ, и господинъ не имѣетъ права въ этотъ день *подъ страхомъ смертной казни* обремѣнять его какой либо работой, то этотъ рабъ уже не является больше безличной вещью. Мало того, господину предписывается обращаться съ рабами мягко, «ибо ты самъ былъ рабомъ въ землѣ Египетской», прибавляетъ законъ. Далѣе, запрещается выдавать бѣглыхъ рабовъ, пришедшихъ искать убѣжища: «не выдавай раба, если онъ спасся къ тебѣ отъ своего господина; пусть онъ останется у тебя въ мѣстѣ, которое самъ изберетъ; не притѣсняй его». Если господинъ причинилъ рабу какое-нибудь тѣлесное поврежденіе, то рабъ получалъ свободу. Нежеланіе со стороны раба воспользоваться предоставляемой ему по закону свободой (напр. при наступленіи юбилейнаго года и въ другихъ случаяхъ) казалось до того неестественнымъ, противнымъ человѣческому достоинству, что Моисей предписывалъ такихъ неисправимыхъ рабовъ клеймить публично и лишать свободы навсегда (Исходъ, 21, 5, 6. V кн. 15, 16—18).

Такимъ образомъ, законодательства Моисея, нося несомнѣнно соціальный отпечатокъ, устанавливая имущественное равенство, въ то же время сохраняетъ индивидуальную собственность и ревниво оберегаетъ индивидуальную свободу. Въ виду этого авторъ разсматриваемой нами статьи отдаетъ рѣшительное преимущество начертанному Моисеемъ

государственному устройству предъ идеальнымъ государствомъ Платона, построеннымъ на отмѣнѣ частной собственности, на общности женъ и дѣтей. Авторъ указываетъ также, что Платонъ даетъ своему государству характеръ строго аристократическій, предоставляя всю полноту верховной власти немногочисленному классу философовъ, познавшихъ высшую мудрость и добродѣтель; государство Моисея, напротивъ того, чисто демократическое. Платонъ вполнѣ оправдываетъ рабство, видя въ рабахъ низшія существа; Моисей, если и не отмѣняетъ рабства совсѣмъ, то значительно, какъ мы видѣли, его ограничиваетъ. Наконецъ, въ идеалѣ Платона государство совершенно поглащаетъ отдѣльную личность, ничего подобнаго нѣтъ въ устройствѣ, данномъ Моисеемъ. Въ V книгѣ Моисея (20, 5—7) мы, между прочимъ, читаемъ, что законодатель приказалъ военачальникамъ объявить народу, собиравшемуся на войну: «Если кто изъ васъ выстроилъ домъ и не поселился въ немъ, воздѣлалъ виноградникъ и не собралъ еще винограда, пусть вернется въ домъ свой, дабы онъ не погибъ на войнѣ и дабы домъ и виноградникъ его не достались чужому. Кто изъ васъ помолвленъ и не ввелъ жены въ домъ свой, пусть вернется, чтобы въ случаѣ его гибели другой не ввелъ ея въ домъ свой».

«Если государственнымъ идеаломъ Платона», заключаетъ авторъ свою статью, «является коммунистическій абсолютизмъ на философско-аристократической основѣ, то идеалъ Моисея—соціализмъ, покоящійся на идеѣ единобожія, и носящій нравственно-демократическій характеръ».

Отъ философской и этической стороны іудаизма естественный переходъ къ работѣ Томаса Платтера, подробно описывающей обрядовую сторону еврейской религіи. Долго останавливаться на этомъ сочиненіи однако не будемъ, такъ какъ оно представляетъ интересъ не столько по своему содержанію—подробности еврейскаго ритуала, конечно, и безъ того хорошо извѣстны большинству читателей «Восхода»—сколько по тому, что Томасъ Платтеръ—христіанинъ и жилъ притомъ въ концѣ XVI вѣка. Окончивъ университетъ въ Монпелье въ 1599 году, онъ отправился путешествовать по Южной Франціи, познакомился тамъ съ бытомъ евреевъ и описалъ его (касаясь, впрочемъ, почти исключительно еврейскихъ религіозныхъ обрядовъ) въ сочиненіи, рукопись котораго хранится въ библіотекѣ

г. Баль. Копія съ этой рукописи имѣется также въ библіотекѣ гор. Монпелье. Вотъ эта копія и опубликована С. Каномъ въ «Revue des études juives» [1].

Евреи Южной Франціи, изгнанные изъ предѣловъ королевства эдиктомъ 17 сентября 1394 года, удалились преимущественно въ Карпантра и Авиньонъ. Потомковъ этихъ изгнанниковъ и видѣлъ въ Авиньонѣ Т. Платтеръ. Онъ сообщаетъ намъ о нихъ и нѣкоторыя историческія свѣдѣнія. Въ концѣ XVI в. въ Авиньонѣ было всего около 500 евреевъ; они всѣ жили на одной улицѣ, запиравшейся съ обоихъ концовъ воротами, и находились подъ покровительствомъ папъ, которые заставляли ихъ платить большіе налоги. По субботамъ третья часть еврейскаго населенія (каждую субботу—другая треть) обязана была подъ страхомъ суроваго наказанія присутствовать въ одной изъ городскихъ церквей на проповѣди, которую произносилъ іезуитъ съ цѣлью обращенія невѣрныхъ. «И при всемъ томъ, прибавляетъ Платтеръ, видѣлъ ли кто когда нибудь, чтобы еврей обратился»? Занимались авиньонскіе евреи торговлей, торговали главнымъ образомъ драгоцѣнностями, матеріями, оружіемъ и «всѣмъ, что составляетъ человѣческое одѣяніе». Всякое другое занятіе имъ было запрещено. «Ихъ магазины находятся обыкновенно, продолжаетъ Платтеръ, въ нижнихъ этажахъ и свѣтъ получаютъ только чрезъ верхнія отверстія. Почти всѣ евреи—портные, они искусно чинятъ старое платье. Они не имѣютъ права пріобрѣтать недвижимую собственность, имъ нельзя купить ни дома, ни сада, ни поля, ни луга, ни въ городѣ, ни внѣ его. Ихъ синагога помѣщается въ подземельи, въ настоящей пещерѣ, получающей свѣтъ изъ верхней залы чрезъ окно». Томасъ Платтеръ присутствовалъ (какъ онъ самъ разсказываетъ) при множествѣ еврейскихъ религіозныхъ церемоній и подробно описалъ ихъ. Описаніе отличается обыкновенно большой точностью, живостью изложенія, спокойнымъ и безпристрастнымъ тономъ. Въ первой главѣ онъ говорилъ «объ еврейскихъ законахъ и обычаяхъ». «Прежде всего замѣчу, начинаетъ Платтеръ, «что евреи очень усердно посѣщаютъ свой храмъ и молятся Богу горячо, хотя и не всегда сознательно. Ихъ вѣра сводится къ 13 догматическимъ постановленіямъ, соотвѣтственно аттрибутамъ Бога.

[1] См. „Revue“ за 1892 г., „Thomas Platter et les juifs d'Avignon“ S. Kahn.

Богъ творецъ всѣхъ предметовъ, онъ единъ, вѣченъ, безплотенъ. Онъ избралъ себѣ въ мірѣ народъ и пророковъ. Величайшій изъ пророковъ—Моисей, который получилъ законъ изъ устъ Бога, законъ, соблюдаемый евреями еще и теперь. Богъ знаетъ всѣ помыслы и дѣйствія людей. Онъ награждаетъ праведныхъ и караетъ злыхъ. Нѣкогда наступитъ день пришествія Мессіи» и т. д. Далѣе слѣдуетъ описаніе обряда обрѣзанія, общественныхъ бань, молитвенныхъ принадлежностей. Особый параграфъ посвященъ воспитанію дѣтей у евреевъ. «Евреи»—говоритъ авторъ—очень хорошо воспитываютъ своихъ дѣтей, съ малолѣтства они пріучаютъ ихъ къ исполненію закона. Они ихъ заставляютъ раздѣваться у самой постели, не дозволяютъ имъ ходить съ непокрытой головой, особенно въ синагогѣ, потому что величіе Божье почіетъ надъ ними, и потому не подобаетъ обнажаться предъ нимъ. Ихъ пріучаютъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ носить кушаки. До тринадцати лѣтъ дѣти не обязаны исполнять закона и совершаемые ими до этого возраста грѣхи падаютъ на отца, который несетъ за нихъ отвѣтственность. Въ пятнадцать лѣтъ дѣти приступаютъ къ изученію Талмуда. Юноши вступаютъ въ бракъ 18-ти лѣтъ отъ роду и даже еще раньше, дѣвушки—не ранѣе, чѣмъ имъ исполнится 12 лѣтъ и одинъ день; но отъ родительской опеки дѣти освобождаются только въ 20 лѣтъ». Много вниманія авторъ удѣляетъ празднованію субботы. «Въ субботу, говоритъ онъ, между прочимъ, евреи поютъ, молятся, читаютъ тору; всякая работа имъ воспрещена; имъ не дозволено путешествовать и вообще дѣлать то, что напоминаетъ собой трудъ. Такъ, если они кормятъ птицъ, то не должны имъ бросать слишкомъ много зеренъ, потому что оставшіяся могутъ приняться и будетъ похоже, какъ будто былъ произведенъ нарочно посѣвъ. Они утверждаютъ, что въ субботу получаютъ еще одну дополнительную душу. Въ обыкновенное время у нихъ три души. Во время сна одна изъ нихъ уносится въ высшія сферы, другая—въ низшія, гдѣ онѣ узнаютъ всякаго рода тайны; что же касается третьей, т. е. той, которая намъ дана въ моментъ рожденія, то она не оставляетъ сердца, она-то и производитъ сновидѣнія. Я не упоминаю о массѣ другихъ весьма странныхъ вѣрованій». Говоря объ еврейскихъ законахъ о пищѣ, Платтеръ замѣчаетъ: «они (евреи)

никогда не употребляютъ въ пищу крови, ни заднихъ частей животнаго».

Особая глава посвящена «болѣзнямъ евреевъ». «Евреи подвержены, говоритъ авторъ, многимъ болѣзнямъ, какъ и христіане. Въ надеждѣ на исцѣленіе они прибѣгаютъ къ разнымъ каббалистическимъ знакамъ». Считая болѣе подробное ознакомленіе съ мемуарами Платтера излишнимъ, особенно въ виду бѣдности заключающагося въ нихъ историческаго матеріала, мы перейдемъ теперь къ обозрѣнію работъ именно историческаго содержанія и, прежде всего, остановимся на небольшой статьѣ Гильдемейстера: «Die ersten Judenverfolgungen in Deûtschland» [1].

Въ Германіи существуетъ уже нѣсколько лѣтъ ученое общество [2], которое издаетъ съ переводомъ и примѣчаніями старинныя древнееврейскія рукописи, хранящіяся въ разныхъ библіотекахъ Европы (въ Лондонѣ, Оксфордѣ, Страсбургѣ и мн. др).

Въ прошломъ году вышелъ второй томъ издаваемыхъ комиссіей документовъ, который содержитъ пять актовъ, относящихся къ гоненіямъ въ теченіе XI и XII вѣковъ, во время первыхъ крестовыхъ походовъ, и принадлежащихъ перу еврейскихъ авторовъ. Послѣдніе, если и не были очевидцами описываемыхъ ими событій, во всякомъ случаѣ писали подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ евреями бѣдствій. Историческое значеніе этихъ документовъ состоитъ, помимо сообщаемыхъ ими подробностей, раньше неизвѣстныхъ, еще въ томъ, что они намъ показываютъ, какъ смотрѣли на кровавыя событія прошлаго самыя жертвы этихъ событій; они бросаютъ свѣтъ на внутреннюю жизнь еврейскихъ общинъ, знакомятъ съ образомъ мыслей и настроеніемъ еврейской массы въ то отдаленное время. Обо всемъ этомъ мы, конечно, не найдемъ въ христіанскихъ источникахъ, точно такъ же, какъ въ этихъ еврейскихъ документахъ мы бы напрасно стали искать какого либо объясненія мыслямъ и чувствамъ, волновавшимъ тогда окружающій христіанскій міръ. Обѣ стороны стояли одна противъ другой, взаимно другъ друга не понимая; каждая видитъ въ противникѣ лишь достойное порицанія заблужденіе и слѣпое

---

[1] Allg Zeit № 36.
[2] Historische Comission für geschichte der Iuden in Deûtschland.

упрямство, столько же безбожное, сколько и безсмысленное. Дикія полчища, немилосердно истреблявшія сотни и тысячи невѣрныхъ, въ то же время щадили жизнь и имущество тѣхъ, которые принимали крещеніе. Гонимые не столько ужасались выпадавшихъ на ихъ долю страданій, сколько той мысли, что христіане оставятъ въ живыхъ ихъ дѣтей и потомъ обротятъ въ свою вѣру. Это опасеніе заставляло многихъ евреевъ во время гоненій собственноручно убивать своихъ дѣтей.

Гроза разразилась, по крайней мѣрѣ надъ прирейнскими евреями, совершенно для нихъ неожиданно. Когда во Франціи началось движеніе крестоносцевъ, тамошніе евреи отправили пословъ къ своимъ нѣмецкимъ единовѣцамъ съ просьбой назначить всеобщій постъ для предотвращенія грозящаго имъ бѣдствія. Представители Майнцской общины писали въ отвѣтъ: «Во всѣхъ общинахъ назначенъ постъ. Да спасетъ васъ Богъ отъ всякихъ бѣдствій; мы сильно опасаемся за васъ. Намъ лично бояться нечего, у насъ объ этомъ ничего не слышно. О томъ, чтобы мечъ угрожалъ нашей жизни, мы ничего не слыхали». Это чувство безопасности, которому было суждено вскорѣ замѣниться смертельнымъ ужасомъ, во всякомъ случаѣ показываетъ, что между прирейнскими евреями и мѣстнымъ населеніемъ существовали довольно сносныя отношенія. И дѣйствительно, въ первое время мѣстныя власти и населеніе пытались противодѣйствовать неистовствамъ крестоносцевъ. Епископы и графы принимали преслѣдуемыхъ подъ свою защиту, а граждане Майнца даже выступили въ открытомъ полѣ противъ крестоносцевъ, не желая ихъ впустить въ городъ. Еврейскіе лѣтописцы разсказываютъ, что многіе ихъ единовѣрцы находили пріютъ въ знакомыхъ христіанскихъ семьяхъ. Во время второго и третьяго крестоваго похода, наученные горькимъ опытомъ евреи уже заранѣе спасались въ укрѣпленные рыцарскіе замки, которые, какъ можно предположить, предоставлялись въ ихъ распоряженіе за приличныя случаю суммы. Авторъ одной изъ разсматриваемыхъ рукописей, Эфраимъ-баръ-Яковъ изъ Бонна, присутствовалъ въ 1146 году тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ при томъ, какъ кельнскіе евреи за большую сумму денегъ наняли у архіепископа замокъ Волькенбургъ, который и послужилъ имъ убѣжищемъ во время второго преслѣдованія. Евреи сами позаботились о защитѣ замка, принимали всѣхъ искавшихъ у нихъ спасенія и тѣмъ

обезкуражили агитаторовъ, подстрекательство которыхъ недостигало своей цѣли. «Ибо и другіе евреи во всѣхъ земляхъ короля, разсказываетъ Эфраимъ, спасались въ замки ихъ христіанскихъ друзей, которые принимали ихъ вмѣстѣ съ семьями».

Съ особенной подробностью и нескрываемой гордостью разсказываютъ древніе еврейскіе лѣтописцы о страшной катастрофѣ, которая разыгралась въ маѣ 1096 года въ городѣ Майнцѣ и имѣла своимъ послѣдствіемъ полное уничтоженіе тамошней еврейской общины, проявившей безпримѣрное геройство. Евреи искали спасенія въ зданіяхъ и дворахъ покровительствовавшаго имъ епископа; мужчины защищали входъ съ оружіемъ въ рукахъ, но должны были уступить преобладающей силѣ крестоносцевъ. Когда спрятавшіеся въ зданіяхъ увидали, что крестносцы ворвались во дворъ, они стали увѣщевать другъ друга «подчиниться справедливому суду Божьему». «Женщины зарѣзали своихъ дѣтей, мужья своихъ женъ, братья братьевъ, и бросаясь къ окнамъ, они кричали»: «Смотри, Господи, что мы дѣлаемъ ради твоего святаго имени»... Въ этотъ день въ Майнцѣ погибло 1100 евреевъ. «Развѣ случалось когда-нибудь, восклицаетъ разсказчикъ, чтобы въ одинъ день было принесено 1100 жертвъ, подобныхъ жертвоприношенію Исаака, сына Авраамова!» Среди множества подвиговъ самопожертвованія, тотъ же лѣтописецъ съ изумленіемъ останавливается на поступкѣ молодой женщины Рахили, дочери р. Исаака-баръ-Ашера, жены р. Іегуды. Закрывъ лицо руками и воскликнувъ: «О Боже! гдѣ твое прежнее милосердіе!», она приказала подругамъ зарѣзать ножомъ ея прелестныхъ сыновей; дочери же, Белла и Матрона, сами наточили «свой» ножъ, чтобы на немъ не было зазубринокъ; потомъ мать ихъ зарѣзала «во славу Бога—Саваоѳа, который приказалъ намъ не мѣнять своей вѣры». Одного изъ ея сыновей, Аарона, спрятавшагося было, она громко звала: «Ааронъ, гдѣ ты? Я не могу тебя пощадить, *не могу сжалиться надъ тобой*». Интересно, что тотъ же мотивъ—желаніе спасти погибающія еврейскія души—руководилъ и дѣйствіями христіанъ, особенно католическимъ духовенствомъ во время воздвигаемыхъ на евреевъ гоненій.

Любопытенъ разсказъ упомянутаго уже Эфраима-баръ-Якова о гоненіяхъ 1146 года: «Злодѣй Рудольфъ, монахъ, страшно

преслѣдовалъ дѣтей Израиля, подобно Гаману. Онъ пришелъ изъ Франціи, прошелъ чрезъ всю Германію — да спасетъ ее Богъ—и повсюду вербовалъ крестоносцевъ. Гдѣ только онъ появлялся, онъ натравлялъ на насъ змѣй и собакъ, говоря: отомстите раньше врагамъ Христовымъ, живущимъ среди васъ!

И мы обратились къ Богу нашему, и онъ внялъ нашимъ мольбамъ и послалъ другаго монаха, величайшаго и знаменитѣйшаго изъ всѣхъ монаховъ, который зналъ и понималъ ихъ законъ; имя его: Бернгардъ Haber изъ Клерво (Clairvaux) во Франціи [1]. И этотъ послѣдній проповѣдывалъ въ народѣ и говорилъ: кто изъ васъ нападетъ на еврея или посягнетъ на его жизнь, тотъ совершитъ грѣхъ, какъ будто онъ посягнулъ на самаго Христа, потому что въ псалмахъ сказано: не убивайте ихъ, дабы имя моего народа не было предано забвенію. Всѣ уважали этого монаха, какъ святого, и никто никогда не слыхалъ, чтобы онъ получилъ какое-либо вознагражденіе за благодѣяніе, имъ оказанное евреямъ. Да будетъ благословенъ освободитель и спаситель, да будетъ благословено имя его!».

Въ то время, когда даже среди католическаго духовенства появлялись подобныя благородныя личности, какъ бы въ противоположность этому изъ среды самихъ евреевъ, какъ извѣстно, выходили иногда злые гонители ихъ, которые, оставивъ вѣру предковъ, не задумывались возводить на своихъ прежнихъ единовѣрцевъ всевозможныя обвиненія.

Къ массѣ уже извѣстныхъ фактовъ этого рода «Revue des études juives» [2] прибавляетъ еще нѣсколько новыхъ, интересныхъ впрочемъ не только въ этомъ одномъ отношеніи.

Въ г. Шинонѣ во Франціи въ 1321 г., какъ извѣстно, было сожжено 160 евреевъ по обвиненію въ томъ, что они будто-бы отравили *или хотѣли* отравить колодцы въ союзѣ съ прокаженными [3]. Историкамъ, однако, казалось страннымъ, что такое обвиненіе было выставлено противъ евреевъ въ мѣстности, въ которой — насколько это извѣстно изъ исторіи—въ то время не было никакой эпидеміи. Открывшіеся теперь факты

---

[1] Здѣсь идетъ рѣчь о знаменитомъ Клервальскомъ аббатѣ („haber“ испорченное abbé).

[2] Revue des études juires 1892, janvier—mars p. 152 сл.

[3] Любопытно, что болѣе ранніе лѣтописцы говорятъ, что евреи лишь *хотѣли* отравить колодцы, а позднѣйшіе, списывающіе извѣстія у первыхъ, говорятъ прямо, что они *отравили колодцы*.

бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на это дѣло. Оказывается, что въ Шинонѣ была уже подготовлена почва для народныхъ движеній противъ евреевъ. Въ 1317 г. въ этомъ же городѣ возникло классическое обвиненіе въ ритуальныхъ убійствахъ, два еврея *подъ пыткой* даже «сознались» въ совершеніи преступленія и были повѣшены. 12 іюля того же 1317 года состоялось слѣдующее опредѣленіе парижскаго парламента: «предписываемъ арестовать Benoîte, сестру Агнессы, жену Перренъ Маріона, живущаго въ Бюиньи, Лоренсена — священника изъ Шато-Шинона, сержанта Мартина, *называемаго «крещеннымъ»*, и всѣхъ тѣхъ, которыхъ упомянутые комиссары заподозрятъ въ томъ, что они принимали участіе въ убійствѣ ребенка изъ Бюиньи, сына Перрена, за которое многіе евреи подвергались преслѣдованію и двое даже были повѣшены».

Третьяго марта 1319 года тотъ же парламентъ предписываетъ бургомистрамъ городовъ Мо (Meaux), Тура, Орлеана и Бурже арестовать нѣсколько лицъ, которыя «разъѣзжали по королевству и повсюду говорили, что у нихъ имѣется королевскій приказъ о преслѣдованіи евреевъ, и такимъ образомъ вымогали у послѣднихъ деньги». Среди этихъ лицъ упоминается и два крещенныхъ еврея: «выкрестъ» (le convers) Аденетъ, сынъ Эмона, и «выкрестъ» Андріотъ, сынъ Геліота.

Только что указанный мотивъ вымогательства очевидно игралъ немаловажную роль въ исторіи разныхъ возводившихся на евреевъ обвиненій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ еще три приказа парижскаго парламента; всѣ они относятся къ 1318 г. 26 февраля этого года было послано предписаніе бургомистру и совѣтникамъ г. Мо оказать покровительство нѣкоему Умонду, еврею изъ Компьени, «противъ котораго неблагонамѣренные люди распространяли дурные слухи для того, чтобы погубить его или вынудить дать деньги подъ вліяніемъ страха». 4 мая перламентъ приказываетъ сенешалю въ Перигорѣ оказать законную защиту Соломону «Поршону», его сыну Менассе и «другимъ евреямъ, которые жаловались на то, что ихъ ложно обвиняютъ въ разныхъ преступленіяхъ злые люди съ цѣлью вымогательства у нихъ денегъ». Наконецъ, 10 апрѣля былъ данъ приказъ такого же содержанія и тому же сенешалю по жалобѣ другихъ двухъ перигорскихъ евреевъ. Ясно, что возведеніе обвиненій на евреевъ составляло весьма выгодный промыселъ уже въ тѣ отдаленныя времена. Евреи должны были

платить за свое спокойствіе всякому, кому только вздумалось ихъ обвинить въ чемъ нибудь. Со временемъ средневѣковыя правительства пришли къ убѣжденію, что эту плату за неприкосновенность недурно было бы получать имъ самимъ, пообѣщавъ евреямъ взамѣнъ нея защиту противъ другихъ претендентовъ на еврейскія деньги. Такимъ образомъ и создались различныхъ наименованій подушныя подати съ евреевъ.

Наиболѣе типичной является нѣмецкій Leibzoll, отмѣны котораго евреямъ удалось добиться только въ настоящемъ вѣкѣ, и то послѣ весьма многихъ усилій. Но объ этомъ поговоримъ подробнѣе уже въ другой разъ.

Л. З.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Stanford University Libraries
3 6105 121 192 053

